

"АБСОЛЮТНАЯ МОНАРХИЯ ВОЗНИКАЕТ В ПЕРЕХОДНЫЕ ПЕРИОДЫ, КОГДА СТАРЫЕ ФЕОДАЛЬНЫЕ СОСЛОВИЯ ПРИХОДЯТ В УПАДОК, А ИЗ СРЕДНЕВЕКОВОГО СОСЛОВИЯ ГОРОЖАН ФОРМИРУЕТСЯ СОВРЕМЕННЫЙ КЛАСС БУРЖУАЗИИ И КОГДА НИ ОДНА ИЗ БОРЯЩИХСЯ СТОРОН НЕ ВЗЯЛА ЕЩЕ ВЕРХ НАД ДРУГОЙ."

(К.Маркс)

АНГЛИЯ В ЭПОХУ АБСОЛЮТИЗМА

АНГЛИЯ В ЭПОХУ АБСОЛЮТИЗМА

(статьи и источники)

Под редакцией
профессора Ю. М. Сапрыкина

480047

НБ ПНУС

480077

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1984

**АНГЛИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ
В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.**

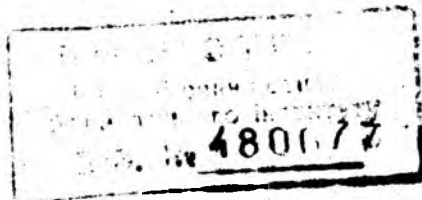
*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета*

Рецензенты: доктор исторических наук Т. С. Осипова
кандидат исторических наук С. Д. Червонов

Англия в эпоху абсолютизма (статьи и источники). — М.: Изд-во Моск.-ун-та, 1984, 200 с.

Сборник посвящен мало исследованному в советской медиевистике вопросам социальной, экономической и внешнеполитической истории Англии XVI—XVII в., событиям реформации и контрреформации; рассматривается также развитие в Англии экономической, этической и религиозной мысли.

Для специалистов-историков, преподавателей, научных работников, аспирантов.

А 0504020000—273 —48—84
077(02)—84

© Издательство Московского университета, 1984 г.

В XVI в. Османская империя играла значительную роль в экономических и международных отношениях в Европе и на Ближнем Востоке. Западноевропейские страны были заинтересованы в поддержании традиционных торговых отношений с Левантом. Турецкая агрессия в Средиземном море, а также открытие морского пути в Индию вокруг Африки отнюдь не привели к упадку средиземноморскую торговлю европейцев с Востоком, и она по-прежнему имела большое значение, хотя и стала менее прибыльной по сравнению с торговлей с Индией вокруг мыса Доброй Надежды¹. Османское государство имело торговые связи со многими странами, в том числе с Венецией, Генуей, Францией, Венгрией, Австрией, Польшей, Россией, поощряло транзитную торговлю с Востоком.

Контакты западноевропейских государств с Османской империей имели и самостоятельное политическое значение. Так как попытки создать общеевропейский союз для борьбы с турецкой угрозой оказались безуспешными, многие страны стремились установить дипломатические отношения с Портой, заключить с ней политический союз или по крайней мере склонить ее к нейтралитету.

В Константинополь прибывали многочисленные иностранные посольства, по отношению к которым при дворе султана сложился своеобразный этикет. Отправление посольств приурочивалось обычно к вступлению на престол нового султана или его крупной военной победе. Каждое иностранное государство, имевшее дипломатические отношения с Турцией, обязано было отмечать такие события, как вступление на престол нового султана, назначение и смену посла в Константинополе церемонией подношения подарков. Посылать подарки следовало не реже одного раза в шесть лет. Эта церемония имела большое значение: дорогие подарки должны были свидетельствовать о богатстве, щедрости и могуществе иностранного правителя, его дружественном расположении к султану. После церемонии подношения подарков и целования руки султана посол имел право обратиться к нему с прошением о подтверждении и расширении торговых привилегий, о политическом союзе, о разрешении на выкуп захваченных в плен соотечественников и т. п. Договоры заключались обычно на сроки, не превышавшие время правления султана. Новый султан должен был подтвердить договор, чтобы он сохранил свою силу.

¹ Lybuer A. H. The Ottoman economy and the shifting of the trade routes. — In: The muslim world on the eve of Europe's expansion. Ed. by J. Saunders. N. Y., 1966, p. 124.

Тесных политических контактов и значительных торговых привилегий добилась в Турции в первой половине XVI в. Франция. Объединенные общими интересами борьбы с Габсбургами, Франция и Турция в 1535 г. заключили «Договор о мире, дружбе и торговле». Этот договор, получивший название «капитуляции», предусматривал поддержку и взаимопомощь в случае внешнеполитических осложнений договаривающихся стран и закрепил значительное влияние, которого Франция добилась в Порте к этому времени. «Капитуляции» предусматривали определенные льготы французскому купечеству. Так, французские купцы в Османской империи должны были платить такие же таможенные пошлины, что и турецкие подданные. Они находились под юрисдикцией своего посла в Константинополе и своих консулов. Корабли других стран, кроме Венеции, могли плавать в турецких водах лишь под французским флагом и пользоваться французской консульской защитой. Французские консулы обязаны были следить за ними, действовать или препятствовать их торговле по своему усмотрению и взимать определенную плату (консулаж) — источник значительных доходов².

Во второй половине XVI в. в связи с изменением международных отношений борьба за влияние в Османской империи усилилась. Развитие капиталистического уклада в западноевропейских странах требовало расширения торговых связей, повысило спрос на товары, поступающие из Леванта (шелк и хлопок-сырец, красители, пряности и прочее). Это обострило торговое соперничество западноевропейских стран в Леванте.

В 70-е годы XVI в. в борьбу за торговые привилегии и политическое влияние в Турции включилась Англия. Вскоре англичанам удалось получить «капитуляции», аналогичные французским, и установить прочные дипломатические контакты с турецким правительством. Политическому альянсу Англии и Турции, которые нуждались в союзниках, благоприятствовали и внешнеполитическая конъюнктура, и положение дел в самой Турции. Значение Франции как политического партнера Турции было подорвано гугенотскими войнами. Назревала открытая война Англии с Испанией за колонии и преобладание на морях, и в этой борьбе она пыталась заручиться поддержкой противников Филиппа II: Франции, Нидерландов и Турции. Османская империя в этот период переживала внешнеполитические затруднения и первые крупные военные поражения, вызванные глубокими внутренними причинами, важнейшими из которых были распад военно-ленной системы, народные восстания и центробежные устремления отдельных крупных феодалов. Турция была ослаблена также войной с так называемой Священной лигой (Испания, Венеция, Генуя и другие государства). В результате поражения при Лепанто (1571) Турция потеряла 225 судов и 20 тыс. человек, что значительно подорвало ее международный престиж. Между тем ее военная мощь оконча-

² Vaughan D. M. Europe and the Turk. A pattern of alliances, 1350—1700. Liverpool, 1954, p. 121.

тельно сломлена не была³. В короткий срок восстановив свой флот, Турция захватила у Венеции Кипр и некоторые другие территории. От активного участия в европейских делах Турцию отвлекла начавшаяся в 1578 г. война с Ираном. Тем не менее Турция, видимо, представляла еще грозную силу, так как папа Григорий XIII пытался организовать новую Европейскую лигу для борьбы с Османской империей, с этой целью он посылал своих агентов не только в западноевропейские страны, но и в Польшу, и в Россию. Испания с готовностью выразила свое согласие участвовать в этой лиге⁴. Этот факт свидетельствует о том, что, несмотря на борьбу с Англией и революционными Нидерландами, а также на необходимость решать другие внешнеполитические задачи, противодействие турецкой угрозе, обеспечение безопасности торговых путей и навигации в Средиземноморье представляли собой одну из постоянных забот испанского правительства⁵. Присоединение Португалии (1581) дало Испании значительные преимущества во внешнеполитической борьбе: большой флот, атлантические порты и поступление драгоценных металлов из колониальных владений. Все это заставляло противников Испании, в том числе Англию и Турцию, искать пути совместной борьбы с ней.

Цель данной статьи — рассмотреть деятельность английской дипломатии в Османской империи во второй половине XVI в., определить ее основные цели и значение.

Установление дипломатических контактов между Англией и Турцией в 70-е годы XVI в. было связано с началом торговли между двумя странами. В 1575 г. два крупных лондонских купца, Эдвард Осборн и Ричард Стэйпер, на собственные средства послали своих служащих (Джона Уайта и Джозефа Клементса) через территорию Польши в Константинополь с целью добиться от турецкого султана Мурада III разрешения на визит английского торгового агента Уильяма Харборна⁷. Это разрешение было получено, и в 1578 г. Уильям Харборн посетил Константинополь. Добившись пожалования Осборну и Стэйперу свободы торговли в турецких владениях, а также получив послание султана королеве Елизавете, он вернулся в Англию. В письме султан заверил английскую королеву в благосклонном отношении к Англии и согласии на торговлю ее подданных в его владениях⁸. В ответном пись-

³ Новичев А. Д. История Турции. Л., 1963, с. 114.

⁴ Vaughan D. M. Op. cit., p. 169—170.

⁵ Sorgia G. Spagna e problemi mediterranei nell'età moderna. Padova, 1973, p. 3.

⁶ Lockyer P. Habsburg and Bourbon Europe, 1470—1720. Bristol, 1974, p. 285.

⁷ Отец У. Харборна был бейлифом Ярмута. С 1582 по 1588 г. У. Харборн являлся послом и агентом Левантской компании в Турции и на этом посту проявил себя как искусный дипломат. По возвращении в Англию поселился в Мандхеме, в Норфолке. Являлся членом Левантской компании, хартия которой была выдана в 1592 г. (Bulletin of the Institute of Historical research, v. XIX, N 57, 1942, p. 160—162).

⁸ Hakluyt R. The Principal navigations, voyages and traffiques of English nation. Ed. by J. Masfield. V. 3. L., 1907, p. 52—53.

ме султану Елизавета просила распространить привилегии и права, полученные Осборном и Стэйпером, на всех английских купцов⁹.

Эти привилегии (или «капитуляции») были пожалованы англичанам в 1580 г. «Капитуляции» подтверждали заключение «прочной дружбы, мира и союза» между двумя странами и содержали 22 статьи, которые определяли торговые права англичан и гарантировали охрану их личностей и имущества¹⁰. Английские подданные получали право торговать повсюду во владениях турецкого султана, уплачивая обычную пошлину (в размере 5%) и освобождаясь от всех других сборов. Запрещалось обращать их в рабство. Имущество умерших английских купцов не подлежало конфискации, а передавалось их соотечественникам. Товары, выброшенные на берег в результате кораблекрушения английских судов, следовало возвращать хозяевам. Турецкие подданные обязывались укрывать английские суда в гаванях во время шторма, оказывать помощь потерпевшим кораблекрушение. В случае похищений английских кораблей и товаров местным властям надлежало разыскать и наказать похитителей. Одна из наиболее важных привилегий — право назначать консулов во владениях султана. Таким образом, английские подданные освобождались от подчинения французским консулам, под покровительством которых находились купцы всех стран, торгующих с Портой, за исключением венецианцев.

В сентябре 1581 г. английская королевская хартия санкционировала создание Левантийской компании, получившей право монопольной торговли во владениях турецкого султана¹¹. Получив королевский патент на право создания компании, купцы предприняли определенные шаги с тем, чтобы иметь в Константинополе постоянного посла в качестве защитника своих интересов. К королеве обратились с петицией о назначении Уильяма Харборна, которого компания решила направить в Турцию официальным представителем Англии в Османской империи.

Согласие королевы было получено лишь через год, после того как компания взяла на себя обязательство оплачивать все расходы, связанные с пребыванием английского посла в Константинополе. Корабль «Сюзан», на котором находился Харборн, достиг Константинополя 26 марта 1583 г.

Харборн имел при себе письма королевы Елизаветы к турецкому султану Мураду III и великому везиру Мехмед-паше. В первом письме указывалось, что цель пребывания Харборна в Порте — стремление выразить «добрые чувства» по отношению к султану,

а также «установление порядка в торговле английских купцов». Елизавета просила султана «всеми возможными средствами» помочь Харборну в выполнении его миссии¹². В письме к Мехмед-паше содержалась просьба оказывать покровительство английским подданным, чтобы их «законные просьбы и интересы справедливо выполнялись»¹³.

Прибытие английского корабля с послом на борту вызвало бурю негодования со стороны французского посла. В своем протесте он заявил, что прием английского посла будет означать нарушение договора с королем Франции, так как францужско-турецкие «капитуляции» предусматривали плавание всех судов, кроме венецианских, под французским флагом. Французский посол заявил также, что он имеет указание от короля препятствовать приему английского посла.

Несмотря на эту оппозицию, Харборн сошел на берег в начале апреля. Очевидно, еще во время своего первого пребывания в Турции он хорошо уяснил силу и значение богатых подарков, своего рода узаконенного подкупа, в достижении необходимых целей. В одном из писем Уолсингему он писал: «Венецианский посол взятками полностью склонил везира на свою сторону, но через некоторое время я попытаюсь расположить его к себе подобным же образом»¹⁴. Именно таким путем он начал завоевывать поддержку пашей, пять из которых особенно часто упоминаются в источниках как объекты его щедрости. Одному из них, Капудан-паше, адмиралу флота, имевшему почти неограниченную власть над флотом империи, Елизавета передала послание, в котором просила оказывать дружественное содействие ее подданным во всех турецких портах и других местах¹⁵. Харборн преподнес Капудан-паше 4 куска сукна и 2 серебряных золоченых гравированных сосуда, за что был удостоен приема на корабле паши, во время которого и передал послание королевы Елизаветы.

Несмотря на противодействие французского посла, У. Харборн был принят султаном Мурадом III, которому также были вручены подарки: шесть кусков дорогой шерстяной ткани различных цветов, роскошные серебряные с позолотой часы, украшенные драгоценными камнями и жемчугом, и серебряная посуда. Стоимость этого подарка (вместе с подарками приближенным султана) составляла 1913 ф. 19 шилл., 1 п.¹⁶ Султан высоко оценил подношения и приказал выполнить просьбы англичан. На прошение Харборна о подтверждении привилегий английских купцов, торгующих в Леванте, был незамедлительно дан положительный ответ. Характеризуя свое положение при дворе султана в качестве посла, Харборн писал Уолсингему: «Мы на равных с французским послом во всех

⁹ Calendar of State Papers, Foreign series of the reign of Elizabeth, 1579—1580, v. 14. L., 1904, p. 76. (Далее — CSP, For., Eliz.).

¹⁰ Hakluyt R. Op. cit., v. 3, p. 59—60.

¹¹ Подробнее о деятельности Левантийской компании, структуре экспорта и импорта в этой торговле см.: Цыпурина Г. И. Торговля Англии с Левантом во второй половине XVI в. — В кн.: Англия XV—XVII вв. Проблемы генезиса капитализма. Горький, 1976, с. 44—58.

¹² Hakluyt R. Op. cit., v. 3, p. 87—88.

¹³ Pears E. The Spanish Armada and the Ottoman Porte. — EHR, v. 8. L., 1893, p. 443.

¹⁴ CSP, For., Eliz., 1583, v. 17, 1913, p. 397.

¹⁵ Hakluyt R. Op. cit., v. 5, p. 223.

¹⁶ CSP, For., Eliz., 1583, v. 17, p. 360.

отношениях; говорят даже, что мы пользуемся большей благосклонностью султана»¹⁷.

Харборн сосредоточил в своих руках и функции английского посла, и обязанности агента Левантской компании. Как посол, он должен был содействовать укреплению дружбы и союза между Англией и Турцией, выполнять дипломатические поручения королевы. Как агент торговой компании, он обладал широкими правами; в его обязанности входило заботиться о соблюдении и расширении торговых привилегий англичан, наблюдать за выполнением английскими купцами положений торговой хартии, осуществлять по отношению к ним судебные и полицейские функции. Харборн имел также право определять места торговли англичан, назначать консулов, издавать указы и постановления относительно ведения торговли¹⁸.

Необходимо отметить, что в этот период торговля с владениями турецкого султана имела большое значение для английской экономики. Из Леванта в Англию ввозилось значительное количество красителей (индиго, чернильный орешек, турмерик), необходимых развивавшейся текстильной промышленности. Существенную роль в импорте играли хлопок-сырец, хлопковая пряжа, шелк-сырец, перец, гвоздика, мускатный орех, имбирь, корица. Постоянными и наиболее значительными предметами экспорта из Англии в Левант были каразая, тонкое сукно высокого качества, олово, свинец, холодное оружие, кроличьи шкурки. Кроме того, экспортировалась проволока, копченая сельдь, сардины, сушеная рыба¹⁹. В конце XVI — начале XVII в. Англия вывозила в Левант ежегодно около 15 тыс. кусков шерстяных тканей, что составляло приблизительно 7% от общего количества экспортируемых тканей²⁰. В условиях осложнения торговых связей с Западной Европой это играло для Англии немаловажную роль. Годовой объем ее торговли с Левантом был значительным и составлял не менее 100 тыс. фт. ст. Сравнение цен на некоторые товары в Англии и Турции показывает, что торговля с Левантом была очень выгодна для английского купечества и способствовала его быстрому обогащению.

В связи с этим деятельность Харборна как торгового агента компании в Османской империи приобретала особое значение. Ему пришлось решать важные задачи: назначение консулов, обеспечение безопасности торговли для английского купечества, защита их жизней и имущества. Роль консулов в организации и ведении торговли в обширных владениях турецкого султана была значительной. Главная их обязанность заключалась в охране прав и привилегий Левантской компании.

¹⁷ Ibid., p. 703.

¹⁸ Hakluyt R. Op. cit., v. 3, p. 85—86.

¹⁹ A Special direction for English traders. Ed. C. Read—EHR, v. 29, N 115, 1914, p. 518.

²⁰ Zins H. Anglia a Baltik w drugiej polowie XVI wieku. Wrocław, 1967, p. 174.

/ Основные торговые фактории и консульства Англии в Восточном Средиземноморье в это время находились в Константинополе, Смирне, Алеппо, Александретте, Триполи, Каире, Александрии, на Кипре, Крите. Первым консулом компании в Александрии, Каире и других пунктах Египта в 1583 г. был назначен Гарвей Миллерс, консулом в Иерусалиме — Ричард Форстер, а в Алжире, Тунисе и Триполи — Джон Типтон²¹.

С 1583 г. Англия фактически находилась в состоянии войны с Испанией, что осложнило использование северных портов Средиземного моря для английских купцов. В качестве опорных пунктов они вынуждены были пользоваться портами Алжира и Триполи, которые входили в состав Османской империи. Понимая это, через консула Типтона Харборн послал королю Алжира письмо с просьбой оградить английские суда от нападений североафриканских пиратов и всячески содействовать деятельности английского купечества в соответствии с договором, который существует между Великим султаном и королевой Англии²². Дело в том, что случаи нападения на английские корабли в североафриканских водах не были редкостью. В 1580 г., например, в Триполи был захвачен английский корабль «Иисус». Его капитан и фактор были повешены, остальные члены экипажа проданы в рабство, грузы и корабль конфискованы²³. Благодаря вмешательству Харборна паша освободил оставшихся в живых пленников и пообещал вернуть стоимость захваченного. Харборну удалось также убедить султана напавших правителям отдельных частей империи, где торговали английские купцы, указы с требованием соблюдать дарованные англичанам привилегии²⁴.

В октябре 1585 г. Харборн жаловался венецианскому послу Лоренцо Бернардо, что пираты захватили 6 английских кораблей. В этой связи Харборну приходилось вновь и вновь обращаться с протестами к великому везиру, который, как правило, обещал компенсировать ущерб и ясно давал понять, что Турция заинтересована в союзе с Англией для противодействия Испании, особенно в условиях осложнившихся отношений с Персией²⁵.

Однако, несмотря на трудности и потери, в целом английская торговля в турецких владениях в тот период развивалась успешно. Успех этот был бы невозможен, если бы не бесконечная дипломатическая борьба, которую Харборн вел при дворе султана.

Франция и Венеция были чрезвычайно обеспокоены укреплением позиций Англии в средиземноморской торговле. Венецианский и французский послы в Константинополе получили задание во что бы то ни стало помешать английскому купечеству закреп-

²¹ Hakluyt R. Op. cit., v. 3, p. 114—115.

²² Ibid., v. 4, p. 263.

²³ Ibid., v. 5, p. 292.

²⁴ Ibid., p. 285—290.

²⁵ Rowland A. L. England and Turkey. The rise of Diplomatic and commercial relations. — In: Studies in English commerce and exploration in the reign of Elizabeth. N. Y., 1968, p. 48.

питься на рынках Восточного Средиземноморья и тормозить деятельность английского посла. Венецианский Сенат, к примеру, дал следующее указание послу Венеции Моресини: «Принимая во внимание ущерб, который может нанести нам в тех краях английская торговля, ... — необходимо сотрудничать с послом Франции и добиться прекращения английских переговоров»²⁶. Однако, если французский посол Жерминьи действовал открыто, Венеция вела более осторожную игру, скрывая свои замыслы. Между тем Жерминьи, при тайной поддержке венецианского посла, делал все возможное, чтобы дискредитировать Харборна и английскую торговлю в глазах турецких властей. И в письменных протестах, и при аудиенциях он пытался убедить султана и его приближенных в бесперспективности английской торговли и политического союза с Англией, утверждая, что король Франции разорвет отношения с Турцией, если контакты с англичанами будут продолжаться. Угрожая покинуть Константинополь, Жерминьи заявлял: «Невозможно, чтобы посол Англии и посол Франции находились здесь одновременно...»²⁷ Однако Харборн умело противостоял интригам французам и венецианцам и выдержал все нападки, проявив недюжинные способности дипломата. Он боролся со своими противниками, используя их же методы, и прежде всего подкуп, который тут считался вполне законным приемом дипломатической игры. Позиция Харборна становилась прочнее день ото дня. В январе 1584 г. на аудиенции у великого везира с целью нейтрализовать действия французского посла Харборн заявил, что дружба английской королевы крайне выгодна Турции, так как только Англия в состоянии противостоять Испании и Франции. В апреле 1584 г. по настоянию Жерминьи венецианский посол передал одному из приближенных султана 5 тыс. цехинов, чтобы добиться поддержки им петиции французского посла об изгнании Харборна. Однако султан ответил, что никогда не удалит из Порты врагов своих врагов²⁸.

Обстановка религиозных войн во Франции подрывала ее влияние в Турции и делала еще более неустойчивой позицию ее посла. Жерминьи был отозван из Константинополя, и полтора года интересы Франции в Турции представлял лишь секретарь посольства. Преемником Жерминьи был назначен Жак де Савари де Ланкосм. Летом 1585 г. венецианского посла Моресини на этом посту сменил Лоренцо Бернардо.

Дипломатические усилия Харборна в этот период ни в коей мере не ограничивались борьбой с соперниками за признание и влияние. После пожалования «капитуляций» между Англией и Турцией последовали переговоры о политическом союзе. Во время первого визита Харборна в Константинополь один из приближенных султана, Мустафа Бей, по поручению турецкого правительства передал королеве Елизавете послание. Оно свидетельствовало о полной осведомленности турецкого правительства о внешнеполи-

тических осложнениях Англии, о том, что у нее много «врагов, которые всеми способами стремятся вредить ей»²⁹. «Я думаю, — говорилось в послании, — вы не откажетесь от союза с султаном, который может помочь вам против всех врагов вашей религии»³⁰. В результате между Англией и Турцией был заключен договор о взаимной помощи и поддержке в случае войны с Испанией³¹.

Главной целью Харборна, наряду с обеспечением торговых интересов, было добиться военной помощи султана против Испании. По всей вероятности, в 1583 г. Харборну удалось получить от приближенных султана обещание, что в случае, если королева Англии начнет военные действия против Испании в Атлантике, Турция также объявит Испании войну. Но никаких реальных шагов в этом отношении Турция не предпринимала. Письмо Харборна султану от 9 ноября 1587 г. свидетельствует о большой заинтересованности Англии в военной помощи Турции; Харборн утверждал, что Англия вступила в открытый конфликт с Испанией, именно потому, что была уверена в этой помощи. По его словам, королева Елизавета начала сомневаться и в возможности получения помощи, и в верности Харборна. Посол убеждал султана послать против «идолопоклонника» (короля Испании) если не весь турецкий флот, то хотя бы 60 или 80 трирем, чтобы поразить испанцев в Средиземном море, из пунктов которого они вывели свои войска, чтобы вести военные действия против англичан. В заключение, пытаясь оказать давление на турецкое правительство, Харборн выдвигал последний серьезный аргумент: если Испания одержит победу над Англией и в христианском мире у нее больше не будет препятствий, она обратит всю свою мощь против Османской империи³².

После отъезда Харборна в Англию в августе 1588 г. его место занял Эдвард Бартон³³. Бартон также прилагал большие усилия для получения военной помощи от Турции и побуждал ее послать флот против испанских судов в Вест-Индию, а также оказать помощь в отторжении Португалии от Испании и возведении на ее престол дальнего родственника испанского короля дона Антонио. В передаче португальского престола дону Антонио английская дипломатия видела одно из важных средств ослабления Испании.

Как явствует из письма Бартона королеве Елизавете от 30 августа 1588 г., в котором он просил ее совета и распоряжений,

²⁹ CSP, For., Eliz., 1578—1579, v. 13, 1903, p. 454.

³⁰ Ibidem.

³¹ CSP, For., Eliz., 1586—1588, v. 21, 1927, p. 588.

³² Pears E. The Spanish Armada and the Ottoman Porte. — EHR, v. 8, p. 445—446.

³³ Эдвард Бартон (род. в 1562 г.) был вторым сыном Эдварда Бартона из Венди, в Йоркшире. Образование получил в грамматической школе. В Турции находился с 1582 г. Был секретарем Харборна, а с 1588 г. выполнял обязанности английского посла в статусе агента. Официально был назначен послом в 1593 г. и проявил на этом посту большие дипломатические способности. Пользовался авторитетом у турецких властей. Бартон умер во время эпидемии чумы в Константинополе в 1597 г. (Bulletin of the Institute of Historical Research, v. 19, N 57, 1942, p. 158—160).

²⁶ Ibid., p. 55.

²⁷ Ibid., p. 56.

²⁸ Ibid., p. 59.

воплощение этого плана в жизнь было возможно тремя путями³⁴. Первый, предложенный султаном, сводился к тому, что сын донна Антонио должен был находиться в Константинополе в качестве заложника, чтобы после того как его отец станет королем Португалии, он полностью возместил Турции расходы, связанные с отправлением экспедиции и оказанием военной помощи. Согласно второму пути, для реального получения помощи Турции необходимо послать в Константинополь драгоценности на большую сумму в качестве оплаты услуг тех лиц, от которых зависело снаряжение экспедиции против Испании. И, наконец, третий путь предполагал отправление в Турцию обычного купеческого судна с подарками султану, однако без назначения нового английского посла. Отказ назначить нового посла в Турцию должен был продемонстрировать недовольство английского правительства нерешительностью султана по оказанию военной помощи Англии. А так как Турция, по словам Бартона, дорожила союзом с Англией, то она должна ускорить свои военные приготовления против Испании. По мнению Бартона, наиболее приемлемой была бы комбинация из второго и третьего вариантов.

По всей вероятности, переговоры по этому вопросу первоначально шли довольно успешно, так как Бартон сообщал, что султан всегда выражает дружеское расположение по отношению к Ее Высочеству, желает ей процветания и успеха и хотел бы продолжения ее предприятия благодаря посылке своего флота против короля Испании³⁵.

Однако позднее, в письмах в Англию от 25 октября, 9 и 23 ноября 1588 г., Бартон уже не упоминает, что турецкая сторона подтвердила свою готовность послать флот против Испании. Султан находился под влиянием приближенных, и доступ к нему был практически невозможен.

30 ноября 1588 г., используя известия о разгроме Непобедимой Армады, Бартон вновь обратился к султану с прошением ускорить выполнение данного обещания. Посылка турецкого флота откладывалась под предлогом отсутствия адмирала, который мог бы возглавить большой флот. Бартон писал султану, что теперь, когда Англия без посторонней помощи одержала победу над Испанией и найден опытный и знающий адмирал, важно не упустить «долгожданный момент и редкую возможность и послать будущим летом энергичного капитана со 100 галерами против Испании»³⁶. По мнению Бартона, Испания не выдержит войны на два фронта и в результате это позволит турецким солдатам захватить огромные богатства, а султану — многие королевства. От имени английской королевы Бартон заверил султана, что, если со стороны Турции «будет получена хотя бы небольшая помощь, королева Англии ни под каким предлогом и ни на каких условиях не заключит

мир с Испанией»³⁷. Бартон заручился поддержкой адмирала Хасана-паши, и турецкая сторона начала некоторые приготовления к отправлению экспедиции.

Однако в январе 1589 г. Бартон вновь писал своему правительству, что подготовка прекращена, и турецкая сторона по-прежнему ограничивается обещаниями, оправдываясь осложнением отношений с Персией, Польшей и Московским государством.

Бартон видел причину бесплодности своих усилий в том, что Испания тратила огромные суммы на подкуп приближенных султана, которые нейтрализовали его действия. В частности, один из них ежегодно получал 90 тыс. дукатов за противодействие политике Англии³⁸. И если бы он имел сотую долю тех средств, которые тратит король Испании, писал Бартон, успех был бы обеспечен. В какой-то степени Бартон был прав. Давая сложные дипломатические поручения английским послам, королева не выделяла ни пенса на то, чтобы помочь их осуществлению. А между тем всем было хорошо известно, что турецкие власти не очень жалуют тех, кто приходит с пустыми руками. Английские послы в Турции Харборн, Бартон и Лелло неоднократно обращались за необходимыми средствами к Левантийской компании³⁹. Жалованье посла (3 тыс. дукатов в год) выплачивалось из средств компании⁴⁰. Все дорогостоящие подарки султанам и их приближенным, несмотря на то, что они преподносились от имени английской королевы, приобретались Левантийской компанией.

Но истинные причины нерешительности Турции, видимо, следует искать в ее внутренней слабости, начинавшемся упадке и неспособности вести активную внешнюю политику, по крайней мере сразу по нескольким направлениям. И тем не менее английской дипломатии удалось держать Испанию в постоянном страхе перед турецким нападением; это сковывало ее действия. По сообщению венецианского посла в Испании Франческо Вандрамина, при испанском дворе только и было разговоров, что о возможных совместных действиях Англии и Турции против Испании⁴¹.

С другой стороны, Испания стремилась заключить мир с Турцией, чтобы иметь свободу рук для войны с Англией. Переговоры с Турцией пытался вести граф Марильяни, который, однако, не мог лично находиться в Константинополе и действовал через своих доверенных лиц. Харборн использовал все возможные аргументы, чтобы помешать испано-турецким контактам, и, видимо, преуспел в этом; Лоренцо Бернардо писал в апреле 1587 г.: «Переговоры о

³⁷ Ibid., p. 459—460.

³⁸ Ibid., p. 464.

³⁹ List and analysis of State papers. Foreign series, 1589—1590. Ed. by R. B. Wernham, v. 1. L., 1964, p. 453. (Далее — L and A SP).

⁴⁰ The Travels of John Sanderson in the Levant (1584—1602), Ed. by W. Foster. L., 1930, p. 182.

⁴¹ Calendar of State Papers and manuscripts relating to English affairs, existing in the archives and collections of Venice and other Libraries of Northern Italy. Ed. by H. Brown. 1592—1605, v. 9. L., 1897, p. 65. (Далее — CSP, Venetian).

³⁴ Pears E. Op. cit., p. 447.

³⁵ Ibid., p. 450.

³⁶ Ibid., p. 459.

мире с Испанией полностью приостановлены в настоящий момент»⁴².

К сентябрю 1587 г. прогресс на переговорах все еще не был достигнут, и Филипп приказал Марильяни изложить свои взгляды на турецкую ситуацию. Марильяни сообщал, что в связи с подготовкой армады против Англии крайне желательно быть уверенным в турках, которые могут вмешаться в конфликт. Для переговоров с Турцией необходимо послать агента в Рагузу, который добьется разрешения для посла посетить Константинополь. Если мир будет заключен, турки не пошлют флот для нападения на Неаполь и Сицилию, чего так активно добивается Англия. Всеми силами нужно поощрять персов вести войну с турками и обещать им помощь⁴³. Такова была стратегия испанцев, и задачей английского посла было противостоять ей. Эту линию в дипломатической борьбе после отъезда Харборна в Англию продолжил Эдвард Бартон.

После разгрома Непобедимой Армады (1588) Филипп не расстался с надеждой на сохранение морского господства и готовил новую экспедицию в Англию. Именно эта политика определяла интересы обеих стран в Турции.

Планы умершего Джованни Марильяни в отношении мирного договора с Турцией продолжил его сын Руджеро, который в ноябре 1589 г. послал в Константинополь своего агента Джованни Стефано Феррари. Феррари действовал через приближенных султана и обратился к великому везиру с просьбой о заключении мира. Бартон принял все меры, чтобы помешать намечавшимся переговорам. В послании султану он указал на опасность сделок с испанским королем, который использует любую возможность для утверждения своего господства в Европе и во всем мире: «...он действовал подобным же образом, когда заключил с вами мир на три года и захватил Португалию и Индию»⁴⁴. По-видимому, Бартон преуспел в своих усилиях: Джованни Стефано Феррари, несмотря на драгоценный подарок, который он преподнес великому везиру, заявили, что переговоры откладываются до возвращения адмирал-паши, тогда — сторонника англичан. По мнению венецианского посла Моро, это было результатом вмешательства Бартона, который, пытаясь выиграть время, в конце концов сорвал переговоры⁴⁵. И действительно, 6 января 1590 г., как доносил венецианский посол, в результате действий Бартона Феррари был выдворен без ответа на письмо Марильяни⁴⁶.

В конце 80-х и 90-х годах XVI в. англо-турецкие контакты так упрочились, что Англия успешно использовала их не только для борьбы с Испанией и своими соперниками на торговых путях в Средиземноморье, но и для политических интриг в Европе.

В 1590 г., когда обострение отношений между Польшей и Турцией едва не привело к военному конфликту, Э. Бартон получил от королевы задание убедить султана отказаться от войны с Польшей. Англия была заинтересована в сдерживании агрессии Турции в Восточной Европе, так как в противном случае Испания чувствовала бы себя в большей безопасности⁴⁷. Бартон заявил приближенному султану, что, готовясь к войне с Польшей, «Турция нарушает свои обещания помогать борьбе с общим врагом и вредит друзьям»⁴⁸. А между тем мир с Польшей был особенно необходим Англии, так как Польша поставляет ей различные виды военного снаряжения, необходимого для борьбы с Испанией. В результате Мурад III сообщил Елизавете, что ее доводы убедили его «заключить мир с Польшей»⁴⁹.

В 1596 г. султан Мухаммед III, сменивший на престоле Мурада III, пригласил Бартона участвовать в очередном походе против Венгрии. Англия воспользовалась этим для проведения политики примирения Турции с императором. Венецианский посол в Германии сообщал, что Бартон был очень активен в своих попытках «содействовать миру между Турцией и императором»⁵⁰. Не скрылась от наблюдателей и конечная цель, преследуемая при этом Англией, — добиться, чтобы турецкий флот напал на Испанию, и предотвратить угрозу нападения Испании на Англию. Участие английского посла в таком ответственном деле подняло авторитет Англии и позволило ей в какой-то степени усилить свое влияние в Европе.

Бартон приложил много усилий для выполнения еще одного важного поручения Елизаветы — обеспечить поддержку султаном главы французских гугенотов Генриха Наваррского, провозглашенного королем Франции в 1589 г. Французским послом в Турции в это время продолжал оставаться Ланкосм, который представлял и защищал интересы Католической лиги и проводил политику, враждебную Генриху IV. Племянник Ланкосма, Бреве, напротив, был сторонником Генриха IV и пытался представлять его интересы в Турции. Бартон должен был дискредитировать Ланкосма и поддержать Бреве, который стремился занять место своего дяди. Обвинив Ланкосма в тайных связях с Испанией и организации заговора против султана, они добились изгнания его из Турции⁵¹. С этого момента до официального назначения Бреве послом и подарков султану от Генриха IV интересы Франции в Турции временно представлял Бартон.

Переход Генриха IV в католичество (1593) и заключение мира с Испанией (1598) значительно охладили симпатии к нему Турции и подорвали позиции французского кудачества в Леванте. Этим тут же воспользовались англичане для расширения своих торговых

⁴⁷ L and A SP, v. 1, p. 451.

⁴⁸ Ibid., p. 452.

⁴⁹ CSP, Venetian, v. 9, p. 232.

⁵⁰ Ibid., p. 233.

⁵¹ Ibid., p. 54.

⁴² Rowland A. L. Op. cit., p. 64.

⁴³ Ibid., p. 65.

⁴⁴ CSP, Venetian, v. 9, p. 6.

⁴⁵ Rowland A. L. Op. cit., p. 98.

⁴⁶ Ibidem.

привилегий в ущерб своим соперникам. Венецианский посол в Константинополе сообщал, что «после перехода короля Франции в католичество английский посол стал пользоваться большим расположением, чем прежде»⁵².

Поддержанию престижа английского посла в немалой степени способствовало прибытие из Англии богатого подарка. Подарок состоял из отличного сукна, золотой и серебряной парчи, серебряной посуды и других вещей. Султан из своего дворца наблюдал торжественное вхождение в бухту Константинополя английского корабля, доставившего подарки⁵³. Стремясь привлечь общее внимание и произвести эффект, англичане разукрасили корабль яркими полотнищами, флажками и вымпелами. Корабль приблизился под звуки фанфар и залпы орудийного салюта. Султану это зрелище так понравилось, что через два дня англичане были вынуждены повторить все сначала, когда корабль подходил к таможне.

Все прошения, представленные английским послом во время церемонии подношения подарков и целования руки султана, были удовлетворены. Одно из них заключалось в подтверждении «капитуляций» и разрешении других вопросов, связанных с торговлей английских купцов во владениях Турции. В знак особой благосклонности со стороны турецких властей английскому послу было преподнесено несколько халатов, которыми обычно награждались лишь послы, уходящие в отставку. Было отдано приказание выплатить Бартону жалованье, которое задерживалось в течение нескольких месяцев.

Вручение султану подарков от имени английской королевы имело заметный политический резонанс. Венецианский посол в Константинополе Джироламо Капелло отмечал, например, в одном из своих донесений, что «турки очень обрадованы прибытию этого корабля, так как они считают это подтверждением их союза с Англией, который необходим им, чтобы сдерживать короля Испании». Не менее очевидным для Капелло было и то, что «англичане постараются извлечь как можно больше пользы из этого, и все их требования будут удовлетворены, особенно если они поддержат их взятками, на которые они очень щедры»⁵⁴.

В конце XVI в. английское купечество поставило своей задачей расширить торговые привилегии в Турции. В новые «капитуляции», вопрос о которых должен был рассматриваться султаном после церемонии подношения подарка, были внесены дополнения с целью облегчить английскому купечеству условия торговли во владениях Османской империи. Подарок из Англии был приурочен к вступлению в обязанности английского посла в Турции Генри Лелло⁵⁵ (1599), сменившего умершего в 1597 г. в Турции Бартона.

⁵² CSP, Venetian, v. 9, p. 110.

⁵³ Ibid., p. 107—109.

⁵⁴ CSP, Venetian, v. 9, p. 371.

⁵⁵ Известно, что Г. Лелло получил образование в Оксфордском университете, а затем продолжал обучение в одной из юридических корпораций в Лондоне. (The Travels of J. Sanderson..., p. 167).

В качестве подарка были присланы орган оригинальной конструкции, экипаж для султанши, 40 кусков сукна и серебряная посуда. Султан из дворца наблюдал салют в его честь с корабля «Гектор», доставившего подарки. Церемония вручения подарков была обставлена очень пышно. Вот как описывал английскую процессию один из ее участников, мастер Даллам, изготовивший орган, подаренный султану: «Он (Г. Лелло. — Г. Ц.) ехал на коне, подобно королю, только без короны, и с ним еще 12 джентльменов и купцов, все в одежде из парчи. Их сопровождало 28 человек пеших, в синих одеждах, сшитых в турецком стиле...»⁵⁶ Прием у султана прошел очень удачно. Во время речи английского переводчика султан сделал даже несколько официальных распоряжений, что означало высшую благосклонность. Действительно, вскоре после вручения подарков Лелло, заручившись поддержкой некоторых пашей, продолжил переговоры о подтверждении «капитуляций», которые были значительно расширены по сравнению с прежними. Однако пока «капитуляции» окончательно оформлялись в диване, Халил-паша, который оказывал поддержку англичанам, был смещен с занимаемого им поста, и его место занял Хафиз, проводивший профранцузскую политику. Хафиз наотрез отказался подтвердить «капитуляции» в расширенном варианте.

Этим не замедлили воспользоваться французы и венецианцы. Соперничество Англии, Франции и Венеции в Леванте разгорелось с новой силой. Французский посол, получив распоряжение Генриха IV «действовать против Англии открыто и без колебаний»⁵⁷, делал все возможное, чтобы изгнать англичан из всех портов Великого султана. Агостино Нани (венецианскому послу в Константинополе) была дана инструкция «способствовать намерению французского посла добиться запрещения английского судоходства»⁵⁸, но действовать при этом осторожно и тайно.

Для достижения своих целей французы и венецианцы опирались на поддержку некоторых приближенных султана, настроенных против Англии. Раздувая слухи о готовящемся между Англией и Испанией мире, они пытались не только убедить султана запретить английское судоходство, но и расторгнуть англо-турецкий политический союз как не приносящий больше пользы Турции⁵⁹. Однако вскоре шумиха вокруг англо-испанских переговоров улеглась, и эти расчеты Франции и Венеции не оправдались. Равным образом не удалось им использовать против англичан и факты английского пиратства. Заявления о необыкновенных размерах английского пиратства, которое якобы представляет серьезную угрозу для самих турок, оказались ложными. Те судовладельцы и купцы, которые действительно занимались пиратством, были в сговоре с местными властями и откупались при помощи взяток⁶⁰.

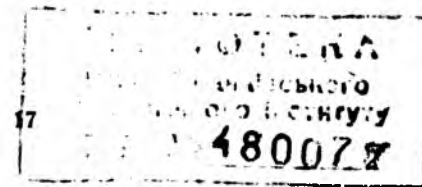
⁵⁶ CSP, Venetian, v. 9, p. 379.

⁵⁷ Ibid., p. 415.

⁵⁸ Ibid., p. 128.

⁵⁹ Ibid., p. 129.

⁶⁰ Ibid., p. 428.

Особое недовольство Франции вызвало стремление Англии отнять у нее право покровительствовать купцам Республики Соединенных провинций, так как предполагалось, что их торговля примет значительный размах и будет приносить солидные прибыли покровительствующей стороне. После упорной борьбы, в которую были вовлечены турецкие министры, англичанам удалось одержать верх: вопрос о покровительстве голландцам был решен в пользу англичан, что нашло отражение в новых «капитуляциях», пожалованных султаном в 1601 г. Эти «капитуляции» не только подтверждали привилегии, полученные английским купечеством ранее, но и значительно их расширяли. Согласно новым «капитуляциям» английские купцы и другие лица, торговавшие в Турции и ее владениях под английским флагом, освобождались от уплаты пошлин с привозимых в те края денег. Торговые пошлины на товары для них снижались с 5% до 3%. Они получали право посреднической торговли во владениях Турции и транзитной торговли с Московским государством и Персией. «Капитуляции» защищали собственность и личное достоинство английских купцов от произвола, нападений и ущерба. Все тяжбы и споры, в которых затрагивались интересы купцов, торгующих под английским флагом, должны были разбираться в присутствии консула или должностных лиц компании. Консулы не могли быть привлечены к суду и отстранены от должности в отсутствие английского посла. Англии передавалось право покровительства купцам Республики Соединенных провинций, которые должны были уплачивать консулажу и другие сборы послу королевы Англии⁶¹.

Итак, деятельность английской дипломатии в Османской империи показывает, что защита интересов купечества, борьба за морские пути составляли характерную черту политики английской абсолютной монархии. В конечном же итоге английское абсолютистское государство выражало интересы своей классовой опоры — феодального дворянства. Значительных противоречий между интересами купечества и политикой Тюдоров в левантийской торговле во второй половине XVI в. еще не было. Но и в этот период абсолютная монархия преследовала прежде всего собственные цели и не упускала возможности поживиться за счет купечества. Так, право на торговлю с Левантом санкционировалось королевской хартией, торговля при этом подвергалась регламентации. Государственная казна пополнялась за счет таможенных сборов и других налогов с компании. Компания должна была оплачивать расходы на содержание английского посла в Константинополе, подарки султану и его приближенным.

Деятельность английского купечества в Леванте в конце XVI в. положила начало проникновению английского торгово-промышленного капитала в Турцию и страны Ближнего Востока. Проникновение английского торгового капитала в Левант носило отнюдь не мирный характер. Англия, в которой капиталистический уклад раз-

вивался быстрыми темпами, вступила в острую конкурентную борьбу с Испанией, Францией и Венецией за экономическое и политическое преобладание в Османской империи. Все это подтверждает тот факт, что еще в период генезиса капитализма возник один из характерных его признаков — борьба за рынки сбыта и сырья, сферы влияния. Соперничество западноевропейских государств в Османской империи во второй половине XVI в. — один из эпизодов торговых войн, начало которым было положено именно в этот период.

Деятельность английской дипломатии в Турции во второй половине XVI в. свидетельствует о том, что внешняя политика Англии носила отнюдь не мирный, оборонительный характер, как это часто утверждают английские буржуазные историки: Англия бросила вызов господству на морях Испании, проникла в ее колонии, грабила испанские суда и в борьбе с ней пыталась заручиться поддержкой других стран. Английское купечество развило бурную деятельность в Леванте и стало вытеснять Венецию и Францию с их традиционных торговых путей и пунктов. Все это показывает, какую большую роль в международной политике в тот период играла борьба за морские пути, торговые привилегии и монополии.

Дипломатическая борьба в Турции во второй половине XVI в. завершилась победой Англии, что позволило ей укрепить свой международный авторитет и установить экономическое и политическое влияние в этой стране. Сближение Англии и Турции оказало определенное влияние на расстановку сил на международной арене в тот период. Англо-турецкий альянс стал орудием английской политики, а взаимные симпатии Англии и Турции способствовали политической изоляции Испании.

Источники

Мустафа-Бей¹ — королеве Елизавете
(20 марта 1579 г.)

Ваш подданный У. Харборн пришел ко мне и просил меня добиться разрешения для него торговать беспрепятственно во владениях моего господина Султана Мурад Хана. В то время как я вел переговоры с моим господином по этому вопросу, мне на ум пришла идея каким-либо образом способствовать заключению союза между Вами и им, так как, во-первых, вы придерживаетесь самой лучшей из всех христианских религий и, во-вторых, потому, что по этой причине христиане во всем мире завидуют вам и всеми способами стремятся вредить, если могут. А также потому, что в ваших интересах быть в согласии с таким выдающимся правителем, с которым почти все правители и короли стремятся быть в-

⁶¹ The Travels of J. Sanderson., p. 282—287.

¹ Приближенный султана Мурада III.

тесном союзе... Поэтому, я думаю, вы не откажетесь заключить союз с нашим господином, который может помочь вам против всех врагов вашей религии. Если вы согласны, я постараюсь способствовать такому союзу.
CSP., Eliz., 1578—79, v. 13, p. 454.

Капитуляции, или привилегии, пожалованные турецким султаном английским купцам для торговли в Османской империи (1580 г.)

Мы, могущественнейший правитель Мурад Хан, в знак нашей высочайшей дружбы, указываем и объявляем, что недавно Елизавета, королева Англии, Франции и Ирландии, благороднейшая королева христианского мира, чьим купцам мы желаем удачи, прислала письмо через своего достойного слугу Уильяма Харборна в нашу величественную и великолепную Порту, украшенную справедливостью и являющуюся прибежищем для всех правителей мира. В этом письме Ее Величество заявило, что не так давно несколько ее подданных посетили нашу могущественнейшую Порту и выразили ей свою покорность и пожелали, чтобы им было пожаловано право свободно прибывать в наши владения и уезжать в целях торговли и чтобы было отдано наше высочайшее приказание, чтобы ни один человек не смел вредить или препятствовать им во время их путешествий, морских или сухопутных. И она выразила пожелание, чтобы мы пожаловали всем ее подданным эту нашу милость, которую до этого мы пожаловали только нескольким из ее подданных. Поэтому, так как мы вступили в дружеские отношения и священный союз с выдающимися королями и правителями, нашими союзниками, которые показали свою преданность, повинование и готовность оказывать услуги нашей величественной Порте, а именно французский король, венецианцы, король Польши и другие, таким же образом мы заключили нерушимую дружбу и союз с королевой. Поэтому мы даем разрешение всем ее подданным и купцам мирно и благополучно прибывать в наши владения со всеми их товарами, без каких-либо препятствий вести торговлю, пользоваться их обычаями, покупать и продавать в соответствии с правилами их страны.

И далее, Ее Величество сообщило нам, что некоторые из ее подданных были захвачены в плен и находятся в неволе, и она просит, чтобы они были освобождены. Так как мы пожаловали другим правителям, нашим союзникам, привилегии и государственные указы о нашем нерушимом союзе с ними, равным образом, нашему высочеству угодно пожаловать и утвердить такие же привилегии и государственные указы этой королеве... И мы немедленно приказываем всем нашим бейлербейям, нашим слугам, нашим судьям и всем сборщикам таможенных пошлин во всех местах, гаванях и на торговых путях, чтобы до тех пор, пока существует этот союз, он соблюдался на следующих условиях и статьях, о которых просила королева.

1. Нашим высочайшим распоряжением и милостью мы жалуем, чтобы подданные королевы могли благополучно и безопасно прибывать в наши государственные владения с их имуществом, товарами, грузами и другими произведениями морем на больших и малых судах и сушей. И чтобы ни один человек не вредил им при этом. Они имеют право покупать и продавать без препятствий и соблюдать обычаи и правила их собственной страны.

2. Далее, если указанные люди и купцы во время путешествия или торговли каким-либо образом будут захвачены, они должны быть освобождены и отпущены без каких-либо предлогов и придинок.

3. Далее, если их корабли придут в какой-либо из наших портов и гаваней, они имеют право мирно вести там торговлю и затем покинуть это место без каких-либо задержек и препятствий.

4. Далее, если случится, что какие-либо из их кораблей в плохую погоду окажутся под угрозой гибели и будут нуждаться в нашей помощи, мы приказываем, чтобы наши люди и корабли были готовы помочь и оказать поддержку.

5. Далее, если они захотят купить продукты за их деньги, никто не должен им препятствовать и устраивать из-за этого беспорядки.

6. Далее, если их корабли будут выброшены на берег вследствие кораблекрушения, наши служащие и судьи и другие наши подданные должны оказать им помощь, и товары, которые могут быть спасены, должны быть им возвращены, и никто не должен причинять им ущерб.

7. Далее, если подданные указанной королевы, их переводчики и купцы в целях торговли сухопутным путем или по морю придут в наши владения, уплачивая положенные сборы и пошлины, путь им должен быть открыт и никто из наших капитанов на море и судах и никакие другие лица не должны вредить им лично и их товарам.

8. Далее, если какой-нибудь англичанин окажется в долгу у какого-либо человека и уедет, так что его нельзя будет найти, пусть никакой другой человек не будет арестован или задержан за его долги, кроме поручителя.

9. Далее, если какой-нибудь англичанин сделает завещание, кому он отдаст свое имущество, это лицо, соответственно, должно его получить. Если же кто-нибудь умрет, не оставив завещания, имущество получает тот, на кого укажут консул или правитель компании.

10. Далее, если англичане или купцы и переводчики из каких-либо мест, подвластных Англии, при покупке или продаже товаров каким-либо образом поспорят с кем-нибудь, пусть идут к судье и потребуют, чтобы решение по их делу было записано в книгу, и если они хотят, пусть они также возьмут письма от судьи, подтверждающие это, чтобы люди могли видеть книгу и письма, если что-нибудь случится. Таким образом спорное и сомнительное дело может быть решено; если же решение не было записано в книгу и лица не получили писем от судьи, он не должен верить ложным

свидетельствам, но должен вершить суд по справедливости и не допускать, чтобы с кем-либо плохо обращались.

11. Далее, если какой-нибудь человек станет утверждать, что кое-кто из христиан говорил вещи, оскорбляющие нашу священную веру и религию и клеветал на нее, в этом случае, как и во всех других, пусть не обращают внимания на ложные доносы.

12. Далее, если кто-нибудь из них совершит какое-нибудь тяжелое преступление, убежит и его не смогут найти, пусть никто не будет арестован или задержан за вину другого человека, кроме его поручителя.

13. Далее, если выяснится, что какой-нибудь раб — англичанин, и их консул или правитель [компании] будет ходатайствовать о его освобождении, пусть этого раба подвергнут тщательному допросу, и если окажется, что он действительно англичанин, он должен быть освобожден и передан англичанам.

14. Далее, если какой-нибудь англичанин прибудет для того, чтобы жить или торговать, если он женат или холост, он не должен платить поголовный сбор.

15. Далее, если в Александрии, Дамаске, Самосе, Тунисе, Триполи, в портовых городах Египта или в каких-либо других местах они захотят выбрать себе консулов или правителей, пусть делают это; если они захотят сменить их в любое время и вместо прежних консулов назначить других, пусть делают это также, и ни один человек не должен им препятствовать.

16. Далее, если их переводчик в какое-либо время будет отсутствовать, будучи занят другими делами, пусть вопрос, который нужно решить, будет отложен до его возвращения, а до того момента ни один человек не должен их беспокоить.

17. Далее, если среди англичан возникнет какой-либо спор или ссора и они обратятся к своим консулам или правителям, пусть ни один человек не мешает им, но они свободно это делают с тем, чтобы начавшийся спор мог окончиться в соответствии с их собственными обычаями.

18. Далее, если после пожалования этих привилегий какие-нибудь пираты или просто капитаны кораблей, торгующие на море, захватят англичанина и продадут его за море или на этой стороне моря, дело должно быть расследовано по справедливости, и если потерпевший окажется англичанином и перейдет в мусульманскую веру, он должен быть отпущен на свободу; если он останется христианином, он должен быть возвращен англичанам, а покупатели его должны потребовать свои деньги назад от тех, кто продал им человека.

19. Далее, если военные корабли нашего высочества в какое-либо время выйдут в море и обнаружат английские корабли, нагруженные товарами, ни один человек не должен чинить им препятствия, но должен относиться к ним дружески и не делать им вреда, ибо, так как мы пожаловали статьи и привилегии французам, венецианцам и другим королям и правителям — нашим союзникам, точно так же мы дали их англичанам, и против этого

нашего божественного закона и привилегий пусть ни один человек не осмеливается что-либо предпринимать.

20. Далее, если какие-либо из их больших или малых кораблей во время путешествия или в каком-либо месте, куда они прибудут, будут задержаны или арестованы, пусть ни один человек не продолжает арест этот, но помогает и содействует им.

21. Далее, если пираты или разбойники силой захватят какой-либо из их кораблей и товары, пусть этих разбойников разыскивают со всей тщательностью и пусть они будут наказаны очень сурово.

22. Наконец, все бейлербеи, наши капитаны, наши рабы и слуги капитанов, служащих на море, наши судьи, таможенные служащие и капитаны кораблей должны поступать в соответствии с содержанием этой привилегии и статей, и до тех пор, пока королева Англии со своей стороны будет должным образом соблюдать и придерживаться этого союза и священного мира, о котором говорится в этой привилегии, мы также с нашей стороны строго приказываем, чтобы она соблюдалась и выполнялась. Дано в Константинополе, в июне 1580 г.

Hakluyt R. The Principal Navigation..., v. 3, p. 59—60.

Патент или привилегии, пожалованные Ее Величеством сэру Эдварду Осборну, Ричарду Стейперу и некоторым другим купцам Лондона для торговли во владениях Великого султана в 1581 г.

Елизавета, божьей милостью королева Англии, Франции и Ирландии, защитница веры и т. д. Всем нашим служащим, подданным и всем другим людям в королевстве Англии, так и повсюду, находящимся под нашей юрисдикцией, всем кто прочтет или увидит этот патент, привет.

Наши подданные Эдвард Осборн, олдермен города Лондона, и Ричард Стейпер, купец этого нашего города, с большим риском, трудностями и издержками в течение последних нескольких лет организовывали экспедиции сухопутные и морские для того, чтобы установить торговый обмен с землями, островами, владениями и территориями Великого султана. Они также благодаря своим средствам и усердию получили от Великого султана право безопасно и свободно торговать в его владениях. Поэтому есть надежда и вероятность, что в результате этого много пользы будет принесено христианскому миру, будут освобождены христиане, которые находятся в рабстве или нужде во владениях Великого султана, его вассалов или подданных. Может быть налажен прибыльный обмен товарами нашего королевства и получены другие выгоды, преумножающие нашу королевскую славу и достоинство и способствующие увеличению доходов короны и общего богатства нашего королевства.

Вследствие этого мы, заботясь о благе нашего народа и о поощрении наших подданных в их больших предприятиях на

пользу государства, жалуем нашим подданным Эдварду Осборну, Томасу Смиту, эсквайру из Лондона, Ричарду Стэйперу и Уильяму Гаррарду, купцам из Лондона, их агентам и служащим право в течение 7 лет свободно вести обмен, торговать и привозить товары из владений Великого султана в соответствии с теми правилами, формой, порядками, которые они сообща установят. Всякие законы, статуты, правила, противоречащие этому, считать недействительными, различия в вере — не играющими роли.

Указанные Эдвард и Ричард и их агенты в течение указанного периода имеют право назначать и принимать в партнеры для торговли лиц, рожденных в Англии, числом не более 12.

Указанные Эдвард, Томас, Ричард и Уильям, их слуги, агенты и заместители и все те, кто будут назначены и приняты в компанию, имеют право устраивать собрания для решения дел, связанных с торговлей в любом удобном для них месте королевства в течение 7 лет и устанавливать различные правила для улучшения руководства компанией и для лучшего ведения этой торговли.

Исходя из того, что Эдвард Осборн сыграл ведущую роль в установлении этой торговли, мы этим патентом назначаем Эдварда Осборна правителем компании сроком на 7 лет. Если случится, что Эдвард умрет в течение этого периода, тогда Ричард Стэйпер будет правителем. Если же случится, что они оба умрут, тогда купцы время от времени в случае необходимости будут выбирать правителя компании.

Если возникнет острая необходимость сместить правителя компании, мы имеем право сместить такого правителя и назначить на его место другого из членов компании. Мы обещаем, что никакие меры в торговле не будут приниматься без согласия Эдварда, пока он является правителем компании, и в дальнейшем — без согласия другого правителя компании, который будет избран на его место, и большинства членов компании.

Никто, кроме Эдварда Осборна, Томаса Смита, Ричарда Стэйпера, Уильяма Гаррарда и других членов компании не имеет права плавать и торговать с владениями Великого султана... Корабли, имущество и товары наших подданных, которые нарушат это запрещение, должны конфисковаться: 1/2 конфискованного поступает в наше распоряжение, другая половина переходит в собственность членов компании. Нарушители подвергаются тюремному заключению и другим наказаниям, которые мы сочтем нужным наложить.

Члены компании в течение 6 последних лет из семи должны ежегодно ввозить и вывозить столько товаров, чтобы ввозные и вывозные пошлины составляли 500 фунтов ежегодно.

Если окажется, что это пожалование стало невыгодным для нас, наших наследников и преемников или для нашего королевства тогда, по истечении одного года после того, как компания будет предупреждена, этот патент будет считаться недействительным.

Предусматривается также, что мы, наши наследники и преемники время от времени в течение 7 лет имеем право назначать в члены компании двух лиц... Они могут вложить в торговлю столь-

ко средств, сколько пожелают, но должны вносить все платежи в соответствии с суммой вложенных денег. Подобным же образом они должны соблюдать все другие постановления компании. Hakluyt R. The Principal Navigations..., v. 3, p. 65—66.

Королевское приказание ее слуге Уильяму Харборну быть послом и агентом Ее Высочества в Турции (1582 г.)

Так как султан Мурад Хан, правитель Турции и Восточной Империи, заключил с нами дружественный союз, и так как для подтверждения и упорядочения его этот правитель пожаловал нашим подданным свободу торговли во всех частях его империи с такими же привилегиями, что и другим правителям, и так как мы не хотим ничего, кроме доброго отношения правителя к нам, мы, будучи уверенными в верности, покорности, мудрости и добром нраве и расположении нашего слуги Уильяма Харборна, сквайра, к нам и нашей службе, настоящим документом делаем, назначаем и узакониваем его в качестве посла, помощника и агента. Даем ему полномочия и власть от нашего имени и для нас поддерживать этот союз дружбы, взять в свои руки пожалованные привилегии и взять под свою власть всех подданных, торгующих в тех краях, чтобы до тех пор, пока они торгуют в тех краях, они подчинялись предписанию и порядку, указанному привилегиями, а нарушители этого нашего договора осуждались и наказывались соответственно. Мы даем ему власть над всеми, торгующими в тех краях, право назначать места их торговли, запрещать торговлю в других местах, назначать консулов и правителей, издавать законы и постановления, в соответствии с которыми все наши подданные должны вести себя как в общественных делах, так и в личной жизни; исправлять и наказывать нарушителей этих законов и, наконец, делать все, что будет необходимо для хорошего управления нашими подданными и их торговлей в тех краях. Если агент будет предпринимать какие-либо действия, противные нашим законам, они должны быть представлены нам и утверждены нами. Hakluyt R. The Principal Navigations..., v. 3, p. 85—86.

Письмо Елизаветы турецкому султану, рекомендующее Харборна в качестве посла (1582 г.)

Так как в 1580 г. вы вступили в мирный договор с нами и позволили нашим подданным торговать в ваших владениях, мы будем стремиться к тому, чтобы этот союз процветал и был прочным. Поэтому мы сочли необходимым послать вам нашего Уильяма Харборна, который одновременно выразит вам наши добрые чувства и которого мы будем использовать для установления порядка в торговле наших подданных, как в Константинополе, так и в других местах в соответствии с привилегиями, что пойдет на пользу и вашим и нашим подданным. Поэтому мы просим Ваше Высочество всеми возможными средствами помочь нашему послу

в выполнении вашей воли, так как в обязанность ему мы вменили следующее: чтобы все подданные ему подчинялись, насколько позволяет ваше пожалование. Если он добьется вашей благосклонности, торговля между нашими странами будет процветать. Hakluyt R. The Principal Navigations..., v. 3, p. 87—88.

Подарок, отправленный великому султану и его приближенным с У. Харборном на корабле «Сюзан оф Лондон» (1582 г.)

	ф. ст.	шилл.	пенс.
Для великого султана 6 кусков дорогой ткани разных цветов	271	7	0
Атлас и бахрома для его отделки, украшенной вышивкой с изображением королевских гербов и кисточками из серебра и золота	18	15	4
Прекрасные часы с секретами, украшенные драгоценными камнями, жемчугом, серебром и позолотой	255	0	0
Серебряная посуда (чаши, сосуды, блюда, подсвечники), украшенная серебряными попугаями и ястребами	369	0	6
Для великого везира половина количества сукна, отправленного великому султану и серебряная посуда	205	10	1
Для адмирала, сукно и серебряная посуда	155	11	2
Для Яньчар-Аги, сукно	107	7	6
Для трех пашей, сукно (каждому)	88	7	6
Для Мустафы, драгомана, сукно и серебряный кубок	50	5	0
Камчатное полотно	216	0	0

CSP., For., Eliz., 1583, v. 17, p. 683.

Джон Сандерсон из Константинополя — Ричарду Стэйперу в Лондон (4 января 1597 г.)

Посол сейчас очень занят соперничеством с французским послом, который намерен возобновить свои привилегии, в которые он хочет включить пункты, чтобы все нации, кроме Венеции и Англии, приходили под французским флагом. Мы надеемся, что наш посол одержит верх над французским... The Travels of John Sanderson in the Levant..., p. 167.

Джироламо Капелло, венецианский посол в Константинополе — дожу и сенату Венеции (21 августа 1599 г.)

После длительного ожидания подарка английской королевы султану говорят, что корабль² с подарком на борту уже прошел

Дарданеллы. Он доставит шерстяные ткани и другие первоклассные товары, а также патент, утверждающий английского агента, находящегося здесь, в качестве посла³. Он готовит ливреи для многочисленной свиты и дает понять, что собирается жить на широкую ногу. Турки очень обрадованы прибытием корабля, что они рассматривают как подтверждение их союза с Англией, которому они придают большое значение, так как он позволяет им сдерживать короля Испании. Англичане, которые знают свое преимущество, постараются извлечь из этого всю возможную выгоду и получат согласие на все свои требования, особенно если они будут сопровождать их подарками, на которые они очень щедры. Если их торговля шерстяными тканями здесь будет идти успешно, что вполне вероятно, так как они хороши по качеству и внешнему виду, что нравится туркам, венецианской торговле будет нанесен большой удар. Англичане откроют фактории по всей Турецкой империи, как они сделали в Сирии и Александрии, и получают любые привилегии, о которых попросят. CSP., Venetian, v. 9, p. 371.

Джироламо Капелло, венецианский посол в Константинополе — дожу и сенату Венеции (17 июня 1600 г.)

Противоречия и соперничество между французским и английским послами перерастают в ненависть, так как, кроме вопроса о покровительстве, который до сих пор не решен, пламя вспыхнуло из-за постоянного ущерба⁴, который англичане причиняют французам в этих водах и повсюду. По этой причине французский посол не только требует компенсации, но делает все возможное, чтобы добиться изгнания англичан из всех портов и гаваней великого султана. В этих переговорах он достиг такого успеха, что склонил на свою сторону Ахмед-пашу и Капудан-пашу... В результате они задумали не только запретить английское судоходство, но также расторгнуть союз с англичанами, так как, по их словам, они заключили его с единственной целью, чтобы королева была в постоянной борьбе с испанской короной. А в настоящее время, когда она готова заключить мир с Испанией, союз с ней не является подходящим и выгодным. CSP, Venetian, v. 9, p. 414.

Капитуляции, пожалованные Елизавете, королеве Англии (1601 г.)

В нашу Порту, прибежище справедливости, милосердия и счастья... прибыл корабль с подарками для нас от королевы, сопровождаемый почтенным джентльменом, ее послом и другими лицами. Этот подарок был нами любезно принят, а сопровождаю-

³ Речь идет о Генри Лелло.

⁴ Речь идет о пиратстве.

² «Гектор».

щие доброжелательно встречены. Во времена нашего отца, счастливейшей памяти султана Мурада, ... королева подобным же образом направила посла, чтобы выразить свою дружбу и попросить привилегии для своих подданных и нации, чтобы они могли прибывать и торговать в его владениях. Эти государственные привилегии были им пожалованы, и сделаны распоряжения, что они могут прибывать и приезжать по морю или сухим путем, свободно передвигаться и жить без каких-либо препятствий. Сейчас также в соответствии с сердечной дружбой, которая была между нами, королева написала дружественное письмо в нашу Порту, являющуюся прибежищем всякой справедливости, для того, чтобы мы заключили и установили такие же дружественные отношения с ней, какие мы установили с правителями Французским, Венецианским, Польским и другими, которые подобным образом написали свои дружественные письма к нашему могущественному трону, с тем, чтобы все их подданные, купцы и другие лица могли свободно прибывать и торговать в наших владениях. Эту дружбу мы скрепили такими же дружественными и высочайшими капитуляциями и указаниями, какие были пожалованы им нашим светлейшей памяти отцом. Поэтому подобным же образом, по просьбе королевы, чье письмо было зачитано при нашем могущественнейшем троне и чьи заверения в искренней дружбе приняты нами с готовностью, мы жалуем ее подданным такие же полные привилегии и свободы, какие пожалованы вышеуказанным правителям, с возобновлением прежних капитуляций, пожалованных нашим отцом, а также тем, что добавлено нами в этих наших капитуляциях справедливости, и приказываем, чтобы они соблюдались и выполнялись.

В соответствии с просьбой королевы нами пожаловано и приказано следующее:

1. Во-первых, в соответствии с просьбой посла, переданной от имени королевы, решено, что все английские купцы и другие лица, торгующие в моих владениях под флагом королевы Англии, не должны платить пошлину с цехинов и различных других монет, которые они привезут в мои владения. Мои бейлербеи, наместники и служащие монетного двора не должны преследовать или беспокоить их, утверждая, что они обязаны сначала уплатить гербовый сбор или обменять их на асперы⁵, а затем расплачиваться ими.

2. Далее, кроме пороха и других подобных запрещенных товаров, им разрешается грузить все товары, и никто не должен им в этом мешать.

3. Далее, если какой-либо из английских кораблей из-за опасности плавания через Гибралтар или другого препятствия задержится с отправлением в Англию, они имеют право торговать во всех моих владениях, где они пожелают, и никто не должен им запрещать это или вредить.

4. Далее, если у англичан или других лиц, торгующих под английским флагом, возникнут разногласия или тяжба, они должны рассматриваться только в присутствии их консула или должностных лиц. Если дело будет касаться суммы более 4 тыс. асперов, оно не должно слушаться в другом месте, а отсылаться к нашему престолу.

5. Далее, во всех моих владениях ни один английский консул, назначенный для руководства и защиты своей нации, не может быть арестован, привлечен к суду, отстранен от должности, а дом его не может быть опечатан, пока не будут извещены об этом должностные лица султана и английский посол, с тем, чтобы консул мог ответить на все обвинения, выдвигаемые против него.

6. Далее, если англичанин или кто-либо другой под их флагом, имеющий товары или денежные средства, умрет в моих владениях, мои должностные лица не должны претендовать на них, утверждая, что это товары умершего или отсутствующего.

7. Далее, все привилегии, которые здесь даны или будут пожалованы в дальнейшем английской нации или другим, торгующим под их флагом, которые служат их выгоде и благу, имеют силу капитуляций и не должны им противоречить. Наши должностные лица и судебные исполнители не должны требовать с них налог — десятину.

8. Далее, английские консулы, согласно обычаю, могут нанимать слуг и янычар по своему усмотрению. Эти слуги и янычары не должны, однако, вмешиваться в дела консулов.

9. Каждый англичанин, где бы он ни жил, может покупать виноград и делать вино в своем доме для себя и своей семьи, и никто не должен препятствовать или мешать ему.

10. Далее, никто из моих рабов, янычар и должностных лиц не должны ничего требовать у англичан силой, не вредить и не причинять им беспокойства.

11. Далее, в Алеппо, Искандероне и других местах в моих владениях англичане и все другие под их флагом должны платить пошлину лишь один раз, сверх этого у них не должны требовать ни аспера. С них не должны взимать также налог в пользу таможенных служащих.

12. Далее, поскольку послы королевы Англии и короля Франции, находящиеся в моей счастливой Порте, ведут длительный спор относительно покровительства голландским купцам, торгующим в моих владениях..., этот вопрос был передан на рассмотрение и решение великому, достойному и наиболее опытному в мире моему слуге Синан-паше, который является в настоящее время моим великим везиром и великим адмиралом. Он провозгласил, что голландцы должны быть переданы и пожалованы королеве Англии. Поэтому, в соответствии с решением вышеназванного адмирала и других моих знатных приближенных, приказываем, чтобы все купцы Фландрии, Голландии, Зеландии, Фрисландии и Гельдерна торговали и приходили под флагом королевы Англии так же свободно, как сами английские купцы, уплачивая консулаж и

⁵ Аспер = 1/2 пенса.

другие сборы как со своих товаров, так и с товаров других, погруженных на их корабли, послу королевы Англии. Впредь французский посол не должен этому препятствовать, так как это мое распоряжение, которое должно тщательно выполняться в соответствии с моими капитуляциями. Отныне и навсегда указанные голландцы должны приходить под английским флагом и подобно английским купцам уплачивать обычный консулаж английским консулам. Французский посол, французские консулы и другие лица... не должны вредить и причинять беспокойство голландцам.

13. Далее, чтобы не отдавались распоряжения, которые могут нарушить или отменить эти мои статьи... без консультации с послом королевы Англии, который находится в моей счастливой Порте, с тем, чтобы он мог ответить на все претензии и заявления.

14. Далее, что английские купцы в Алеппо, Каире и других моих владениях, торгующие в соответствии с установленным порядком, должны уплачивать за все товары только 3% пошлины...

15. Если за товары, которые грузятся на их корабли, заплачена пошлина в одном порту, но они не проданы и отправлены в другой порт... с них не должна взиматься пошлина во второй раз.

16. Все английские корабли, нагружающие и разгружающие в моих владениях товары, за которые уплачивается пошлина, уплачивают консулаж английским консулам.

17. Далее, наконец, английские купцы и другие представители их нации все товары, которые они привозят или покупают в моей стране, которые не являются запрещенными, могут продавать и вывозить как по морю, так и по суше, и по реке Дон в Азов, в Московию, в Россию и во все места в моих владениях. Они могут также торговать, получать и продавать в Персию, которую мы завоевали нашим мечом, транспортировать и перевозить, и никто не должен вредить им или беспокоить их. И за все товары, которые они будут ввозить или вывозить из Персии, уплачивать пошлину установленных размеров и не более.

И если корабли, которые идут в Константинополь, будут неблагоприятными ветрами отнесены в другие порты и если они не захотят продавать там их товары, пусть никто не заставляет их разгружаться или брать какие-либо товары, и не беспокоит их и не вредит их кораблям и людям. Если они будут испытывать трудности или попадут в опасное место, их правители должны назначить людей охранять и оберегать их корабли и товары с тем, чтобы им не был причинен ущерб, и они должны позволить им покупать все продукты, которые потребуются, за деньги. И если они наймут повозки или суда, чтобы перегрузить свои товары, ни один человек не должен препятствовать или мешать им. И за товары, которые будут привезены из тех мест в Константинополь, они не должны платить пошлину, пока они не сгрузят эти товары или не продадут их. Прибыв из тех краев и завершив свои дела, они могут отправляться дальше спокойно и без препятствий.

The Travels of John Sanderson in the Levant, 1584—1602, p. 282—287.

На протяжении всего средневековья Шотландия — экономически слабо развитая, политически раздробленная страна — была объектом постоянных захватнических устремлений Англии. По замечанию шотландского хрониста XVI в. Крэга, «в Англии, начиная с Вильгельма Завоевателя, не было ни одного короля, который бы не стремился подчинить Шотландию»¹. Постоянная угроза вторжения английских феодалов, войны с которыми велись с перерывами на протяжении десятилетий, заставляла Шотландию искать себе сильного союзника; и она нашла такового в лице Франции. В 1296 г. было заключено соглашение о союзе с Францией, в котором обе стороны «обязывались действовать совместно в случае нападения англичан»². Однако помощь Франции диктовалась в первую очередь политическими соображениями: французский двор рассматривал Шотландию как удобный плацдарм для борьбы с Англией.

Стремление Англии аннексировать Шотландию заметно усилилось со второй четверти XVI в., что было обусловлено не только внешнеполитическими условиями (войнами с Францией, действующей в союзе с Шотландией), но и всем ходом социально-экономического и политического развития английского абсолютизма в первой половине XVI в. Начавшийся в Англии быстрый процесс капиталистического развития заметно повысил интерес широких кругов английской буржуазии и нового дворянства к Шотландии, которая могла стать как дешевым источником сырья (в первую очередь шерсти, спрос на которую возрос и в Англии, и в Европе), так и емким рынком для сбыта изделий растущей английской промышленности.

Об усилении экономического проникновения Англии в Шотландию свидетельствуют данные источников (возрастает число так называемых охранных грамот на торговлю с Англией, предоставляемых шотландским купцам³), а также наблюдения современников. По донесению французских агентов (конец 40-х годов XVI в.), «английских купцов можно встретить повсюду в Шотландии, в том числе и в самых отдаленных областях, таких как Шетланд, Лок-Каррон, где они закупают шерсть, сельдь, лососину»⁴.

Экспорт шотландских товаров в Англию приобретал все большее значение для шотландских купцов, о чем свидетельствуют

¹ Scottish Diaries and Memories, v. I. Ed., 1926, p. 124.

² Source Book of Scottish History, v. I. L., 1958, p. 41.

³ С 1513 по 1538 г. число «охранных грамот» увеличилось с 16 до 48. (Exchequer Rolls of Scotland, v. XV. Ed., 1898, p. 712—738).

⁴ Mission de Baccaria de Pavie en Ecosse, 1549. Oxford, 1948, p. 124.

петиции купечества, адресованные парламенту. Примечательны петиции 1542 г. купцов Эдинбурга в Тайный совет: они просили правительство «отменить запреты на торговлю с Англией», жалуясь на «огромные убытки, которые они несут в результате закрытия английских портов»⁵.

Включением Шотландии в состав Англии правительство Тюдоров надеялось также сломить сопротивление крупных английских магнатов, особенно в северных графствах, деятельность которых в известной степени стимулировалась борьбой шотландской знати против королевской власти. Однако все попытки добиться присоединения Шотландии как с помощью военных методов, так и дипломатическим путем, предпринимаемые английским правительством в 40-е годы XVI в., успеха не имели⁶. В начале 50-х годов англичане были окончательно вытеснены из Шотландии, которая фактически оказалась под властью Франции. На территорию Шотландии были введены французские войска, оккупировавшие все важнейшие крепости страны. Шотландская королева была обручена с французским дофином Франциском и отправлена во Францию. Управление государством перешло в руки королевы-регентши Марии де Гиз и ее французских советников.

Только в 1560 г., используя в своих целях кальвинистскую реформацию в Шотландии и заключив Эдинбургский договор, Англия смогла сделать первый шаг на пути объединения двух королевств. Поэтому для изучения проблемы объединения Англии и Шотландии (чрезвычайно важной и актуальной в современной буржуазной историографии) представляет большой интерес исследование английской политики по отношению к кальвинистской реформации в Шотландии 1559—1560 гг. Большинство буржуазных историков всячески пытаются замаскировать агрессивные намерения Англии в Шотландии. Само вмешательство Англии в дела шотландской реформации рассматривается или в религиозной плоскости (поддержка реформации), или как прямое продолжение и развитие англо-французских противоречий⁷. В отечественной историографии делаются лишь первые шаги в изучении проблемы объединения Англии и Шотландии⁸.

Шотландский вопрос приобрел наибольшую остроту для Англии в конце 50-х годов XVI в. с воцарением Елизаветы Тюдор.

⁵ Acts of the Lords of Council in Public Affairs. 1501—1554. Ed., 1932, p. 452.

⁶ См.: Ивонин Ю. Е. О характере англо-шотландских отношений при ранних Тюдорах. — Вопросы истории. Вып. 8. Минск, 1981, с. 161—169.

⁷ Froude J. History of England, v. VI. L., 1842; Crowson R. Tudor Foreign Policy. L., 1973; Fergusson W. Scotland's Irregularities with England. Ed., 1979; Nobbs D. England and Scotland. L., 1952.

⁸ Штокмар В. В. Некоторые условия и дипломатическая подготовка объединения Англии и Шотландии в конце XVI — нач. XVII в. — В кн.: Англия XIV—XVI вв. Проблемы генезиса капитализма. Горький, 1974; Она же: Религиозно-политический и национальный аспекты объединения Англии и Шотландии в нач. XVII в. — В кн.: Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества, вып. 2. Л., 1978; Ивонин Ю. Е. Указ. соч.

Мир в Като-Камбрези (апрель 1559 г.), положивший конец военному конфликту между Испанией и Францией, так называемым «Итальянским войнам», привел к союзу между империей Габсбургов и Францией, скрепленному браком испанского короля Филиппа II и дочери Генриха II Французского — Елизаветы. К тому же испанский и французский дворы тайно договорились совместными усилиями уничтожить ересь⁹. Возникла возможность коалиции двух наиболее мощных католических держав против Англии.

Серьезные опасения у английского правительства вызывали и притязания шотландской королевы Марии Стюарт, вышедшей замуж в 1558 г. за французского дофина Франциска, на английский престол. В глазах католической Европы законной наследницей английской короны после смерти Марии Тюдор была католичка Мария Стюарт — внучка старшей сестры английского короля Генриха VIII — Маргариты, а не «незаконнорожденная» Елизавета Тюдор — дочь Генриха VIII Английского и Анны Болейн, брак с которой не был признан римским папой.

Несмотря на заключение Като-Камбрезийского мира, по которому королева Елизавета была де-факто признана законной правительницей Англии, Мария Стюарт не только продолжала носить в своем гербе английскую корону, но и официально приняла титул «королевы Англии и Шотландии»¹⁰. Французский двор оказывал усиленное давление на Рим, требуя от римского папы Пия IV официального отлучения Елизаветы от церкви и провозглашения Марии Стюарт «законной наследницей английского трона»¹¹.

В создавшихся условиях «шотландский вопрос» приобрел для Англии исключительно важное значение. По образному выражению государственного секретаря Англии лорда У. Сесила, «ключ для разрешения внешнеполитических задач Англии находится в Шотландии»¹². Не случайно английская дипломатия так упорно стремилась вовлечь в мирный договор с Францией и Шотландию. В инструкциях королевы лорду Ховарду и доктору Уотону — английским представителям на мирных переговорах в Като-Камбрези — было указано, что «мир с Шотландией имеет гораздо большее значение для Англии, чем мир с Францией»¹³. Однако английской дипломатии удалось добиться только заключения секретного договора с Шотландией о прекращении военных действий (31 мая 1559 г.).

Во время переговоров Лондон получил известие о вспыхнув-

⁹ Calendar of State Papers, relating to Scotland and Mary, Queen of Scots. 1547—1603, v. I. Ed., 1898, p. 455. (Далее — CSP, Scot.).

¹⁰ Strype J. Annales of the Reformation of the Christian Church, v. III, part I. Oxford, 1824, p. 268.

¹¹ Papiers d'état, pièces et documents relatifs d'histoire de l'Écosse au XVI siècle, v. I. P., 1856, p. 311. (Далее — Papiers d'état).

¹² Collection of State Papers, left by W. Cecil. L., 1740, p. 318. (Далее — Cecil Papers).

¹³ CSP, Scot., v. I, p. 428, 429.

шем 12 мая в Перте иконоборческом восстании, положившем начало шотландской реформации.

На первых порах английское правительство сочло события в Шотландии «простыми религиозными беспорядками, которые вскоре будут прекращены», а известия о начавшейся в Шотландии реформации «слухами, нарочно распускаемыми французским двором и Марией де Гиз»¹⁴. Однако по мере перерастания реформационного движения в Шотландии в открытую вооруженную борьбу, поднятую «Лордами Конгрегации»¹⁵ против правительства Марии де Гиз и французских войск, отношение Лондона к шотландским событиям изменилось. 18 июня, получив письмо от Нокса — вождя шотландских кальвинистов, в котором сообщалось, что целью «Конгрегации является борьба не только за установление истинной веры, но против французов»¹⁶, Сесиль предложил королеве Елизавете поддержать кальвинистов Шотландии. «Конгрегации, — писал он, — надо помогать сначала обещаниями, затем деньгами, а потом оружием»¹⁷.

При этом английское правительство решило использовать, так же как и в 40-е годы, стремление шотландского бюргерства и дворянства (лэрдов) к объединению с Англией: «от союза с Францией, — писали лэрды еще в 1535 г. — мы только страдаем... Наши земли опустошаются постоянными войнами с англичанами, наше хозяйство разорено, а замки сожжены, если мы объединимся с Англией и примем ее вероучение, то тогда мы не будем иметь больше опасностей»¹⁸. По меткому, не лишённому конкретно-исторического содержания, выражению одного из современников, купца Д. Метвена, «существуют две причины, почему дворянство склоняется к новым религиозным убеждениям и предпочитает англичан. Во-первых, это желание твердого и сильного правительства (т. е. королевской власти), во-вторых, желание безопасности»¹⁹.

Особенно сильно стремилось к союзу с Англией купечество портовых городов. Постоянные войны с Англией парализовывали не только англо-шотландскую торговлю, но и торговлю Шотландии с другими странами, поскольку английский флот нередко блокировал побережье (вдоль которого проходили все морские пути в Шотландию), захватывая направляющиеся в Шотландию иностранные суда. Выражая интересы шотландского купечества, Бартон, самый богатый человек Шотландии, заявил шотландскому королю Якову V в 1541 г.: «До тех пор пока Англия и Шотлан-

дия не будут друзьями, в стране не будет развиваться нормальная торговля»²⁰.

Именно купцы портовых городов и лэрды юго-восточной части Шотландии были ведущей силой лютеранской реформации в Шотландии, проходящей под лозунгом «союза с Англией»²¹.

Многие из них во время английского вторжения 1543—1547 гг. открыто переходили на сторону англичан, надеясь с помощью английской армии добиться объединения двух государств и проведения реформации. Они приносили клятву английским офицерам «искренне подчиняться и служить английскому королю, уничтожить римскую юрисдикцию и установить правильность почитания Христа в своих владениях». В свою очередь, им гарантировалась «полная безопасность семьи, родственников, держателей и слуг», выплачивались пенсии. Купцам предоставлялось также право «уплачивать в Англии такие же пошлины, как и англичанам»²².

Эта тенденция, характерная для реформационного движения 40-х годов, отчетливо проявилась и в ходе кальвинистской реформации. Уже 19 июня Нокс от имени шотландских кальвинистов официально обратился к английскому правительству с просьбой о помощи, предлагая объединить два королевства, подчеркнув, что «случай для этого сейчас самый благоприятный»²³.

Но своеобразие кальвинистской реформации в Шотландии заключалось также и в том, что в силу идейной слабости шотландской буржуазии ведущей силой реформации были представители аристократии. Возглавив начавшуюся реформацию, они устремили свой взор на Англию, рассчитывая использовать в борьбе против французов не вооруженный народ, а иностранные войска.

Учитывая эти обстоятельства, английское правительство предполагало посредством шотландской реформации не только изгнать французов из Шотландии и установить там свое влияние, но и объединить два королевства. Все эти задачи английская дипломатия стремилась выполнить руками самих же шотландцев, чтобы избежать прямого военного конфликта с Францией.

Английская казна была пуста, долги за границей составили 226910 ф. ст.²⁴, страна была лишена военных запасов, половина судов нуждалась в ремонте. Кроме того, сам факт вооруженного восстания подданных против власти Марии де Гиз в Шотландии не мог не вызвать негативной реакции английского абсолютизма. Об этом писал архиепископ Кентерберийский М. Паркер Сесилью: «Королева видит в шотландских событиях опасный пример для

¹⁴ 1559. Zurich Letters, v. I. Cambridge, 1842, p. 24. (Далее — ZL).

¹⁵ «Лорды Конгрегации» — политическая организация шотландской кальвинистской знати; создана в декабре 1557 г. для борьбы с королевской властью Марии де Гиз и французами.

¹⁶ Knox J. The Works, v. VI. Ed., 1864, p. 41.

¹⁷ CSP, Scot., v. I, p. 436.

¹⁸ Цит. по: Donaldson G. Foundation of anglo-scottish union. — Elizabeth government and Society. L., 1961, p. 214.

¹⁹ Complaynt of Scotland. 1545. L., 1872, p. 112.

²⁰ Letters and papers of James V, King of Scotland. Ed., 1937, p. 236.

²¹ Reid W. Lutheranism in the Scottish Reformation. — Church History, v. XIV, June 1945, p. 105—107.

²² Calendar of State Papers. Domestic, Addenda, 1547—1565. L., 1870, p. 330, 334, 340.

²³ Knox J. The Works, v. VI, p. 32.

²⁴ Documents from the finance relating to the reign of Queen Elizabeth. L., 1865, p. 24.

своих подданных»²⁵. К тому же помогать мятежникам в Шотландии было небезопасно для английского правительства и в глазах европейского общественного мнения.

В правящих кругах Англии не было единства по вопросу о внешнеполитической ориентации страны. Так называемая «Испанская партия» — группировка знати сторонников возобновления союза с Габсбургами — была настроена резко враждебно против вмешательства в шотландские события. Настроение этой группировки выразил лорд Пемброк: «союз с Габсбургами и брак королевы с эрцгерцогом Карлом — это лучшая гарантия безопасности Англии от притязаний Гизов, чем помощь мятежникам в Шотландии»²⁶.

Сказались и враждебные отношения английской королевы к идеям кальвинистской реформации вообще, и личная неприязнь Елизаветы к лидеру шотландских кальвинистов Д. Ноксу: для нее он был «опасным бунтовщиком и автором «Трубного гласа»²⁷ — известного памфлета, в котором Нокс отрицал законность прав женщины занимать престол²⁸. Напрасно в письмах Елизавете Нокс уверял, что в памфлете он «не имел в виду Ее Светлость», что будет «укреплять и благословлять ее власть языком и пером»²⁹. По свидетельству Сесиль, «королева настроена резко враждебно против Нокса и не хочет слышать ни о каких контактах с ним»³⁰.

Однако дальнейшее развитие событий в Шотландии заставило Лондон пойти на переговоры с «Лордами Конгрегации». 24 июля в Лейте было подписано соглашение между «Лордами Конгрегации» и Марией де Гиз, устанавливающее в Шотландии религиозную терпимость до 10 января 1560 г. — дня открытия парламента, который и должен был окончательно разрешить религиозный вопрос³¹.

Заклучение перемирия отнюдь не устраивало английское правительство, заинтересованное в продолжении военных действий в Шотландии.

Обращения «Лордов Конгрегации» «Ко всем императорам и правителям Европы», «К французскому двору», в которых они заверяли европейских государей в том, что «протестанты Шотландии не преследуют никаких политических целей, а борются только за установление истинной религии»³², вызвали глубокую тревогу в Лондоне. Сесиль серьезно опасался, что «Лорды Кон-

грегации» будут удовлетворены заключенным в Лейте соглашением, в целом весьма благоприятным для шотландских кальвинистов. Поэтому в письме к Д. Стюарту (25 июля) он просил «Лордов Конгрегации» «не останавливаться на достигнутом и продолжать борьбу до полного вывода французских войск из Шотландии»³³. Английское правительство вынуждено было учитывать и изменившуюся в связи со смертью короля Генриха II политическую обстановку во Франции.

С воцарением на французском престоле в июле 1559 г. Франциска II и Марии Стюарт, торжественно провозглашенной в Париже «королевой Шотландской, Французской, Английской и Ирландской»³⁴, Гизы, установившие полный контроль над правительством, открыто заявили, что они «будут добиваться английского престола для своей племянницы»³⁵. Это была не простая угроза. Английский посол во Франции Р. Трокмортон предупреждал о «подготовке французским двором большой военной экспедиции под командованием маркиза де Эльбефа — брата герцога Гиза, назначенного Марией Стюарт регентом Шотландии вместо Марии де Гиз»³⁶.

В письме от 26 июля государственный секретарь просил лорда Перси убедить королеву «дать разрешение Ноксу (который был персоной нон-грата в Англии с 1558 г. ... — А. П.) на въезд в страну для тайной встречи»³⁷. На этом же настаивал и Трокмортон, он советовал Елизавете «пересмотреть свое отношение к Ноксу, учитывая его влияние и вес в Шотландии, и как можно скорее вступить с ним в переговоры»³⁸.

28 июля Сесиль с санкции Елизаветы уведомил Нокса, «что готов с ним встретиться, при условии, что он прибудет тайно и под фальшивым именем»³⁹. Примечательно, что английская королева не только дала разрешение на въезд в страну Ноксу, но и по его просьбе согласилась предоставить «охранную грамоту» для проезда через Англию в Шотландию К. Гудмэну, коллеге Нокса по женевской общине английских эмигрантов-пуритан, известному своими тираноборческими идеями, имя которого было также ненавистно Елизавете⁴⁰.

Как видно, враждебное отношение английской королевы

³³ CSP, Scot., v. I, p. 500.

³⁴ The Venetian Ambassadors in France to the Doge. 26 July, 1559. — CSP, Venetian, v. 7. L., 1890, p. 124.

³⁵ Ibid., p. 126.

³⁶ Forbes P. A Fully view of the Public Transactions in the reign of Queen Elizabeth. L., 1740, v. I, p. 118.

³⁷ CSP, Scot., v. I, p. 501; По королевской прокламации от 18 июля 1558 г. Ноксу за его «еретический памфлет «Первый трубный глас против ужасного правления женщины» был запрещен въезд в Англию. (Foxe J. Acts and Monuments, v. VI. L., 1841, p. 638).

³⁸ Forbes P. Op. cit., v. I, p. 134.

³⁹ Knox J. The Works, v. VI, p. 42.

⁴⁰ Гудмэну был также запрещен въезд в Англию. Подробнее см.: Исаенко А. В. О политических взглядах английских пуритан XVI в. — Вестн. Моск. ун-та, сер. история, 1975, вып. 4, с. 88—89.

к кальвинизму и борьба с пуританским движением в самой Англии отнюдь не мешали ей поддерживать и использовать в своих политических целях шотландских кальвинистов.

1 августа Нокс тайно прибыл в Бервик, где он встретился с губернатором замка Р. Крофтом. В ходе переговоров (1—3 августа) обсуждались преимущественно военные вопросы. Нокс от имени «Лордов Конгрегации» заявил, что «они готовы продолжить борьбу и разорвать всякие отношения с Францией и заключить тесный союз с Англией, как этого требует английское правительство, но при условии, что Англия окажет прямую военную и финансовую помощь»⁴¹. Нокс особенно настаивал на необходимости выплаты регулярных пенсий руководителям «Лордов Конгрегации», как это было при Генрихе VIII, ссылаясь «на невозможность лордов вести войну собственными средствами»⁴². В свою очередь, Крофт от имени английского правительства обещал оказать тайную финансовую поддержку «Лордам Конгрегации», если они продолжат борьбу, но отказал в помощи военной. Он также отверг предложенный Ноксом план «послать в Шотландию 1000 английских солдат, которых во избежание открытого столкновения с Францией он предлагал объявить мятежниками»⁴³.

Переговоры в Бервике продемонстрировали стремление английского правительства вовлечь «Лордов Конгрегации» в открытый конфликт с Францией, не давая реальных гарантий в помощи. Неудивительно, что их исход вызвал глубокое разочарование среди «Лордов Конгрегации». Нокс с тревогой сообщал Сесилию 10 августа о колебаниях среди знати и настоятельно просил изменить политику правительства по отношению к «Лордам Конгрегации» и как можно скорее оказать финансовую помощь. «В противном случае, — предупреждал он, — мне будет крайне трудно убедить лордов в расположении к ним Англии»⁴⁴.

Достаточно трезвый политик, Нокс прекрасно понимал, что правительство Елизаветы не окажет помощи «Лордам Конгрегации», если речь будет идти только об установлении «истинной религии» в Шотландии. Нокс трезво оценивал прагматизм религиозных воззрений английской королевы, заметив в одном из своих писем, что «она не была ни твердой паписткой, ни хорошей протестанткой»⁴⁵. Поэтому в посланиях к Сесилию Нокс постоянно уведомлял государственного секретаря, что «Лорды Конгрегации» будут бороться не только за правду божью, но и за полный вывод французских войск из Шотландии»⁴⁶.

Политическая обстановка в Шотландии еще более обострилась в связи с усилившимся вмешательством европейских держав — Франции и Рима, рассматривающих Шотландию как один из наи-

более важных общеевропейских и стратегических центров. Французский король Франциск II официально заявил, «что он не останется ни перед какими средствами для истребления ереси в Шотландии и что он до тех пор не будет считать себя королем Франции, пока не усмирит Шотландию»⁴⁷. Наряду с посылкой военных подкреплений Марии де Гиз (первый контингент французских войск, 1 тыс. солдат — ветеранов Итальянских войн, прибыл в Шотландию уже в середине августа) французский двор прибег к испытанному средству — подкупу шотландской знати. На эти цели французскому послу в Шотландии графу Бетанкуру было выделено 80 тыс. ливров⁴⁸.

Активизирует свою деятельность и римская курия. В Шотландию был послан чрезвычайный папский легат, епископ Амьенский, в сопровождении трех докторов богословия Сорбонны, чтобы способствовать возвращению шотландцев в лоно «истинной веры». Епископ Амьенский предложил Марии де Гиз «созвать парламент и захватить наиболее видных деятелей «Лордов Конгрегации» и казнить их самым страшным образом»⁴⁹.

В создавшейся обстановке Нокс буквально бомбардировал Лондон письмами с требованием немедленной помощи.

Сесиль вполне разделял тревоги Нокса. Он хорошо знал шотландскую знать, чья проанглийская или профранцузская ориентация в значительной степени зависела от размеров денежных субсидий английского или французского двора. Так, в 40-е годы XVI в. проанглийские симпатии шотландской знати, находящейся на жаловании у Лондона, быстро улетучились, когда французский двор предложил большие земельные пожалования во Франции и ежегодные пенсии, размеры которых значительно превышали английские субсидии⁵⁰. Поэтому Сесиль так упорно настаивал на финансовой поддержке «Лордов Конгрегации», несмотря на крайне расстроенное состояние английских финансов. При этом английская дипломатия всячески старалась направить реформационное движение в Шотландии в нужное им русло. В Лондоне были крайне заинтересованы представить события в Шотландии не как мятеж, не как религиозное движение, а как национально-освободительную борьбу верных подданных короны, восставших в защиту национальной независимости Шотландии и прав своей государыни Марии Стюарт, узурпированных Гизами. Это позволило бы английскому правительству оказать действительную помощь «Лордам Конгрегации», не опасаясь религиозного фанатизма своего союзника — Филиппа II Испанского, жестокость которого в истреблении ереси была хорошо известна.

⁴¹ Knox J. The Works, v. VI, p. 63.

⁴² CSP, Scot., v. I, p. 511.

⁴³ Ibid., p. 512.

⁴⁴ Knox J. The Works, v. VI, p. 68.

⁴⁵ Ibid., p. 23.

⁴⁶ Ibid., p. 70.

⁴⁷ Papiers d'état, v. I, p. 348.

⁴⁸ Papiers d'état, v. VI, p. 300.

⁴⁹ Pollen J. Papal Negotiation with Mary Queen of Scots during her reign in Scotland. — Scottish Historical Society, 1901, p. 81.

⁵⁰ Взамен 100 ф. ст., получаемых «английскими лордами» из Лондона, французское правительство предложило по 1000—2000 ливров. (Foreign Correspondence with Mary de Lorraine, Queen of Scotland. Ed., 1925, p. 287—288).

С этой целью для «Лордов Конгрегации» был составлен конкретный план действий, изложенный Сесилем в докладной записке Тайному совету от 5 августа 1559 г. под названием «О средствах, необходимых для окончательного успокоения Шотландии». «В Шотландии, — писал он, — не может быть достигнуто благоденствие иначе, чем при помощи двух средств: или соединиться с Англией неразрывным вечным союзом, или составить вместе с нею одну английскую монархию. Чтобы утвердить этот вечный союз, необходимо вырвать Шотландию из-под влияния Франции — этого старинного врага Англии»⁵¹. Сесиль предлагал «Лордам Конгрегации» следующие меры: 1) сместить всех иностранцев с занимаемых государственных должностей (включая и Марию де Гиз. — *А. П.*) и передать управление страной в руки ближайшего наследника престола — шотландца по происхождению (герцога Шателро. — *А. П.*) и совета знати, которые должны управлять Шотландией до появления у шотландской королевы Марии Стюарт наследников, 2) вывести французские войска и принять обязательство никогда не вступать в войну с Англией, 3) финансами королевства и денежными расходами должен распоряжаться парламент⁵².

Итак, план государственного секретаря предусматривал по существу низложение всей династии Стюартов в Шотландии и ограничение королевской власти в стране. В приписке, содержащейся в конце документа, говорилось, что, «если шотландская королева откажется признать происшедшие в стране перемены (т. е. низложение своей матери Марии де Гиз. — *А. П.*), то тогда совершенно законно общины и знать Шотландии могут передать престол ближайшему наследнику»⁵³. На заключительном этапе планировалось объединение двух королевств. «Сделавшись вновь свободной, — заключал Сесиль, — Шотландия найдет силы и средства для объединения с Англией»⁵⁴. Таким средством, по мнению Сесилия, должен был стать династический брак английской королевы с «молодым Араном» — сыном герцога Шателро, фанатичным кальвинистом, которого в свое время английский король Генрих VIII прочил в мужа Елизавете. Первый шаг в этом направлении государственный секретарь предпринял еще в начале июля. По его указанию английские агенты во Франции устроили бегство молодого Арана из Парижа, где он находился в качестве заложника⁵⁵. 6 августа Аран тайно был доставлен в Лондон и поселен в доме Сесилия.

20 августа к границам Шотландии со специальной миссией был отправлен «главный эксперт по шотландским делам» Р. Сэдлер. Основной целью его миссии являлось, как это явствует из инструкций, данных ему королевой, «разжигать противоречия

между «Лордами Конгрегации» и королевой-регентшей»⁵⁶. Кроме того, ему предписывалось: 1) убедить шотландцев не поддаваться ни на какие переговоры с Францией; 2) передать «Лордам Конгрегации» 3 тыс. ф. ст. при условии, что они согласятся начать военные действия против французов; 3) убедить герцога Шателро, ближайшего наследника престола и командующего войсками Марии де Гиз, перейти на сторону «Лордов Конгрегации» и арестовать де Ойзела и других французских советников Марии де Гиз⁵⁷. На случай отказа Шателро (такую возможность Лондон не исключал, учитывая нерешительность герцога и его частую смену религиозных воззрений) Сэдлеру вменялось в обязанность «поддержать всеми возможными средствами притязания Д. Стюарта на политическое верховенство в Шотландии, включая даже притязания на трон»⁵⁸. Джеймс Стюарт — впоследствии граф Мэрей и регент Шотландии, сводный брат Марии Стюарт — был наиболее ловким из шотландских политиков. Один из основателей партии «Лордов Конгрегации», он пользовался большой популярностью среди кальвинистов, в том числе и у Нокса, и по своим качествам был, несомненно, наиболее подходящей кандидатурой на пост главы нового шотландского правительства, которое стремился создать Лондон. Правда, его притязания на трон были весьма проблематичными, так как он считался незаконнорожденным; однако, судя по всему, это мало смуцало Лондон.

По официальной версии Лондона, Сэдлер в составе специальной комиссии под председательством герцога Норфолка должен был заняться «улучшением администрации в пограничных районах»⁵⁹. Подобный камуфляж понадобился Лондону, чтобы не вызывать подозрений у французского правительства, весьма встревоженного появлением Сэдлера — известного мастера тайной войны у шотландских границ. Французский посол де Ноай даже выразил официальный протест правительству Елизаветы, хотя никаких доказательств контактов Сэдлера с «Лордами Конгрегации» он представить не мог. Сэдлер точно придерживался инструкций королевы о «строжайшем соблюдении секретности». 6 сентября он благополучно встретился с представителем кальвинистских лордов Р. Балнависом и, получив гарантию, что «лорды вскоре выступят», передал ему 3 тыс. ф. ст., которые на всякий случай были французской чеканки⁶⁰.

В начале сентября к Сэдлеру в Бервик тайно был доставлен и молодой Аран. Перед отъездом он имел тайное свидание с королевой Елизаветой, в ходе которого обсуждался вопрос о его браке с королевой. Испанский посланник, осведомленный об этой

⁵⁶ The State Papers and Letters of Sir Ralph Sadler. Ed., 1809, v. I, p. 387 (Далее — Sadler Papers).

⁵⁷ Ibid., p. 406—407.

⁵⁸ Ibid., p. 408.

⁵⁹ Drummond H. Our man in Scotland. Sir Ralph Sadler. 1507—1587. L., 1969, p. 206.

⁶⁰ Ibid., p. 232—233.

⁵¹ CSP, Scot., v. I, p. 520.

⁵² Ibid., p. 521.

⁵³ Ibidem.

⁵⁴ Ibid., p. 522.

⁵⁵ Forbes P. Op. cit., v. I, p. 375.

встрече, с тревогой писал в Испанию, что «королева может согласиться на этот брак, который поддерживают ряд членов совета»⁶¹ (имелся в виду прежде всего Сесиль и лорд Бетфорд. — А. П.). Однако Елизавета отказалась: было решено отправить Арана в Шотландию.

Чтобы рассеять подозрения испанского двора, весьма встревоженного этой встречей, английская дипломатия стала усиленно распространять слухи о предстоящем якобы браке Елизаветы с эрцгерцогом Карлом. И это, по-видимому, удалось. Последующая внешнеполитическая акция Испании — обращение к римскому папе с просьбой «не объявлять Елизавету еретичкой»⁶² (на чем так упорно настаивал Париж) — лишний раз свидетельствует о том, что испанское правительство всерьез поверило в намерения Лондона осуществить брак королевы с австрийским принцем.

Успешно развивались действия английской дипломатии и в Шотландии. В середине сентября 1559 г. герцог Шательро присоединился к «Лордам Конгрегации»⁶³. Его примеру последовали и другие представители знати, занимавшие ранее нейтральную позицию. По сообщению английских агентов, «к началу октября вся знать присоединилась к «Лордам Конгрегации», за исключением лорда Ботвела — единственного, кто оставался верным Марии де Гиз»⁶⁴.

10 октября 1559 г. в Шотландию прибыл неофициальный представитель Лондона Т. Рандольф, который привез еще 3 тыс. ф. ст. для «Лордов Конгрегации» и инструкции из Лондона «возобновить военные действия против французов и осадить Лейт»⁶⁵. С этого момента практическое руководство реформационным движением в Шотландии переходит в руки англичан и дальнейшее развитие событий идет по намеченному ими плану.

12 октября 1559 г. армия «Лордов Конгрегации» (численностью в 12 тыс.) нарушает перемирие, начав осаду Лейта — важнейшей крепости Шотландии, господствующей на Фортском заливе. 20 октября в Эдинбурге «Лорды Конгрегации» в соответствии с планом Сесилия низложили королеву-регентшу Марию де Гиз. В угоду Лондону в «Декларации о низложении Марии де Гиз» ни слова не сказано о религии, главный упор был сделан на «национальный» момент: регентша обвинялась в передаче управления государством в руки иностранцев и нарушении «свобод и благосостояния королевства»⁶⁶.

Вся власть перешла в руки временного правительства — «Великого совета Шотландии» (Great Council of Scotland), который должен был управлять страной во время отсутствия королевы Марии Стюарт. В состав «Великого совета» вошли 30 предста-

вителей аристократии — в основном члены «Лордов Конгрегации»⁶⁷. Первым делом новое правительство направило в Англию специальное посольство с официальным предложением «объединить два королевства под старым названием Британии, в котором верховным сувереном должна стать королева Елизавета»⁶⁸. Посольство должен был возглавить Д. Нокс, который, как секретарь «Лордов Конгрегации», был их официальным представителем в переговорах с Англией. Но по требованию Лондона Нокс был смещен с поста секретаря «Конгрегации» и заменен У. Мейтландом, прозванным за свою хитрость «Митчел Уилли» — шотландское искаженное имя Макиавелли. После образования временного правительства, «законного» с точки зрения Лондона, английский двор предпочитал иметь дело с представителями кальвинистской знати, а не с «бунтовщиком» Ноксом.

Однако все эти частные успехи английской дипломатии мало влияли на ход военных действий. Несмотря на значительный перевес в силах, армия «Лордов Конгрегации» не смогла взять Лейт, а прибытие дополнительного контингента французских войск коренным образом изменило ход военных действий: 3 ноября была снята осада Лейта, 18 ноября французские войска заняли Эдинбург. Армия «Лордов Конгрегации» отошла к Стирлингу. К тому же очередная субсидия Лондона (в размере 1 тыс. ф. ст.) была перехвачена вместе с посланцами агентами Марии де Гиз⁶⁹.

В начале декабря положение «Лордов Конгрегации» резко ухудшилось. Французские войска заняли Стирлинг и подошли к Сэнт-Эндрюсу. Характеризуя тяжелое положение «Лордов Конгрегации», Нокс в письме Сесилию писал: «Армия полностью деморализована: многие бегут тайно, а остальные лишены мужества и присутствия духа»⁷⁰. Часть знати, в частности граф Хантли, склонялась к заключению мира с Францией.

Обеспокоенное подобным развитием событий, английское правительство усиливает финансовую поддержку «Лордов Конгрегации». В начале декабря им было послано еще 3 тыс. ф. ст. и на 20 тыс. ф. ст. военного снаряжения, включая несколько пушек⁷¹. Однако все эти меры были малоэффективны. «Без открытой военной помощи, — грустно констатировал Рандольф, — шотландцы сами не в состоянии изгнать французов»⁷².

Вопрос о вторжении в Шотландию вызвал горячие дебаты в Тайном совете. Многие члены совета решительно высказались против интервенции. Герцог Норфолк, которого прочили в командующие английской экспедиционной армией, открыто заявил, что он «не поведет армию в Шотландию»⁷³. Он советовал королеве

⁶¹ Mary Stuart and Elizabeth, p. 58.

⁶² Ibid., p. 89.

⁶³ Sadler Papers, v. I, p. 412.

⁶⁴ CSP, Scot., v. I, p. 566.

⁶⁵ Ibid., v. I, p. 588.

⁶⁶ Knox's History, v. I, p. 250—251.

⁶⁷ Ibid., 241.

⁶⁸ Ibid., p. 181—182.

⁶⁹ Queen Elizabeth and her times. A Series of original letters. v. I. L., 1838, p. 130.

⁷⁰ Knox J. The Works, v. VI, p. 142.

⁷¹ CSP, Scot., v. I, p. 698—699.

⁷² Ibid., p. 712.

⁷³ Queen Elizabeth and her times..., v. I, p. 134.

выйти замуж за дону Карлосу, младшего сына испанского короля Филиппа II, и с помощью испанских войск изгнать французов из Шотландии⁷⁴.

Даже двоюродный брат Сесиль лорд — хранитель печати Н. Бэкон высказался против вторжения, считая риск слишком большим. Согласно донесениям французского посла де Ноая (20 декабря 1559 г.), «большинство членов совета склонилось к тому, чтобы предоставить шотландцев самим себе»⁷⁵. Однако 24 декабря под влиянием полученных тревожных известий о приближении к шотландским берегам огромного французского флота Тайный совет принял решение «рекомендовать Ее Величеству послать в Шотландию армию численностью в 4000 человек»⁷⁶.

Но Елизавета все еще колебалась. 28 декабря она отвергла рекомендации совета о посылке экспедиционной армии, решив ограничиться только отправкой флота. 30 декабря лорду Винтеру — командующему английским флотом — было дано предписание «войти в устье Форты и любыми средствами воспрепятствовать высадке французских войск», но действовать «без объявления войны на свой страх и риск»⁷⁷. Английскому посланнику в Шотландии Рандольфу было поручено выяснить, «смогут ли шотландцы с помощью английского флота и английских инженеров взять Лейт». «Остальное, — писал Сесиль, — шотландцы должны сделать сами»⁷⁸. Как видно, английское правительство все еще надеялось добиться изгнания французов из Шотландии, не прибегая к открытой военной интервенции. Не исключалась возможность и мирного разрешения шотландского конфликта, по крайней мере Лондон соглашался на предложение французского двора начать мирные переговоры⁷⁹.

Но до переговоров дело не дошло. Французский посланник де ля Марк на пути в Лондон был захвачен армией «Лордов Конгрегации», весьма встревоженных перспективой франко-английских переговоров⁸⁰.

Известие о гибели французской эскадры, которая была рассеяна штормом у берегов Шотландии, положило конец колебаниям Лондона. 29 января королева отдала приказ лорду Норфолку «двинуть армию к шотландским границам и быть готовым для вторжения»⁸¹.

Началась дипломатическая подготовка интервенции. Английская дипломатия стремилась разрешить в основном две задачи: во-первых, выработать как бы правовое объяснение причин английского вмешательства в шотландские дела, обеспечив тем самым

определенное международное признание данного шага; во-вторых, добиться максимальной локализации шотландского конфликта и обеспечить невмешательство европейских держав, в первую очередь Испании, в шотландские дела, по возможности избежать открытой войны с Францией. В известной степени Лондон повторял в Шотландии «французский опыт» 1547—1549 гг., когда Франция оказывала открытую военную помощь Шотландии, находясь в мире с Англией.

В начале февраля 1560 г. Сесиль представил в Тайный совет меморандум, в котором содержалась официальная точка зрения на причины английского вмешательства в события в Шотландии. Оно изображалось «законным и справедливым» на том основании, что «каждое государство, — как утверждал Сесиль, — согласно закону бога и природы, имеет право защищать себя не только от непосредственной опасности, но и той, которая может возникнуть в будущем»⁸². Посредством этой мысли Сесиль пытался доказать неоспоримое, на его взгляд, право Англии заключить союз с Шотландией и послать туда армию, чтобы предотвратить возможную угрозу завоевания Англии Францией. Таким образом, экспансионистские намерения Англии дипломатично завуалировались «благородной» целью — необходимостью защитить национальную безопасность как Англии, так и Шотландии.

Тем же целям служило и официальное «Обращение «Лордов Конгрегации» к английскому правительству», составленное У. Мейтландом на основе указаний, полученных от Сесиль. В этом документе в качестве главной причины, побуждавшей шотландцев стремиться к заключению союза с Англией, фигурировал тезис «о тирании» Франции: «стремление французов не только покорить Шотландию, но и захватить Англию и низвергнуть Елизавету с престола»⁸³. На этом основании временное правительство Шотландии и просило Англию оказать военную помощь. По настоянию Сесиль в «Обращении» ни слова не сказано о религии, что вполне соответствовало официальной точке зрения английского двора на «причины» заключения союза с Шотландией, в основу которых должны быть положены только политические, а не религиозные мотивы. В Лондоне по-прежнему были вынуждены считаться с реакцией испанского двора, тем более что Франция стремилась сыграть на религиозных чувствах Филиппа II. Английское правительство было осведомлено о специальной миссии в Испании епископа Лиможа, который должен был убедить испанский двор, что Лондон оказывает помощь шотландским мятежникам исключительно по религиозным мотивам и стремится насадить в Шотландии реформацию⁸⁴.

Чтобы рассеять подозрения Филиппа II и не допустить совместного франко-испанского выступления для подавления ереси в Шотландии, английское правительство, в свою очередь, отпра-

⁷⁴ Forbes P. Op. cit., v. I, p. 398.

⁷⁵ Papiers d'état, v. I, p. 389.

⁷⁶ Acts of the Privy Council of England. v. VII. 1558—1570. L., 1893, p. 316 (Далее — APC).

⁷⁷ Cecil Papers, v. I, p. 280.

⁷⁸ Ibid., p. 287.

⁷⁹ The Letters of the Queen Elizabeth ed. by Harrison. N. Y., 1968, p. 39.

⁸⁰ Knox J. The Works, v. VI, p. 172.

⁸¹ Forbes P. Op. cit., p. 378.

⁸² Cecil Papers, v. I, p. 287—288.

⁸³ Knox's History, v. I, p. 279—280.

⁸⁴ Papiers d'état, v. I, p. 498.

вило в Испанию специальное посольство во главе с лордами Чемберленом и Монтегю (последний был католиком). Они должны были убедить испанский двор, что «Англия не преследует в Шотландии никаких религиозных целей, а действует только в средствах самозащиты от притязаний Гизов»⁸⁵. Добиваясь нейтралитета Испании, английская дипломатия вместе с тем попыталась заручиться ее поддержкой на случай войны с Францией. Об этом свидетельствуют секретные инструкции Лондона лорду Монтегю: «выявить, может ли Англия рассчитывать на помощь Испании в случае французского вторжения»⁸⁶.

Правительство Филиппа II колебалось. Чрезмерное усиление Франции противоречило интересам испанской политики. По замечанию наместницы Нидерландов герцогини Пармской, «преобладание Франции в Шотландии было бы для Испании более страшным ударом, чем потеря Антверпена»⁸⁷. Но и смириться с торжеством ереси в Шотландии испанский двор также не мог. «Победа реформации в Шотландии, — предостерегал испанского монарха его главный советник епископ Аррасский, — послужит опасным примером для Нидерландов»⁸⁸. Испанское правительство предложило Лондону свой вариант разрешения шотландского кризиса: Испания посылает в Шотландию армию и с ее помощью изгоняет французов из страны и подавляет реформацию⁸⁹.

Но такой вариант не устраивал Лондон. Сесиль правильно разгадал тайные намерения Испании, стремящейся к усилению своих позиций в Шотландии: «Испанцы хотят изгнать французов из Шотландии лишь только для того, чтобы занять их место»⁹⁰. Предложение Испании о «помощи» было отклонено.

29 января 1559 г. английская эскадра вошла в устье Ферт-о-Форта. Появление флота предотвратило падение осажденного французами Сэнт-Эндрюса — последнего опорного пункта «Лордов Конгрегации». По свидетельству французского офицера де Ла Бросса, «неожиданное появление английского флота произвело на французских солдат, уже предвкушавших скорую победу и завершение кампании, столь удручающее впечатление, что они поспешно отступили от замка, побросав снаряжение и обозы»⁹¹. Английский флот под руководством адмирала Винтера, выполняя инструкции Лондона «действовать на свой страх и риск», продолжал блокаду шотландского побережья.

22 февраля 1560 г. лорд Норфолк от имени правительства Елизаветы заключил в Бервике официальный договор с «Великим советом Шотландии», возглавляемым герцогом Шательро.

Согласно договору, Англия «обязалась взять Шотландию под свое покровительство и защиту в течение правления Франциска II и Марии Стюарт и послать армию в Шотландию, чтобы содействовать полному изгнанию французских войск». В свою очередь, шотландцы принимали следующие обязательства: «никогда впредь не вести войну с Англией, не заключать с Францией никаких союзов и не получать оттуда никакой помощи»⁹². Англия же оставила за собой право «напасть на Шотландию, если она будет действовать согласно французским интересам»⁹³. Особая статья договора предусматривала оказание Шотландией военной помощи Англии в случае вторжения французов. Более того, английской дипломатии удалось добиться тайного согласия «Лордов Конгрегации» послать армию в Ирландию на подавление восстания Ш. О'Нейла⁹⁴. Чтобы придать законность заключенному соглашению, шотландские представители обещали повиноваться своим суверенам (т. е. Марии Стюарт) «во всем, что только не будет нарушать древних свобод и привилегий королевства и их религии»⁹⁵. Но при этом (что лишний раз подчеркивает неравноправный характер договора) они обязались предоставить правительству Елизаветы заложников в знак исполнения принятых на себя обязательств.

В исторической литературе утвердилось мнение, что договор в Бервике носил для Англии «сугубо оборонительный характер»⁹⁶, вызванный необходимостью защиты северных границ Англии от нападения Франции. В действительности и по своему содержанию, и по далеко идущим последствиям договор в Бервике в полной мере соответствовал охарактеризованному выше плану английской дипломатии в Шотландии. В результате договора Шотландия была вынуждена отказаться от традиционного союза с Францией и была вовлечена в орбиту английской политики. По образному выражению одного из современников, «Шотландия из традиционного старого врага Англии превратилась в ее союзника»⁹⁷.

Бервикский договор вызвал бурное негодование французского двора, усмотревшего в нем грубое вмешательство Англии в шотландские дела. Французский посол де Севр, сменивший де Ноаяя, заявил официальный протест: «Франция не признает этого договора, заключенного английским правительством с бунтовщиками без ведома и санкции суверенов»⁹⁸. Ответ английской королевы, не лишенный дипломатической ловкости, гласил: «Я не могу смотреть на аристократию и народ Шотландии как на бунтовщиков, наоборот, они верные подданные короны с тех пор, как они

⁸⁵ Queen Elizabeth and her times..., v. I, p. 148.

⁸⁶ Ibid., p. 149.

⁸⁷ CSP, Venetian, v. VII, p. 158.

⁸⁸ Mary Stuart and Elizabeth, p. 89.

⁸⁹ Papiers d'état, v. I, p. 517.

⁹⁰ Cecil Papers, v. I, p. 248.

⁹¹ La Brosse I. Two missions. 1543; 1560, ed. by Dickinson. Ed., 1942,

⁹² Knox's History, v. I, p. 303.

⁹³ Ibid., p. 304.

⁹⁴ Ibid., p. 305.

⁹⁵ Ibid., p. 307.

⁹⁶ Fergusson W. Op. cit., p. 82.

⁹⁷ ZL, v. I, p. 79.

⁹⁸ CSP, Venetian, v. VII, p. 167.

решили восстать против короля Франции на защиту прав его супруги и своей королевы...»⁹⁹

Сложившаяся международная обстановка облегчила Англии осуществление ее интервенционистских замыслов. Французское правительство, оказавшееся весной 1560 г. на пороге религиозных войн, не могло уделять должного внимания событиям в Шотландии, в то время как английская дипломатия приняла самое непосредственное участие в осуществлении Амбуазского заговора¹⁰⁰, политические выгоды от которого для Англии были несомненны. Заговор сковывал действия французского правительства и затруднял оказание военной помощи Шотландии. В своем письме к английской королеве (3 марта 1560 г.) Трокмортон настоятельно рекомендовал не упускать благоприятного момента: «сейчас самое подходящее время для интервенции в Шотландию»¹⁰¹.

Несмотря на то, что заговор не удался и его участники были арестованы, английская дипломатия могла торжествовать победу: 16 марта французский двор уведомлял командующего войсками в Шотландии герцога де Ойзела «о невозможности оказать в настоящее время какую-либо военную помощь»¹⁰². Англия перешла к открытой интервенции. 24 марта экспедиционная армия под командованием лорда Грея пересекла границу Шотландии¹⁰³. В опубликованной по этому поводу королевской прокламации говорилось, что «английская армия вступила в Шотландию по просьбе шотландского правительства для защиты древних свобод и привилегий королевства от честолюбивых замыслов Гизов, которые являются злейшими врагами Англии»¹⁰⁴. 2 апреля английская армия совместно с войсками «Лордов Конгрегации» начинает осаду Лейта, куда отошла вся французская армия. Вторгаясь в Шотландию, Англия рассчитывала на легкую победу. Однако осада Лейта затянулась, попытки взять крепость с ходу не удались. Английская армия, состоящая в основном из милиционных частей графств, была плохо оснащена и экипирована¹⁰⁵ и по боевым качествам значительно уступала французской, в составе которой было немало ветеранов Итальянских войн. «Большинство наших солдат, — горько сетовал Р. Крофт в своем донесении в Лондон, — так же трусливы и ленивы, как и шотландцы. Их боеспособность главным образом зависит от платы, которую они получают крайне нерегулярно и с большими задерж-

⁹⁹ Ibid., p. 169.

¹⁰⁰ Sutherland M. Queen Elizabeth and Conspiracy at Ambouse. — EHR, v. 81, 1966.

¹⁰¹ Forbes P. Op. cit., v. I, p. 398.

¹⁰² Papiers d'état, v. I, p. 487.

¹⁰³ Stow J. The Annales or a General Chronicle of England. L., 1637, p. 611.

¹⁰⁴ Tudor Royal Proclamations, v. II. L., 1968, p. 178.

¹⁰⁵ Из 12 466 английских солдат, сконцентрированных под Лейтом к началу мая, лишь только 7600 были оснащены всем необходимым для военных действий. (CSP, Scot., v. I, p. 724).

ками»¹⁰⁶. Неудачей завершился и предпринятый 7 мая генеральный штурм Лейта.

После этого поражения моральный дух армии Грея был сильно подорван, усилилось дезертирство. Лорд Грей в срочном порядке требовал у Лондона денег и подкреплений, «в противном случае я не ручаюсь за успех кампании»¹⁰⁷.

Но Норфолк, отрицательно относящийся к идее вторжения в Шотландию, действовал вяло и нерешительно. «Я подданный и обязан подчиняться, — писал он Грею, — но, будь моя воля, я лучше бы сел в тюрьму, чем начал эту кампанию, которая ежемесячно обходится казне в 20 тыс. ф. ст.»¹⁰⁸

Положение осложнялось и тревожными известиями из Испании. Английский резидент в Венеции информировал Лондон о намерениях Испании «послать свой флот по просьбе французского двора на подавление ереси в Шотландию»¹⁰⁹. Правда, эта информация была не совсем достоверна: испанский флот был приведен в боевую готовность, но для отправки не в Шотландию, а в Средиземное море на помощь эскадре адмирала Дориа, разбитой турками¹¹⁰.

Но в Лондоне этого не знали и были не на шутку встревожены военными приготовлениями Испании. Английское правительство решило незамедлительно начать мирные переговоры с Францией. 27 мая Сесиль и декан Кентерберийский Уоттон, старейший английский дипломат, были посланы королевой в Бервик в качестве английских представителей для ведения мирных переговоров. Командующему экспедиционной армией Грею было дано указание «прекратить военные действия и быть готовым к выводу английской армии»¹¹¹. Однако до этого дело не дошло. 30 мая английское правительство получило официальное подтверждение нейтралитета Испании¹¹².

В начале июня Тайный совет принял решение послать в Шотландию дополнительный контингент английских войск и артиллерию¹¹³. Кольцо английской блокады вокруг Лейта сжималось все туже. В своем донесении в Париж (3 июня 1560 г.) де Ойзел информировал французский двор, что он «сдаст Лейт, если в течение 2-х недель не получит военной помощи от Франции»¹¹⁴.

В конечном итоге французское правительство, лишенное поддержки Испании и не имея возможности оказать помощь осажденному гарнизону в Лейте, согласилось на мирные переговоры с Англией и «Лордами Конгрегации». Переговоры начались

¹⁰⁶ Ibid., v. I, p. 732.

¹⁰⁷ Cecil Papers. v. I, p. 324.

¹⁰⁸ Mary Stuart and Elizabeth, p. 134.

¹⁰⁹ CSP, Venetian, v. VII, p. 153.

¹¹⁰ Mary Stuart and Elizabeth, p. 136.

¹¹¹ Queen Elizabeth and her times..., v. I, p. 158.

¹¹² Mary Stuart and Elizabeth, p. 139.

¹¹³ APC, v. VII, p. 339.

¹¹⁴ Papiers d'état, v. I, p. 537.

16 июня в Эдинбурге. Английскую делегацию возглавили У. Сесиль и И. Уоттон, французскую — епископы де Монлюк и де Рандан. Большое влияние на ход переговоров оказало известие о смерти Марии де Гиз, скончавшейся 10 июля в Эдинбургском замке. По оценке венецианского посла в Париже, «это известие повергло французский двор буквально в шоковое состояние...». «Я полагаю, — заключал он в донесении сенату, — что условия мира будут диктовать англичане»¹¹⁵. Действительно, после смерти Марии де Гиз у французского двора не было «законного» представителя власти в Шотландии, поскольку шотландская королева Мария Стюарт находилась во Франции. Кроме того, устранялась возможность заключения сепаратного соглашения между «Лордами Конгрегации» и Марией де Гиз, чего не исключали в Лондоне, учитывая активные попытки, предпринимаемые в этом направлении французской дипломатией¹¹⁶. Вполне справедливо поэтому замечание одного из современников, писавшего, что «именно смерть Марии де Гиз, а отнюдь не военные успехи английской армии, и предопределила в конце концов столь успешный для английской дипломатии исход переговоров»¹¹⁷.

5 и 6 июля 1560 г. в Эдинбурге был подписан мир. Согласно договору, «французские войска должны быть выведены из Шотландии, а крепости Лейт и Дунбар скрыты до основания»¹¹⁸. Французское правительство обязано официально признать права Елизаветы на английский престол. Договор гласил: «Франциск II и Мария Стюарт навсегда отказываются от всяких притязаний на английский престол и обязуются никогда не носить ни титула, ни герба английских королей»¹¹⁹.

Обращает внимание: ни одна статья Эдинбургского договора, так же как и договора в Бервике, не затрагивала религиозных вопросов. Это лишний раз свидетельствует о том, что вмешательство Англии в дела шотландской реформации было обусловлено главным образом политическими соображениями, а отнюдь не стремлением установить «истинную религию» в Шотландии, как это утверждает ряд буржуазных исследователей. Сказалось и личное враждебное отношение королевы Елизаветы к кальвинизму. По меткому замечанию К. Маркса, «Сесиль не посмел настаивать на этой статье договора (об установлении кальвинизма. — А. П.) уже потому, что Бесс ненавидела пуритан»¹²⁰.

Правда, добиться реализации намеченной программы-максимум полностью английской дипломатии не удалось. Как это явствует из инструкций, данных королевой Сесилю, последний дол-

¹¹⁵ CSP, Venetian, v. VII, p. 162.

¹¹⁶ Letters of Mary, Queen of Scot., ed. by A. Striand, v. I. L., 1842, p. 84.

¹¹⁷ Еще в конце апреля де Монлюк пытался примирить «Лордов Конгрегации» с Марией де Гиз, обещая им полную религиозную терпимость и частичный вывод французских войск. (Papiers d'état, v. I, p. 547—548).

¹¹⁸ Original Letters relating to the English Reformation, v. I. Cambridge, 1846—1847, p. 318.

¹¹⁹ Knox's History, v. I, p. 324.

¹²⁰ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VII. М.—Л., 1940, с. 386.

жен был добиться также «возвращения Англии Кале, возмещения убытков в размере 500 тыс. фунтов за нанесенное оскорбление и особенно ратификации Францией Бервикского договора»¹²¹. Но французские представители, епископы Валанский и Амьенский, решительно отказались обсуждать эти требования, угрожая в противном случае прервать переговоры. В конце концов после 3-дневных дебатов по этому вопросу Сесиль вынужден был уступить.

Одновременно с Эдинбургским мирным договором было заключено соглашение между «Лордами Конгрегации» и шотландской королевой Марией Стюарт, которое облекалось в форму так называемых «Уступок» («Concessions»), предоставляемых шотландской королевой своим подданным. Этот важный политический документ закреплял господство шотландской феодальной знати в стране; «Лорды Конгрегации» существенным образом ограничили функции королевской власти в Шотландии: «Король и королева не могли, во-первых, объявлять войну и заключать мир без согласия парламента», во-вторых, «назначать на высшие государственные должности иностранцев», в-третьих, «смещать своих подданных с занимаемых ими в настоящее время должностей, а также лишать их бенефициев и земельных владений», в-четвертых, «во время отсутствия королевы управление страной должно перейти в руки Регентского совета в составе 12 регентов, 7 регентов назначаются королевой, остальные 5 — парламентом»¹²².

Разрешение религиозного вопроса, согласно заключенному соглашению, «откладывалось до возвращения Марии Стюарт в Шотландию»¹²³.

Таким образом, в результате открытого вмешательства Англии в дела шотландской реформации, которое обошлось английской казне в 178820 ф. ст.¹²⁴, правительству Елизаветы удалось добиться изгнания французских войск из Шотландии и заметно укрепить там свое влияние. К власти пришла проанглийский настроенная знать, открыто заявлявшая, что «королева Елизавета позаботилась о безопасности и свободе Шотландии и поэтому королевство обязано ей более, чем собственной государыне»¹²⁵.

Эдинбургский договор стал первым шагом на пути подчинения Шотландии Англии, политические и экономические выгоды которого прекрасно понимали в Лондоне. «Этот договор, — писал Сесиль Елизавете, — окончательно утвердит за Вашим Величеством покорение Шотландии, которого не смог достигнуть ни один из Ваших предшественников»¹²⁶.

Однако практическое претворение в жизнь Эдинбургского договора натолкнулось на значительные трудности. Французское

¹²¹ Cecil Papers, v. I, p. 286—287.

¹²² Knox's History, v. I, p. 332—334.

¹²³ Ibid., p. 335.

¹²⁴ A Source Book of Scottish History, v. I. L., 1967, p. 386.

¹²⁵ CSP, Scot., v. I, p. 858.

¹²⁶ Cecil Papers, v. I, p. 312—313.

правительство отнюдь не смирилось с потерей Шотландии. Стремясь выиграть время, необходимое для подготовки новой военной экспедиции, французский двор под всевозможными предлогами оттягивал ратификацию Эдинбургского договора. Мария Стюарт во время аудиенции с Трокмортоном (август 1560 г.) официально заявила, что «не ратифицирует Эдинбургский договор, так как она не давала полномочий своим представителям заключать какие-либо соглашения с «Лордами Конгрегации»¹²⁷.

Реформационные преобразования в Шотландии (разрыв с Римом и принятие парламентом в августе 1560 г. кальвинистского «Исповедания веры» Нокса в качестве основы для реформированной церкви) еще более обострили отношения между Англией и Францией. Французский двор подозревал, что именно Лондон поторопил шотландское правительство сделать подобный шаг. В беседе с Трокмортоном кардинал де Лорен сетовал на то, что «шотландцы не исполняют ни одной из своих верноподданнических обязанностей. Король и королева Шотландии имеют лишь только титул государей, ваша же королева имеет над шотландцами власть действительную, так как она обладает их повиновением и они во всем следуют ее советам»¹²⁸. На этот раз подозрения французского двора были обоснованны. Правительство Елизаветы не торопилось с разрешением религиозного вопроса в Шотландии, не желая создавать юридического прецедента для обострения отношений с Францией.

В довершение всего осуществление реформации в Шотландии в духе требований кальвинизма, как уже отмечалось, не входило в намерения Лондона. Отдельные высказывания Сесиль на этот счет свидетельствуют о том, что английское правительство желало иметь в Шотландии «английский вариант» реформации. Так, в письме к Д. Стюарту (26 ноября 1559 г.) государственный секретарь рекомендовал «Лордам Конгрегации» в качестве своеобразного церковного идеала устройство лютеранской церкви в Дании, во многом близкой по структуре с англиканской церковью. «Я не знаю, — подчеркивал он, — лучшей церкви Христа, чем реформированная церковь в Дании»¹²⁹. На желательность «освобождения Шотландии от идолопоклонства, как это было осуществлено в Англии»¹³⁰, Сесиль указывал и в письме к архиепископу Англии Паркеру. В ряде других посланий к «Лордам Конгрегации» (28 июля, 30 августа) также встречаются рекомендации о «необходимости проведения секуляризации в Шотландии на английский манер»¹³¹, т. е. при сохранении епископских владений. Не случайно, ознакомившись с «Исповеданием веры» Нокса, Сесиль потребовал от Т. Рандольфа «любыми путями добиться ее пересмотра», отмечая «большую опасность содержащихся там

идей»¹³²: речь шла в первую очередь о главе, в которой допускалось право сопротивления и неподчинения властям в случае религиозных притеснений¹³³. Пожелания Лондона не остались без ответа. По настоянию «Лордов Конгрегации» Нокс внес коррективы в главу о «гражданском магистрате», и в конечной редакции этой главы (которая и была представлена в парламент) говорилось только о том, что «подданные должны подчиняться, любить и почитать своих правителей». Обработанный английский посол доносил в Лондон: «наконец тот раздел о гражданском магистрате исправлен»¹³⁴.

Еще большие опасения у английского правительства вызвала «Книга дисциплины» Нокса, представляющая собой последовательно изложенную программу проведения кальвинистской реформации как в Шотландии, так и в Англии¹³⁵. Об этом свидетельствует письмо английского посла Рандольфа Сесиль, в котором тот уведомлял государственного секретаря, что «копии «Книги дисциплины» посланы не только в Женеву и Цюрих Кальвину, Вирету, Безе, Буллингеру, но и многим протестантам в Англию для пропаганды идей шотландской реформации». «Я думаю, — заключал Рандольф, — что многим в Англии церковные порядки «Книги дисциплины» придутся по душе»¹³⁶.

Возобновившиеся в начале ноября по инициативе шотландского правительства переговоры о браке Елизаветы с Араном и пребывание в Лондон официального посольства во главе с самим «женихом» создали дополнительные трудности для английского правительства. Согласие Лондона на этот брак угрожало дальнейшим обострением отношений не только с Францией, но и с испанским правительством, которое не отказалось от мысли заключить брак Елизаветы с эрцгерцогом Карлом. Отказ мог повлечь ухудшение англо-шотландских отношений, что было крайне нежелательно для Лондона, учитывая возросшую активность французской дипломатии в Шотландии.

К ноябрю 1560 г. Гизам удалось на время стабилизировать политическую обстановку во Франции и они приступили к подготовке новой военной экспедиции в Шотландию. Английский посол в Нидерландах Чемберлен сообщил в Лондон, ссылаясь на заявление испанского герцога Альбы, «что французская армия будет готова для вторжения в Шотландию уже к началу зимы... Франция, — предупреждал он, — заручилась поддержкой Рима, который обещал оказать военную помощь в 5000 наемников»¹³⁷. Трокмортон, подтвердивший информацию Чемберлена, уведомлял Лондон о планах французского двора «обручить молодого Арана

¹²⁷ Ibid., p. 124.

¹²⁸ «Confession of Faith». Knox's History, v. II, p. 278.

¹²⁹ Cecil Papers, v. I, p. 329.

¹³⁰ В июле 1560 г. парламент отказался обсуждать представленную на его рассмотрение «Книгу дисциплины» Нокса.

¹³¹ Sadler Papers, v. II, p. 87.

¹³² Queen Elizabeth and her times., v. I, p. 184.

¹²⁷ Forbes P. Op. cit., v. I, p. 970.

¹²⁸ Queen Elizabeth and her times., v. I, p. 160.

¹²⁹ CSP, Scot, v. I, p. 412.

¹³⁰ Cecil Papers, v. I, p. 317.

¹³¹ Knox J. The Works, v. VI, p. 41—42, 54.

с французской принцессой в случае отказа Елизаветы выйти за него замуж и сделать его регентом Шотландии»¹³⁸.

Сесиль, горячий сторонник брака Елизаветы с Араном, всячески стремился склонить к нему королеву, указывая на большие политические выгоды подобного союза. «Лорды, — писал он Бетфорду, — тайно обещали короновать Арана и передать шотландскую корону «на равных правах» Ее Величеству, если она согласится принять их предложение»¹³⁹. За шотландский брак высказались и многие члены Тайного совета, включая даже герцога Норфолка, весьма встревоженного слухами о возможном браке королевы с ее фаворитом Р. Дадли¹⁴⁰.

Но Елизавета как всегда колебалась, оттягивая принятие решения по этому вопросу.

Смерть французского короля Франциска II (5 декабря 1560 г.) оказала существенное влияние на английскую политику в Шотландии. С одной стороны, падение Гизов, последовавшее после смерти Франциска, устранило угрозу новой французской интервенции и тем самым сняло с повестки дня вопрос о браке Елизаветы с Араном; в декабре английское правительство отвергло брачное предложение шотландцев¹⁴¹. Но, с другой стороны, перед английским правительством со всей остротой встала «проблема Марии Стюарт» в связи с ее предстоящим возвращением в Шотландию. В Лондоне не исключали возможности реставрации католицизма в Шотландии и разрыва англо-шотландского союза. Тревожные сведения на этот счет поступали как из Парижа, так и из Шотландии. «Мария Стюарт, — писал Трокмортон, — вступила в активную переписку с шотландскими лордами, обещая им всевозможные привилегии, в том числе и веротерпимости, если они возобновят союз с Францией»¹⁴². Чтобы сохранить английское влияние в Шотландии, он советовал Елизавете «ежегодно выплачивать шотландской знати по 20 тыс. ф. ст.»¹⁴³. Английский посол в Шотландии Рандольф, в свою очередь, сообщил «об активизации деятельности северной знати, вновь перешедшей в католицизм», и об их предложении, сделанном Марии Стюарт, «начать борьбу за восстановление католицизма»¹⁴⁴.

Предстоящее возвращение Марии Стюарт повлекло за собой и определенное изменение династической ситуации в самой Англии. До тех пор пока Мария Стюарт была королевой Франции, ее притязания на английский трон не находили активной поддержки ни среди английских католиков, ни у испанского двора

вследствие франко-испанских противоречий¹⁴⁵. Теперь ситуация резко изменилась. «Большинство английских католиков, — доносил в конце декабря Квадра испанскому королю, — теперь склоняются в пользу Марии Стюарт»¹⁴⁶. Испанское правительство вынашивало планы династического брака Марии Стюарт с доном Карлосом, сыном испанского короля Филиппа II. «Испанский брак, — отмечал епископ Арраса в своем письме в Рим, — лучшее средство для восстановления католицизма в обоих королевствах»¹⁴⁷.

В создавшихся условиях английская дипломатия всячески стремилась сорвать переговоры об испанском браке Марии Стюарт, которые начались в конце декабря 1560 г., и добиться ратификации Эдинбургского договора. Выполнение этих задач было возложено на графа Бетфорда, который в качестве чрезвычайного посла Англии был отправлен в Париж в конце декабря 1560 г.¹⁴⁸.

Но добиться решения поставленных задач ему не удалось¹⁴⁹. Английской дипломатии пришлось выработать новую внешнеполитическую линию в отношении Шотландии.

Источники

Из «Хроники Р. Линдсея Питскотского»¹

11 мая 1559 г. божьего правления многие дворяне и простой народ округов Файфа, Ангуса, услышав о жестоком королевском указе², собрались в Перте в церкви Святого Джона и попросили Джона Нокса, который вернулся в Шотландию, публично проповедовать Евангелие Христа. После его проповеди началось уничтожение алтарей, статуй и икон. После этого они избрали божьего слугу Нокса своим проповедником и двинулись к картезианскому монастырю Chaterhouse. Конгрегация отправила посланника к настоятелю монастыря, чтобы он убедил его покинуть идолопоклонство и стать истинным слугой божьим. Посланником был

¹⁴⁵ Судя по донесениям де Квадра, английские католики в этот период подерживали притязания Г. Дарнлея, графа Леннокса, который, являясь правнуком английского короля Генриха VII по материнской линии, имел династические права на трон. (Mary Stuart and Elizabeth, p. 154).

¹⁴⁶ Mary Stuart and Elizabeth, p. 158.

¹⁴⁷ Pollen J. Op. cit., p. 124.

¹⁴⁸ CSP, Scot, v. I, p. 896.

¹⁴⁹ Испанский вариант брака Марии Стюарт был расстроен в результате интриг французского правительства Екатерины Медичи, не желавшего усиления испанских позиций в Шотландии. (Cherruelli A. Maria Stuart et Catherine de Medicis. P., 1858, p. 121—123).

¹ Роберт Линдсей из Питскота — шотландский кальвинистский хронист II половины XVI в.

² Имеется в виду указ Тайного совета Шотландии от 2 мая 1559 г., по которому 4 проповедника подлежали смертной казни за отправление кальвинистского культа.

¹³⁸ Forbes P. Op. cit., v. I, p. 1081.

¹³⁹ Cecil Papers, v. I, p. 340.

¹⁴⁰ Большинство иностранных дипломатов были убеждены, что «Дадли отравил свою жену с ведома Елизаветы, чтобы расчистить себе путь для брака с ней». (Mary Stuart and Elizabeth, p. 158).

¹⁴¹ APC, v. VII, p. 392.

¹⁴² Forbes P. Op. cit., v. I, p. 1090.

¹⁴³ Ibid., p. 1091.

¹⁴⁴ Knox J. The Works, v. VI, p. 148.

выбран лэрд Монкриф, который, будучи родственником настоятеля этого монастыря, надеялся, что ему удастся убедить его оставить свои заблуждения. Но настоятель не пожелал говорить с Монкрифом. Тогда конгрегация вошла в монастырь, разрешила настоятелю уйти и взять с собой столько серебра и золота, сколько он мог с собой взять, остальное было вынесено из монастыря на нужды города. Наутро монастырь был разрушен до основания. Такая же участь постигла все монастыри серых и черных монахов, за исключением монахов монастыря Tilliclain, который спас от разрушения лорд Рутвен, находящийся в родстве с настоятелем.

Pittiscot's Chronicles. Lindsay of Pittiscot. Chronicles of Scotland, v. II. L., 1968, p. 244—245.

Из «Истории реформации в Шотландии»³ Джона Нокса

...Вдовствующая королева (Мария де Гиз. — А. П.), узнав о событиях в Перте, решила двинуть французские войска, заявив, что «она сравнивает Перт с землей». Подстрекаемая ее французскими друзьями и также не без финансовой помощи, которую она и монсеньор де Ойзел получили от проклятых папистов, она потребовала от знати присоединения к ней для подавления восстания, как она оценила наше выступление. Жестокий зверь епископ Сент-Эндрюса призвал дворянство «идти вперед на этих еретиков, чтобы навсегда избавить от них королевство». Конгрегация обратилась с воззванием к королеве-регентше, в котором мы заявили Ее Милости, что мы были вынуждены взяться за оружие, чтобы защитить себя от преследований в деле религии. Конгрегация обратилась также «ко всем верным, исповедующим божью истину», призывая их собраться в Перте. Первым с помощью божьего провидения прибыл в Перт верный лорд Глэнкайри, с армией в 2500 человек. Из Лотиана прибыли лэрды Орминстон, Кадлер, Халтон, Ресталринг и Колстаун. Лорд Рутвен прибыл из Сэнт-Джонса с несколькими десятками конных всадников. Эрл Росс, шериф Файфа, прибыл с большим отрядом. Горожане Данди провозгласили себя верными принципам реформации и прибыли в Перт с несколькими пушками.

Кнох J. Op. cit. v. I, p. 141—142.

Лорд Г. Перси — Тайному совету (1 июля 1559 г.)

...Способ их (кальвинистов. — А. П.) действий следующий: они уничтожают все аббатства и монастыри, настоятели которых не признали принципов реформации, а также приходские церкви. Они очищают их от всех следов идолопоклонства и вводят в упо-

³ «История реформации в Шотландии» Нокса охватывает историю реформационного движения в стране с 1523 по 1565 г.

стребление книгу Общих Молитв благочестивого короля Эдуарда. Священникам под страхом смерти запрещено отправлять католическую мессу...

СРП, Scot., v. I, p. 500.

Обращение «Лордов Конгрегации» к королеве Елизавете (17 июля 1559 г.)

...Объединение двух королевств — это заветная мечта всех умных людей Англии и Шотландии. Наши глаза давно смотрят на тот вечный союз, который неразрывно свяжет наши королевства. Случай для этого сейчас наиболее благоприятный. Мы вступили в открытую борьбу против Дьявола и идолопоклонства, против тех людей, которые являются врагами Англии и друзьями Франции. Во имя спасения Христа мы заклинаем Ваше Величество и английский народ быть с нами. Мы согласны принять любые условия, которые предложат нам Ее Величество и Ее совет.

Кнох J. Op. cit. V.VI, p. 46.

Д. Нокс — королеве Елизавете (20 июля 1559 г.)

Ваше Величество напрасно гневается на меня из-за моей книги («Первый трубный глас». — А. П.), которая была написана в другие времена и касалась правления других особ. Те, кто пытаются представить меня врагом Вашего Величества, являются гнусными обманщиками и предателями.

Вспомните, как из-за страха лишиться жизни Вы отклонились от Господа и впали в идолопоклонство. Но Господь не только простил Ваше прошлое прегрешение, но и вознес Вас на вершину власти, чтобы Вы правили его людьми для славы церкви Господа. Поэтому в своем правлении Вы должны уповать только на вечное провидение божие, а не на законы, которые из года в год могут меняться. Только в этом случае Ваше правление будет долгим и счастливым, а я, с моей стороны, буду благословлять и укреплять Вашу власть языком и пером. Но если Вы отклонитесь от воли божьей и будете опираться в правлении только на свои собственные законы, то тогда Ваша власть будет недолгой.

Прошу извинить за мои грубые слова, написанные искренним другом Вашего Величества.

Кнох J. Op. cit., v. VI, p. 96—97.

Докладная записка У. Сесия Тайному совету «О средствах, необходимых для восстановления в Шотландии древних свобод» (5 августа 1559 г.)

Шотландия не может иначе достигнуть благоденствия, как только при помощи двух средств: или соединиться с Англией неразрывным вечным союзом, или составить вместе с нею одну

английскую монархию. Чтобы утвердить этот вечный союз, необходимо вырвать Шотландию из-под влияния Франции — этого старинного врага Англии. До тех пор, пока управление Шотландией будет находиться в руках французов, а не шотландцев, союз этот невозможен.

Для восстановления в Шотландии ее древних свобод и для заключения вечного союза необходимо следующее:

1. С согласия трех сословий Шотландия должна быть свободной от идолопоклонства, как это было осуществлено в Англии.

2. Шотландия должна управляться шотландцами по происхождению, так же как и другие принцы правят страной без всяких иностранных советников.

3. Шотландия никогда впредь не должна вести войны с Англией, если только Англия не нападет первой.

4. Ни один шотландский дворянин не должен получать пенсии, бенефиции, титулы из Франции.

5. Все государственные должности и также церковные бенефиции должны быть переданы в руки шотландцев.

6. Во время отсутствия королевы управление страной должно находиться в руках Совета, состоящего только из шотландцев.

7. Распоряжаться финансами королевства должен парламент.

В случае, если французские король и королева откажутся удовлетворить эти требования, то тогда совершенно законно общины и знать могут передать престол ближайшему наследнику престола. Став вновь свободной, Шотландия сама с божьей помощью найдет средства к объединению обоих королевств.

Cecil Papers, v. I, p. 236—237.

Королева Елизавета — Р. Сэдлеру
(7 августа 1559 г.)

...Мы уполномочиваем Вас двинуться к границам Шотландии и вступить в соглашение и контакт с любым лицом в Шотландии, стремящимся к заключению вечного мира между нашими королевствами.

Мы также уполномочиваем Вас вознаграждать любое лицо той суммой денег, которые Вы найдете нужным из тех 3000 ф. ст. золотом, которые были выданы Вам. При этом нужно делать все тайно, чтобы Ваши действия не нарушили мира, заключенного между нами и Шотландией.

Sadler Papers, v. I, p. 649.

Елизавета — королеве-регентше Шотландии Марии де Гиз
(7 августа 1559 г.)

Ваше Высочество, наша дорогая сестра и союзница. Посланник нашего дорогого брата — короля Франции уведомил нас, что некоторые наши офицеры на границах вступили в соглашение с мятежниками, поднявшими восстание против Вашей власти. Мы

нашли это крайне странным, чтобы кто-то из наших подданных без нашего ведома вступил в контакт с мятежниками. По всей видимости, Вас неверно информировали. Мы проведем самое тщательное расследование и примем самые строгие меры для наказания виновных. Остаюсь искренней в желании укрепить наши хорошие отношения, которые возникли в прошлом между нашими королевствами.

The Letters of the Queen Elizabeth. Ed. by Harrison G. N. Y., 1968, p. 72.

Из «Истории реформации в Шотландии» Д. Нокса

...Когда лорды, лэрды и представители городов собрались в Эдинбурге, лорд Рутвен задал вопрос: «Может ли она (Мария де Гиз.— А. П.), которая отказалась следовать советам дворян, являющихся советниками королевства по праву рождения, она, чье тираническое правление угрожает иностранным ярмом королевству, быть регентшею?»

Первым встал Д. Уиллок, проповедник, и сказал: «Хотя Господь и назначает правителей своими заместителями на земле, однако они могут быть низложены, когда употребляют вверенную им власть для уничтожения своих подданных».

Затем поднялся мистер Нокс, который согласился с мнением Уиллока, добавив при этом, что, «во-первых, низложение королевы-регентши происходит не из-за каких-то частных обид, нанесенных ею Конгрегации, а вследствие ее политики, угрожающей национальной независимости страны; во-вторых, ее низложение не означает, что мы отказываемся от подчинения нашим суверенам (Марии Стюарт и Франциску II. — А. П.), и, в-третьих, если она подчинится знати и Слову Божьему, то может быть восстановлена в должности регента».

Затем стали высказываться и другие присутствующие, и каждый говорил в пользу низложения. В заключение все подписали документ, в котором от имени дворянства и общин протестантской церкви Шотландии уничтожались полномочия, данные вдовствующей королеве нашими суверенами. Акт о низложении был публично провозглашен на всех площадях Эдинбурга и отправлен Марии де Гиз в Лейт.

Knox's History, v. I, p. 239—240.

Д. Нокс — Р. Крофту
(25 октября 1559 г.)

...Несмотря на помощь, которую вы нам оказываете, дела наши, Ваша честь, крайне плохи. Из-за нехватки денег мы не можем продолжать войну. Нам необходимо иметь в ближайшее время не менее 3000 солдат, в противном случае я не могу ручаться за успех кампании. Англия без всякого риска нарушить мирный договор с Францией может послать в Шотландию 1000

или более человек, так как ваши подданные могут спокойно служить любому принцу в качестве наемников. Если Вас такой вариант не устраивает, то тогда вы можете объявить своих солдат, посланных в Шотландию, мятежниками...
Knox J. Op. cit., v. VI, p. 85.

Королева Елизавета — адмиралу лорду Винтеру
(27 декабря 1559 г.)

Мы уполномочиваем Вас двинуть эскадру к шотландским берегам ... При появлении французского флота воздерживаться от каких-либо враждебных актов, но в случае попытки французской эскадры пристать к шотландским берегам воспрепятствовать этому всеми средствами, включая открытые военные действия. Но действовать при этом Вы должны на свой страх и риск.
CSP, Scot., v. I, p. 738.

Докладная записка У. Сесилия Тайному совету
(3 января 1560 г.)

Согласно законам бога и природы, каждая нация имеет право защитить себя не только против настоящей опасности, но и против той, которая может возникнуть в будущем. Поэтому каждый правитель должен защищать себя от этого любыми средствами.

Французы являются древними и непримиримыми врагами Англии, война с которыми длится уже несколько десятилетий. Принцы Лотарингские, которые в настоящее время управляют Францией, настроены резко враждебно против английской нации и стремятся свергнуть с престола Ваше Величество. Они открыто поставили под сомнение законность рождения Вашего Величества и посоветовали своей племяннице принять титул и герб английской короны. Несмотря на заключение мира в Като-Камбрези, они стремятся склонить Рим издать специальную буллу о незаконнорожденности Вашего Величества и также заключить сепаратный мир с Испанией... Шотландия представляет для французов самое удобное место для атаки на Англию. Поэтому с политической точки зрения было бы крайне неразумно ожидать, пока противник начнет действовать. Шотландское дворянство, несмотря на все их усилия, не в состоянии отстоять свою независимость и изгнать французов. Поражение шотландцев немедленно приведет к вторжению французов в Англию и создаст угрозу завоевания нашего королевства. Поэтому ничего другого не остается, как встретить врага вне английской территории, поддержать Конгрегацию военным путем, сокрушить честолюбивые замыслы Лотарингского дома и изгнать французов из Британии.
CSP, Scot., v. I, p. 551—552.

Королева Елизавета — герцогу Норфолку
(15 февраля 1560 г.)

...Во время встречи с шотландскими представителями дайте им сначала понять, что мы крайне недовольны тем, что не вся знать в графствах Лотианте и Файфе присоединилась к нам... и также удивлены, почему они, несмотря на значительный перевес в силах, не могут так долго изгнать французов. Затем переходите к конкретному обсуждению всех деталей: об оказании им военной помощи в соответствии с инструкциями, данными Вам. В ходе переговоров дайте им также понять, что, очевидно, Франция начнет военные действия против нас за помощь, которую мы им оказываем. Поэтому нам необходимо знать, на какую помощь со стороны Шотландии мы можем рассчитывать в случае французского вторжения. Вы можете предложить им заключить неразрывный союз между нашими королевствами, который предусматривал бы оказание шотландцами всевозможной военной помощи нам в случае войны с Францией или какой-либо другой державой. Особенно настаивайте на том, чтобы граф Аргайль оказал помощь для подавления восстания в Ирландии.
Cecil Papers, v. I, p. 447.

Бервикский договор

В Бервике 27 февраля 1560 г. лорд Норфолк от имени правительства Ее Величества заключил соглашение с герцогом Шателро — вторым лицом в Шотландии — и также знатью, присоединившейся к нему для защиты древних свобод и привилегий их страны.

Ее Величество королева, хорошо осведомленная о стремлениях Франции завоевать Шотландию, уничтожить ее свободы и присоединить ее к французской короне, вопреки законам данного королевства, соглашениям и обязательствам Франции, по просьбе шотландской знати согласна взять упомянутое королевство Шотландию, герцога Шателро, знати и общины страны под свое королевское покровительство для защиты их от завоевания и для сохранения их свобод в течение всего правления королевы Шотландии и французского короля, ее супруга.

Ее Величество обязуется послать в Шотландию достаточное количество войск, пехоты и кавалерии, а также артиллерию, чтобы совместно с шотландскими войсками на суше и на море сокрушить угнетающую власть Франции в этом королевстве и оказывать помощь королевству, знати и подданным Шотландии до тех пор, пока французы, враги Шотландии, не будут окончательно изгнаны из страны.

В случае захвата крепостей, находящихся в руках Франции, они должны быть или разрушены шотландцами, или переданы герцогу и его партии по их собственному выбору. Англичане могут строить укрепленные форты на шотландской территории только с разрешения герцога, знати и сословий Шотландии.

Герцог и знать, присоединившаяся к нему, обещают никогда впредь не вступать ни в какие-либо соглашения с Францией, не получать отсюда никакой помощи, сопротивляться попыткам Франции завоевать Шотландию и присоединить ее к французской короне. В случае вторжения Франции на территорию Англии оказать военную помощь в размере 2000 пехоты и 2000 кавалерии. В знак выполнения принятых на себя обязательств герцог и дворянство обязуются предоставить заложников правительству Ее Величества.

В заключение герцог и знать, присоединившаяся к нему, заявляют, что Ее Величество королева Англии не преследует в Шотландии никаких других целей, кроме защиты свобод шотландской короны от угрожающего ей завоевания... и провозглашает свою лояльность к своим суверенам, Ее Величеству королеве и французскому королю, ее супругу, которым они будут и впредь подчиняться во всем, что не противоречит древним свободам королевства Шотландии...

Knox's History, v. I, p. 235—236.

Отчет адмирала лорда Винтера лорду Норфолку (29 февраля 1560 г.)

По прибытии в Лейт я сказал ей (Марии де Гиз. — А. П.), что я был послан Ее Величеством королевой с провизией на нескольких кораблях в форт Бервик, но из-за плохой погоды заблудился, пристал сюда, думая, что здесь царят мир и спокойствие. Но по пути к Лейту мы были обстреляны из орудий и узнали о жестокостях, творимых французами по отношению к Конгрегации. Поэтому я решил на свой страх и риск оказать им помощь. Но об этом моя повелительница не знает ничего.

CSP, Scot., v. I, p. 898.

Епископ Куадра — герцогине Пармской (7 марта 1560 г.)

...На другой день английские корабли, которые были посланы в Шотландию, вошли в устье Фирфа и прибыли к форту Лейт. Французы открыли огонь по ним, повредив два корабля. Англичане открыли ответный огонь по форту, но не смогли причинить ему большого ущерба. Тем временем англичане захватили 3 французских корабля с провиантом и вооружением и передали его шотландским мятежникам...

Mary Stuart and Elizabeth, p. 89.

Епископ Куадра — Филиппу II (7 марта 1560 г.)

Французский двор предложил английскому правительству вывести свои войска из Шотландии, за исключением небольшого

контингента войск — 300—400 человек, при условии, если королева Елизавета выведет свой флот из Шотландии, а мятежники сложат оружие и подчинятся власти Марии де Гиз. Разрешение вопроса об английском титуле они предлагают передать на рассмотрение специальной комиссии, состоящей из английских и французских представителей. Однако королева отказалась обсуждать эти предложения. Я уверен, что французы напрасно тратят время на бесплодные переговоры. Английская королева отнюдь не собирается выводить свой флот из Шотландии.

Mary Stuart and Elizabeth, p. 89—90.

Королева — регентша Шотландии — де Ойзелу (3 мая 1560 г.)

С момента прибытия врагов к Лейту я не получала от Вас никаких известий. Начавшиеся переговоры с шотландцами прервались с прибытием англичан. Епископ Валенсии сообщил мне в письме, что испанский король обещал послать 24 корабля с солдатами и провизией в Шотландию. Сообщаю Вам, что лорд Грей собирается в ночь на 6—7 мая предпринять решительный штурм крепости, и он пригрозил, что возьмет Лейт, каких бы потерь ему это ни стоило.

Scottish Correspondence of Mary of Lorraine, ed. by Cameron. L., 1927, p. 304.

Лорд Грей — герцогу Норфолку (8 мая 1560 г.)

Мы были очень рады, ваша честь, сообщить вам хорошие новости, но увы... Вчера, следуя указаниям вашей светлости о быстрейшем окончании кампании, мы решили предпринять штурм Лейта с двух сторон — со стороны реки и с юго-западной части цитадели. Утром мы вывели солдат из лагеря и пошли на приступ. Если бы солдаты точно придерживались приказов своих офицеров, то, несомненно, крепость была бы взята. Но, к нашему стыду, армия, за исключением солдат Бервикского гарнизона, состоит из новобранцев, не имеющих никакого военного опыта. Поэтому мы были отбиты с большими потерями. Точное количество убитых и раненых при штурме мы еще не подсчитали, но, думаю, их число будет около тысячи человек...

Forbes. Op. cit., v. I, p. 739.

Эдинбургский договор, заключенный между Англией и Францией 5—6 июля 1560 г.

Согласовано и постановлено: ...что все военные и морские силы обеих сторон будут выведены из королевства Шотландии. Все военные операции, ведущиеся в Англии и Шотландии против Франции, или в Шотландии и Уэльсе против Англии, Ирландии

или Шотландии, немедленно будут прекращены. Форты Лейт и Дунбар должны быть разрушены.

Так как королевство Англии и Ирландии принадлежит по праву королеве Елизавете, поэтому никому более не дозволено называться, писать имя или присваивать титул короля или королевы Англии или Ирландии, использовать гербы королевства Англии или Шотландии. Согласовано и постановлено, что Наихристианнейший король и королева Мария навсегда отказываются от титула и герба королевства Англии или Ирландии, они также запретят всем своим подданным в королевствах Франции и Шотландии и их провинциях использовать упомянутый титул в каких-либо целях.

Учитывая, что дворянство и народ Шотландии высказали свою лояльность и подчинение наиболее христианскому королю и королеве Марии, они через своих представителей согласились удовлетворить просьбы и мольбы дворянства и народа Шотландии... Наихристианнейший король и королева Мария обещают выполнить все, что их представители согласились предоставить дворянству и народу Шотландии в Эдинбурге 6 июля 1560 г. при условии, что дворянство и народ Шотландии выполнят все то, что было включено в статьи данного соглашения.

Уступки, предоставленные Их Величествами королевой Шотландии и ее супругом своим шотландским подданным:

I. Уполномоченные короля и королевы, рассмотрев петицию, предоставленную знатью и народом Шотландии по поводу пребывания на шотландской территории французских солдат, постановляют от имени короля и королевы, что Их Величества впредь не будут вводить французские войска или солдат другой нации в пределы шотландского королевства, если только ему не грозит иностранное вторжение. В этом случае с согласия и одобрения парламента король и королева могут использовать иностранные войска для защиты королевства.

Французские войска, находящиеся сейчас в Лейте, будут отправлены во Францию, когда английская армия и флот покинут пределы королевства.

II. Что касается петиции о созыве парламента, уполномоченные постановили, что парламента должен собраться 10 августа этого года в соответствии с обычной процедурой.

III. Депутация постановила, что ни король, ни королева не могут объявить войну или заключить мир без совета и согласия парламента, что соответствует законам и обычаям страны, и как это делали раньше их предшественники — короли Шотландии.

IV. Что касается петиции, представленной уполномоченными, по поводу политического управления и положения дел в королевстве, мы согласились и постановили, что во время отсутствия королевы страной будет управлять Совет, состоящий из 14 человек, выбираемый из состава 24 лиц, названных парламентом. 7 регентов назначает Их Величество королева, остальных — парламента.

Ни одному лицу любого ранга не дозволено вмешиваться в

государственное управление без согласия Совета. Советники имеют право собираться так часто, как они того пожелают, в составе не менее 6 человек, за исключением особо важных государственных дел, когда требуется присутствие всех из них.

VII. Уполномоченные заключают, что впредь король и королева не будут представлять никаких должностей: государственных, судебных, должностей казначея, лорда — хранителя печати, контролера и т. д., они будут замещаться только подданными королевства. Также Их Величества обещают не передавать должности казначея и контролера в руки духовных лиц.

VIII. Уполномоченные заключают, что ближайший парламента должен принять акт об амнистии всех тех лиц, которые приняли участие в событиях, происшедших после 6 мая 1559 г.: этот акт будет подтвержден Их Величествами королем и королевой.

IX. Согласовано и постановлено, что ближайший парламента должен быть собран согласно закону, на заседание которого обязаны явиться без всякого страха все те лица, которые обычно присутствуют.

X. Согласовано и постановлено, что между дворянством и другими подданными Шотландии должен быть заключен мир.

XI. Уполномоченные заключают, что ни король, ни королева не будут мстить и преследовать тех лиц, которые принимали участие в событиях, происшедших после 6 мая, а также лишать их должностей, бенефиций и владений, которыми они владеют в настоящее время, будут считать их во все времена как подданных, верных и преданных своим суверенам.

XII. Согласовано и постановлено, что жалобы епископов, аббатов и других церковных деятелей на понесенные убытки должны быть рассмотрены на заседании парламента. В настоящее время запрещается конфискация имущества, применение насилия в отношении церковных лиц. Лица, совершившие эти действия вопреки принятой статье, должны преследоваться дворянством как нарушители общественного спокойствия и порядка.

XIII. Что касается статей о религии, представленных частью дворянства и народом Шотландии, то они будут переданы непосредственно на рассмотрение короля и королевы.

"The Edinburgh Treaty". — In: Knox's History, v. I, p. 262—268.

«Книга дисциплины»⁴ Д. Нокса

1. Об уничтожении идолопоклонства

Мы требуем, Ваши Милости, чтобы все следы идолопоклонства были уничтожены в аббатствах, монастырях, кафедральных церквах, часовнях и во всех других местах нашего королевства... В церквах должны оставаться только кафедры для проповедника и стол для отправления таинств причастия.

⁴ «Книга дисциплины» (май 1560 г.) — религиозный трактат, представляющий собой последовательную программу осуществления кальвинистской реформации в Шотландии.

2. О проповедниках и их законных выборах

Принцип «призвания» проповедников состоит из выборов, экзамена и допуска.

Все люди и каждая конгрегация должны участвовать в выборах проповедников. В случае если он будет найден непригодным, тогда в течение 40 дней суперинтендант должен предложить им другую кандидатуру, кандидат должен быть проэкзаменован как в своих знаниях, так и в образе поведения...

Проповедники должны увещевать народ, проповедовать слово божье, совершать таинства причастия и налагать церковные наказания. Проповедники, выбранные или предоставленные, не могут оставить общину по своему усмотрению, также и община не может отвергнуть его или сместить по своему желанию, до тех пор пока он не будет признан виновным в каком-либо преступлении.

3. Об обеспечении проповедников и о распределении церковных рента

...Мы считаем, что каждый проповедник должен иметь дом и шесть акров земли, не менее 40 боллов муки и 26 боллов солода и чтобы в его доме всегда была еда и питье, помимо денежного содержания от 100 до 200 марок в год. Тем, кто путешествует с места на место, кого мы называем суперинтендантами, — 500 марок в год, не считая того, что каждый суперинтендант должен иметь еще, по крайней мере, 6 чалдеров пива, 9 чалдеров муки и 3 чалдера овса.

...Для чтецов мы считаем достаточным 40 марок в год при условии, что он будет учить детей прихожан.

Есть еще 2 категории людей, которые должны обеспечиваться из церковных доходов кирки — это бедные и учителя молодежи. Каждая церковь должна сама обеспечивать нищих. Мы не собираемся расходовать средства на содержание бродяг и лодырей, которые переходят с места на место, сделав ремесло из своего бродяжничества. Бродяги и лодыри не должны оставаться там, где они хотят, а должны быть направлены на работу в то место, которое будет указано им киркой.

4. О суперинтендантах

...Мы считаем, что в настоящее время необходимо выбрать 10 или 12 человек суперинтендантов из наиболее достойных и богоугодных людей королевы, которые бы организовали конгрегации в своих диоцезах и инспектировали их, осуществляя надзор за поведением проповедников и старейшин, назначали проповедников в сельские местности туда, где их нет, и проповедовали не менее 3-х раз в неделю.

Они не должны жить так, как жили раньше ленивые епископы, и оставаться долго на одном месте. Они не имеют неограниченной власти в своей провинции и должны подчиняться решению проповедников и старейшин всей провинции в целом.

На первых порах мы считаем целесообразным, чтобы Ваши Милости сами назвали кандидатов на должность суперинтендан-

тов... По истечении 3 лет, необходимых для окончательного установления кальвинистской церкви в Шотландии, право выдвижения кандидатур на должность суперинтендатов должно принадлежать проповедникам, старейшинам и Городскому совету главного города провинции, где должна находиться резиденция суперинтендатов.

5. О школах

Мы считаем необходимым, чтобы в каждой приходской церкви был учитель, который обучал бы молодежь прихода основам грамматики и латинского языка, и особенно катехизису. В каждом крупном городе должен быть создан колледж, в котором должны изучаться греческий язык, логика, риторика и искусство... Наконец, мы считаем необходимым, чтобы в королевстве было 3 университета: первый в Сент-Эндрюссе, второй в Глазго, третий в Абердине. Богатые и неимущие должны с помощью церковной цензуры заставить своих детей учиться на благо церкви и государства.

6. О церковных рентах

Как мы уже говорили, есть 2 группы людей — проповедники и нищие, которые вместе со школами должны обеспечиваться из церковных доходов.

Суммы, необходимые на их содержание, должны изыматься из церковных десятин. Но поскольку десятин, взимаемых разумно, будет недостаточно для этой цели, мы считаем необходимым, чтобы все ренты с земель, принадлежащих часовням и монахам всех орденов, также собирались на нужды церкви. Все доходы с епископских, деканских, капитульских земельных владений, а также все ренты с земель, принадлежащих кафедральным церквям, должны быть использованы на развитие университетского образования и на содержание суперинтендантов.

7. О церковной дисциплине

Как государство не может существовать без хороших законов и точного их исполнения, так и церковь не может существовать без устава церковной дисциплины, задачи которой должны состоять в том, чтобы приучить мирян к правильным церковным порядкам и исправлять те недостатки, которые гражданский меч или уступил, или не смог наказать.

8. О выборах старейшин и дьяконов

Люди самого лучшего знания божьего слова и самой честной жизни должны выставлять свою кандидатуру в выборах старейшин и дьяконов, которые должны проходить ежегодно... Старейшины должны помогать проповедникам во всех делах церкви, контролировать общественную и частную жизнь верующих, а также следить за жизнью, поведением и правильным исполнением обязанностей своих проповедников. Раз в год старейшины должны докладывать суперинтендантам об образе жизни и поведении проповедников.

Дьяконы должны собирать церковные доходы и пожертвования и распределять их так, как назначит церковь, а также помогать во всех решениях проповедникам и старейшинам.

9. О чтецах

В тех местах, где нет проповедников, должен быть назначен самый способный человек, который мог бы отчетливо читать проповеди и Священное писание. А в том случае, если он будет способным убеждать народ, то всегда с согласия проповедников ему может быть разрешено отправлять таинство причастия. «The Book of Discipline». — In: Knox's History, v. II, p. 280—323.

Акт Тайного совета Шотландии (27 января 1561 г.)

Мы, подписавшиеся под этими статьями, считаем их полностью соответствующими Божьему слову и обещаем претворить их в жизнь всеми возможными средствами при условии, что все прежние владельцы церковных бенефициев, которые приняли принципы реформации, будут пользоваться своими доходами в течение жизни, часть из которых они будут выплачивать на содержание проповедников.

Register of the Privy Council of Scotland, v. I. Ed., 1889, p. 487.

Акты «реформационного парламента» (август 1560 г.)

Три сословия, собравшиеся вместе, ознакомились с «Исповеданием веры», представленным на их рассмотрение, считают, что «Исповедание веры» по всем статьям и пунктам полностью соответствует божьему слову, и постановляют утвердить «Исповедание веры» в качестве религии государства.

Три сословия постановляют, что римский папа отныне и навсегда не имеет власти и юрисдикции в нашем королевстве. Ни один из наших подданных под страхом наказания не должен признавать власти Рима. Юрисдикция церковных судов объявляется уничтоженной, их функции возлагаются на гражданских судей.

Три сословия постановляют, что все акты, изданные в пользу церкви, не соответствующие слову божьему и нашему «Исповеданию веры», объявляются недействительными.

Собравшийся парламент постановляет, что лица, которые будут отправлять мессу или присутствовать при ней, должны быть подвергнуты наказанию, в первый раз — конфискации имущества, во второй — ссылке или изгнанию, в третий — смертной казни.

Три сословия обязывают всех должностных лиц королевства: шерифов, бейлифов, провостов и балы городов, принять этот акт к исполнению.

Acts of the Parliament of Scotland. Ed., 1814, v. II, p. 501—503.

О. А. Руденко

КОНТРЕФОРМАЦИЯ В АНГЛИИ ПРИ МАРИИ ТЮДОР

После смерти Эдуарда VI и непродолжительной борьбы за престол корона Англии перешла к старшей дочери Генриха VIII — католичке Марии Тюдор. Правление Марии (19 июля 1553 — 17 ноября 1558 гг.) ознаменовано значительными изменениями как во внешней, так и во внутренней политике страны. Был взят курс на сближение с Габсбургами, завершившийся созданием англо-испанского союза, скрепленного браком Марии Тюдор и Филиппа Испанского. Во внутренней политике, и прежде всего религиозной, рассматриваемый период — это время католической реакции в Англии, период контрреформации.

В советской исторической литературе под контрреформацией понимается церковно-политическое движение в Западной Европе, организованное папством с целью ликвидировать Реформацию и восстановить утраченные позиции католической церкви. В этой связи важнейшими проблемами в изучении английской контрреформации являются отношение к ней различных социальных слоев английского общества, влияние на нее «испанского брака», реституция секуляризованных в ходе Реформации земель. К сожалению, в советской историографии английская контрреформация не рассматривалась.

Контрреформация в Англии получила широкое освещение в зарубежной исторической литературе. Вопрос о религиозной политике Марии Тюдор в целом затрагивается почти во всех трудах по истории царствования Марии, в работах биографического характера, посвященных деятельности кардинала Пола, епископа Уинчестерского Гардинера, Филиппа II и Карла V, и в ряде статей, рассматривающих отдельные аспекты английской контрреформации. В целом можно выделить два направления в изображении и оценке религиозной политики, как и всего правления Марии — протестантское и католическое. Протестантское направление представляет главным образом английские и американские историки, а католическое — испанские.

У истоков протестантского направления — труд Джона Фокса «Деяния и воспоминания», известный также под названием «Мартирология», написанный в годы правления Елизаветы Тюдор; это — ценнейший источник по истории протестантизма в Англии. В то же время оценка Дж. Фоксом описываемых событий оказала существенное влияние на взгляды историков XIX и XX вв., надолго определила и направление изучения контрреформации в Англии, поставив в центре внимания исследователей религиозные преследования и сожжения сторонников «истинной» веры, создала Марии репутацию «кровавой» королевы.

В таком традиционном плане рассматривают религиозную политику Марии Дж. Фроуд (представитель так называемого политического направления в английской медиевистике XIX в., по своим религиозным взглядам протестант) в пятом томе «Истории Англии от падения Уолсея до разгрома Великой Армады»; Дж. Рич. Грин — представитель школы культурно-исторического синтеза, протестант, посвятивший правлению Марии Тюдор главу под названием «Контрреформация» во втором томе «Истории английского народа»; В. Прескотт, принадлежащий к так называемому романтическому направлению в зарубежной историографии, в своей «Истории царствования Филиппа II»¹. Если протестантские авторы стремились во всех «злодеяниях» обвинить Марию, то католические всячески старались ее оправдать. Американская исследовательница Дж. Стоун, сочувственно относясь к королеве, пытается всю тяжесть обвинения в жестоком преследовании еретиков переложить на Тайный совет, который, по ее мнению, видел в этом средство борьбы с народным недовольством. Для испанских же историков-католиков Пачеко-и-де Лейва и Луиса Фернандеса-и-Фернандеса де Ретана сожжение еретиков — просто благочестивое дело².

Следует отметить, что в работах современных историков наблюдается более широкий подход к изучению религиозной политики Марии Тюдор. Так, М. Хейл («Жизнь Реджинальда Пола»), Х. Прескотт («Жизнь «Кровавой Марии»), Дж. Мюллер («Стефан Гардинер и тюдоровская реакция»), Дж. Элтон («Реформа и Реформация»); М. Фернандес Альварес («Три посла Филиппа II в Англии») — наряду с процессом реставрации католицизма рассматривают и вопрос о влиянии на английскую контрреформацию «испанского брака», а также проблему реституции земель. Представители и католического и протестантского направлений единодушны в оценке роли Карла V и Филиппа II в проведении религиозных преобразований в Англии. Основываясь на материалах источников, авторы приходят к выводу, что испанские Габсбурги по политическим соображениям сдерживали активность Марии в преследовании протестантов и той частичной реституции церковных земель, которую проводила королева.

Указанные историки в своих исследованиях касаются и проблемы реституции секуляризованных земель. М. Хейл рассматри-

¹ Froude J. A. The history of England from the fall of Wolsey to Destruction of Great Armada. L., 1864, v. 5; Грин Дж. Рич. История английского народа. М., 1892, т. 2; Prescott W. History of the reign of Philip II. Leipzig, 1856, v. 1, 2.

² Stone J. The history of Mary I, Queen of England. L., 1901; Pacheco y de Leyva E. Grave error político de Carlos V. — Revista de archivos, bibliotecas y museos, 1921, v. 42; Historia de España. Madrid, 1966, v. 19, p. I, por P. Luis Fernández y Fernández de Retana.

³ Haile M. Life of Redginald Pole. L., 1911; Prescott H. The life of «Bloody Mary». N. Y., 1970; Muller J. A. Stephen Gardiner and the Tudor reformation. N. Y., 1970; Elton G. R. Reform and Reformation. Cambridge, 1977; Fernández Álvarez M. Tres embajadores de Felipe II en Inglaterra. Madrid, 1951.

вает позицию по этому вопросу Реджинальда Пола, Дж. Мюллер — Стефана Гардинера, Х. Прескотт — Марии Тюдор, Р. Висей («Кризис при Тюдорах») — проблему реставрации монастырей, а Р. Погсон («Восстановление и реформа в церкви при Марии Тюдор») — экономическое положение восстановленной католической церкви⁴. Однако ни один из перечисленных исследователей не ставит перед собой задачи выявить, интересы каких слоев затрагивала реституция, на какие социальные слои опиралась Мария, осуществляла реставрацию католицизма. Некоторое исключение составляет работа американской исследовательницы К. Гаррет («Изгнанники Марии»): автор анализирует социальный состав эмиграции английских протестантов, но не увязывает результаты своих исследований с прочими проблемами религиозной политики Марии⁵.

Полуиспанка по происхождению, испанка по воспитанию, фанатичная католичка, Мария расценивала победу в борьбе за престол как пролог к осуществлению своей основной задачи и предназначения — восстановления католической церкви и примирения с Римом. Королева намеревалась не только восстановить католические обряды, мессу, папскую супрематию, но и монастыри, вернув им земли, конфискованные во время Реформации. Деятельность Марии по реставрации католицизма сразу же оказалась в центре внимания ее двоюродного брата Карла V Габсбурга, германского императора, уже в это время планировавшего союз Англии с Испанией⁶. Подчиняя религиозный вопрос своим политическим целям, заботясь об укреплении положения своей будущей союзницы, через 10 дней после ее восшествия на престол он писал своему послу в Англии Ренару: «Скажите королеве, что мы одобряем ее рвение, с которым она собирается выполнить свой долг по восстановлению религии»⁷. Однако, понимая сложность обстановки в английском королевстве, он призывал Марию действовать осторожно, чтобы «не настроить против себя тех дворян, кто является ее сторонниками»⁸, имея в виду, что среди поддержавших Марию Тюдор в ее борьбе за корону было немало приверженцев реформированной церкви. В связи с этим он настойчиво рекомендовал королеве не начинать реставрацию католической церкви до тех пор, пока на это не будет получено согласие парламента⁹.

Как видно, Мария учла советы своего родственника. 18 августа 1553 г. своей прокламацией королева объявила подданным, что она и «впредь будет придерживаться своей собственной (ка-

⁴ Withey R. The mid-Tudor crisis. L., 1973; Pogson R. H. Revival and Reform in Mary Tudor's Church: a question of money. — Journal of Ecclesiastical history, 1974, v. 25.

⁵ Garret Chr. The Marian exiles. Cambridge, 1938.

⁶ Подробнее см.: Руденко О. А. Англо-испанский союз 1554 г. — Проблемы истории античности и средних веков. М., 1981, с. 99—116.

⁷ Papier d'Etat du cardinal de Granvelle. P., 1845, v. 4, p. 60. (Далее — Papier d'Etat).

⁸ Ibid., p. 60.

⁹ Stone J. Op. cit., p. 235.

толической. — О. Р.) религии», но что касается подданных, то она не намерена «принуждать их исповедовать ее религию, пока по этому вопросу не будет принято общее решение», т. е. решение парламента. Королева призвала свой народ «жить в согласии и не употреблять таких оскорбительных слов, как «папист» и «еретик». Однако она запретила «толковать Священное писание, печатать и продавать книги религиозного содержания без специального на то разрешения королевы»¹⁰.

Это вовсе не означало, что королева намерена предоставить своим подданным свободу вероисповедания. На наш взгляд, содержание этой прокламации и ее обнародование во многом были продиктованы и обстановкой в Лондоне, где, по наблюдениям феррарского посланника в Англии, «было много тех, кто твердо придерживался нового учения». Попытки отдельных священников ввести католическое богослужение вызвали протест горожан. Так, в августе 1553 г. в церкви св. Бартоломея «толпа подлых людей помешала священнику, желавшему отслужить мессу»¹¹; другого священника толпа «забросала камнями и сорвала с него облачение». Первая католическая проповедь в соборе св. Павла была прервана криками собравшихся, которые стали бросать ножи в проповедника. Проповедь была произнесена лишь на следующий день, когда священник явился в церковь в сопровождении членов Тайного совета и вооруженного отряда¹².

Не удивительно, что во время торжественной коронации, состоявшейся в начале октября, Мария не решилась отказаться от «дополнительного титула» — «Верховный глава церкви»¹³, несмотря на то, что еще в августе 1553 г. Реджинальд Пол (родственник королевы, будущий иапский легат в Англии) писал ей: «Я полагаю, что бог своей милостью вернул вам ваш законный титул, чтобы вы могли вернуть титул «Верховный глава церкви» тому, кому он по праву принадлежит», т. е. римскому папе¹⁴. Но дело восстановления «истинной» религии по-прежнему оставалось главным для королевы. В письме от 5 сентября 1553 г. герцогу Феррарскому его лондонский посланник с удовлетворением писал: «Королева заявила, что она скорее лишится жизни и короны, чем откажется от католической веры, которую она исповедует с колыбели, она не пожалует сил, чтобы убедить в этом всех и каждого»¹⁵. Первыми в этом убедились проповедники-иностранцы, на которых почти сразу обрушились гонения, и уже к сентябрю 1553 г. около 600 из них были вынуждены покинуть Англию. Что касается англичан, то, поскольку Мария не была еще коронована и нуждалась в поддержке сторонников католицизма и англикан,

протестанты пока не подвергались преследованиям, и лишь незначительная часть наиболее видных деятелей Реформации прудумно покинула страну. Правительство не только не препятствовало им в этом, но, более того, охотно давало разрешение, надеясь таким образом избавиться от наиболее оппозиционных элементов.

5 октября 1553 г. начал свою работу первый при Марии парламент. Всего в палате общин насчитывалось 372 человека, из них 40 — члены предыдущего парламента и треть палаты составили приверженцы англиканской церкви¹⁶. Приведенные цифры свидетельствуют о том, что подавляющее большинство нижней палаты составили депутаты-католики, что, несомненно, должно было создать в парламенте благоприятную атмосферу для принятия законов, касающихся восстановления католицизма в стране. Интересно отметить, что почти сразу после коронации Мария, используя свой титул «Верховный глава церкви», заменила на многих высших церковных должностях сторонников реформированной церкви католиками, что дало ей возможность «оздоровить» палату лордов. Кроме того, в парламент не был избран ни один из тех сановников церкви (деканов и архидьяконов), чей титул давал им право представлять в палате общин. Один из видных деятелей Реформации, Петер Мартин, эмигрировавший в Страсбург после восшествия на престол Марии, отмечал, что «они не допустили в парламент ученых и богоугодных мужей; их либо заключили в тюрьму, либо изгнали из этого собрания злодеев»¹⁷.

Один из первых вопросов, обсуждавшихся в парламенте 1553 г. — принятие «Акта о законности брака, в котором родилась королева», и отмена акта 1536 г., объявлявшего Марию незаконнорожденной. В палате лордов законопроект прошел без малейшей задержки, встретив некоторое сопротивление в палате общин. По всей видимости, среди владельцев секуляризованных земель возникла тревога, что отмена этого акта повлечет за собой признание папы главой английской церкви и реституцию церковных земель. Но поскольку пока эти опасения были беспочвенными, закон был принят после непродолжительных дебатов. Гораздо больше внимания парламент уделил акту «Об отмене статута, принятых во времена правления Эдуарда VI». Трижды этот законопроект читался в палате общин, трижды представителю Тайного совета пришлось приводить аргументы в его защиту. Но поскольку законопроект не затрагивал вопроса о секуляризованных землях и не задевал интересы их владельцев, после шестидневного обсуждения закон был принят¹⁸. Он отменил 9 статута, касающихся религии: запрещались браки священнослужителей, отменялась протестантская форма богослужения как единственная и обяза-

¹⁰ Tudor and Stuart proclamations. 1485—1714. Oxford, 1910, v. I, p. 45.

¹¹ Цит. по: Haile M. Op. cit., p. 382.

¹² Guarras Antonio de. Accession of Queen Mary. L., 1892, p. 56.

¹³ Godwin F. Annals of England. L., 1675, p. 167.

¹⁴ Calendar of State Papers. Venetian. L., 1873, v. 5, p. 396. (Далее — CSP, Venetian).

¹⁵ Цит. по: Haile M. Op. cit., p. 389.

¹⁶ Constant Abbé G. Le commencement de la restauration catholique en Angleterre par Marie Tudor. — Revue historique, 1913, v. 112, p. 22.

¹⁷ Original letters relative to the English Reformation. L., 1847, v. 2, p. 508. (Далее — Original letters).

¹⁸ Journal of the House of Commons. L., 1852, v. I, p. 29.

тельная для всего королевства, причащение под обоими видами, обе книги общих молитв, отменялось запрещение икон и постов. Благодаря этому акту парламента в Англии была восстановлена обрядовая сторона католичества и отныне, как говорилось в законе, «все церковные службы и обряды должны были совершаться в такой форме, как это делалось в английской церкви до принятия указанных актов», т. е. до английской Реформации¹⁹. Несмотря на первый успех, пойти дальше этого Мария пока не решалась. Она определенно боялась вызвать недовольство у «большой части совета и населения Лондона и его окрестностей, которые были расположены в ее пользу», от чего предостерегал ее Карл²⁰.

Итак, на первом парламенте был сделан важный шаг по пути восстановления римско-католической церкви, хотя полного примирения с папой достигнуто не было. В качестве своеобразного отчета о положении дел в английской церкви в Рим был послан текст речи, произнесенной в парламенте Стефаном Гардинером, епископом Уинчестерским, лордом-канцлером королевы. Примечательно, что в нем не было даже упоминания о папстве. Гардинер настолько осторожно подбирал слова, что о его желании восстановить союз с Римом оставалось только догадываться, причем достижение единства можно было понимать как восстановление католических догматов и обрядов в Англии, но без папской супрематии²¹. Опытный политик, Гардинер, по-видимому, понимал, что поставить вопрос о папской супрематии в то время значило бросить вызов не только протестантам, но и католикам, также обогатившимся за счет секуляризованных земель и опасавшимся их реституции.

Опираясь на статуты, принятые первым парламентом, 4 марта 1554 г. Мария издала указ, предписывавший епископам корслевства вести борьбу с «дурными умонастроениями, незаконными книгами, балладами и прочими злыми умыслами; лишить церковных должностей и приходов всех тех, кто женился вопреки своему сану и похвальным обычаям церкви...». Вместе с тем королева призвала епископов более мягко относиться к священникам, «жены которых умерли, а также к тем, кто с согласия своих жен открыто в присутствии епископа пообещают оставить их». В этих случаях предлагалось дать «им возможность после отбытия наказания, наложенного епископом, исполнять свои обязанности, но в другом приходе»²². Следует отметить, что данная мера была вынужденной, так как в это время в Англии не было необходимого числа католических священников, чтобы заменить духовных лиц протестантского вероисповедания во всех приходах. И хотя

боязнь потерять свое место и, следовательно, источник доходов заставила многих священников согласиться на развод, церковным судам на протяжении царствования Марии часто приходилось наказывать нарушителей celibата иногда и неоднократно, что, естественно, не могло способствовать укреплению авторитета католической церкви среди прихожан²³.

Важным мероприятием Марии было изгнание иностранцев из Англии для «очищения страны от распространителей ереси». В правление Генриха VIII и Эдуарда VI, спасаясь от религиозных преследований у себя на родине, в Англии искали прибежища протестанты из разных стран Европы. Иностранцы, прибывшие в Англию, чтобы, как указывалось в королевской прокламации, «распространять, насаждать и сеять семена своих дурных учений», должны были покинуть страну через 24 дня после ее обнаружения²⁴.

Таким образом, благодаря проведенным королевою мероприятиям, а также акту парламента, отменившему религиозные преобразования Эдуарда VI, за первый год своего правления Марии удалось восстановить обрядовую сторону католической церкви, положить начало дальнейшему укреплению ее позиций в Англии.

* * *

Относительное спокойствие, с которым англичане восприняли начало контрреформации, позволило королеве вплотную подойти к важнейшей задаче ее религиозной политики — подчинению английской церкви римскому папе, восстановлению папской супрематии. С этой задачей была тесно связана реституция церковных земель. Успешное разрешение этих двух задач должно было привести к окончательной победе английской контрреформации путем полного восстановления экономической базы католицизма в стране — церковного землевладения. Провал этих мероприятий мог привести лишь к временному успеху контрреформации или даже к ее поражению. Попытаемся выяснить, насколько это позволяют источники, позицию по данному вопросу отдельных слоев английского общества.

Восстановление супрематии Рима должно было осуществиться с прибытием в Англию кардинала Реджинальда Пола, папского легата. Папа Юлий III возлагал также большие надежды на брак Марии и Филиппа, благодаря которому, по его мнению, «Англия будет приведена к подчинению церкви», т. е. Риму²⁵. Но, как уже подчеркивалось, вопрос о супрематии смыкался с вопросом о судьбе секуляризованных церковных земель, тем более, что в Англии, как отмечал испанский посол Ренар, «католики имеют боль-

¹⁹ Statutes of the realm. L., 1819, v. 4, p. I, p. 200, 202. (Далее — Statutes).

²⁰ Papier d'Etat, p. 60.

²¹ Muller J. A. Op. cit., p. 235.

²² Dickens A. D. The Reformation in England. (Documents). L., 1967, p. 146.

²³ Такие случаи описываются в кн.: Haigh Chr. Reformation and Resistance in Tudor Lancashire. Cambridge, 1975.

²⁴ Foxe J. Acts and Monuments. L., 1837, v. 6, p. 429—430.

²⁵ Calendar of State Papers. Spanish, L., 1949, v. XII, p. 8 (Далее — CSP, Spanish).

ше церковной собственности, чем еретики»²⁶. Поэтому реституция бывшей монастырской собственности могла вызвать в стране мощное антиправительственное выступление не только протестантов, но и католиков. По мнению канцлера, епископа Стефана Гардинера, восстановление папской супрематии в Англии было возможно, но при условии, что «интересы законных владельцев не будут затронуты». Именно поэтому Ренару и члену Тайного совета Пейджету удалось убедить Марию отказаться от преждевременного обсуждения в парламенте (апрель 1554 г.) законопроекта об отмене «Акта о верховенстве»²⁷. Дело осложнялось тем, что к этому времени еще не была достигнута общая договоренность с папой по вопросу о реституции церковных земель. Одним из первых законов, принятых вторым парламентом, явился статут о восстановлении епископства Дарем, которое во время правления Эдуарда VI было разделено на две епархии с конфискацией земель и доходов. Поскольку все имущество епископства было передано Эдуардом VI герцогу Нортумберленду, казненному Марией, и находилось теперь в руках королевы, палата лордов одобрила законопроект. Некоторую оппозицию он встретил в палате общин, где был принят после довольно длительной дискуссии большинством голосов (201 против 120). О тревоге, вызванной этим законом, свидетельствует также попытка нижней палаты провести новый законопроект «о том, что римский епископ (папа.— *О. Р.*) или какой-либо другой епископ не должны привлекать к суду кого-либо за владение секуляризованными землями аббатств»²⁸. Но после первого его прочтения обсуждение было прекращено в палате лордов²⁹. Очевидно, верхняя палата сочла неправомерным обсуждать данный законопроект, поскольку римский папа не являлся еще главой английской церкви и, следовательно, не мог вмешиваться в ее внутренние дела. Парламент утвердил закон «об отмене денежных ссуд женатым священникам» и приступил к обсуждению проекта о «восстановлении статуты против ереси и ошибочных проповедей». Причем если он был довольно быстро одобрен палатой общин, то в палате лордов Пейджет, получивший огромные земельные владения в период Реформации³⁰, усмотрел в этих законах покушение на права светских владельцев секуляризованных земель. В палате лордов он прямо заявил, что это будет означать «лишение церковной собственности, находящейся в их (лордов.— *О. Р.*) руках»³¹, поскольку даст возможность епископам вернуть церковные земли, преследуя их владельцев за ересь. Законопроект так и не получил одобрения верхней палаты. Этот факт наглядно продемонстрировал Марии и ее покровителям, Филиппу и Карлу V, что вернуть Англию в лоно римско-ка-

толической церкви удастся, лишь отказавшись от намерения реституировать все секуляризованные земли.

И Карл V и Филипп поняли это. Они опасались, что изменение существующего порядка вещей в отношении монастырской земельной собственности может привести к выступлению всего дворянства против королевы, а следовательно, крушению всех их планов и надежд, связанных с вовлечением Англии в союз с Испанией. Уже в августе 1554 г. Филипп сообщал своему отцу, что «будет очень трудно достичь чего-либо (в вопросе религии.— *О. Р.*), если тем, кто имеет церковную собственность, не будет дозволено сохранить ее за собой»³². Вследствие этого Карл V и Филипп отказались от намерения вернуть церкви секуляризованные земли.

Вопрос об окончательном примирении с Римом должен был решиться после прибытия в Англию папского легата, кардинала Пола. В августе 1553 г. папа наделил Пола широкими полномочиями, предоставив ему действовать по своему усмотрению. В инструкции от 6 августа 1553 г. кардинал дель Монте от имени папы писал ему: «Не ожидайте от нас ни напоминаний, ни совета; вы знаете лучше, чем кто-либо, что следует сделать; во всем мы полагаемся на ваше благоразумие, вашу ученость, ваше милосердие, ваше усердие в деле восстановления и процветания нашей религии»³³. Однако вопрос о секуляризованных землях оставался открытым. Было ясно, что без конкретизации полномочий Пола по данному вопросу путь кардиналу в Англию будет закрыт. Тогда же, в августе 1553 г., по получении известий из Рима Мендоса, в донесении Карлу V подчеркивал необходимость задержать Пола, объясняя это тем, что вопрос о церковной собственности наиболее сложный, поскольку он «затрагивает не только знать, но и «общины» (*commoners*), так как все они в течение долгого времени вкушали свободу, которую предоставила ересь»³⁴. Инструкция,

³² CSP, Spanish, v. XIII, p. 39.

³³ Цит. по: Ancel R. La réconciliation de l'Angleterre avec le Saint siège sous Marie Tudor: Légation du cardinal Polus en Angleterre. — *Révue d'histoire ecclésiastique*, 1909, v. 10, p. 524.

³⁴ Цит. по: Haile M. Op. cit., p. 384. В этой связи весьма интересны цифры, приведенные в исследовании А. Н. Савина «Английская секуляризация». По данным на апрель 1544 г., основную массу монастырских земель получили: пэры — 38 чел., придворные — 93, чиновники (члены Тайного совета, секретари и чиновники прочих ведомств) — 91, королевские слуги — 46, юристы — 21, врачи — 13, клирики — 8, йомены — 11, финансисты, торговцы, мануфактуристы, ремесленники — всего 86, светские и духовные корпорации — около 200 чел. (эти десять групп получили приблизительно 3/4 отчужденного дохода или 56,5% от общего числа отчужденных земель), рыцари — 64, джентльмены и эсквайры — 176, лица неясного звания — около 260—360 чел. (эти три группы соответственно — 1/4 и 43,5%). Пэры же получили при этом 1/9 часть всей монастырской недвижимости. Таким образом, основная масса секуляризованных земель и доходов с них перешла в руки тюдоровской аристократии, чиновников, рыцарства, эсквайров и джентльменов. (Савин А. Н. Английская секуляризация. М., 1906, с. 519—550). Исследование английского историка Тоуни доказывает, что только через два поколения в результате продажи знатью полученных земель они перешли в руки других владельцев. (Tawney R. H. The rise of Gentry. 1558—

²⁶ CSP, Spanish, L., 1954, v. XIII, p. 46.

²⁷ Ibid., v. XII, p. 170.

²⁸ Journal of the House of Commons, v. I, p. 34.

²⁹ Journal of the House of Lords, L., 1846, v. I, p. 459.

³⁰ Савин А. Н. Английская секуляризация. Спб., 1906, с. 528.

³¹ CSP, Spanish, v. XII, p. 238.

полученная Полом от папы, не удовлетворяла Карла V и Филиппа, желавших иметь положительное решение по этому вопросу и, таким образом, избежать острого конфликта с англичанами. Под нажимом императора и канцлера Гардинера королева отказалась принять легата под предлогом того, что «коронация должна предшествовать всеобщему примирению с Римом, каковое не может быть сделано до созыва парламента, а парламента не может быть создан до коронации»³⁵. Ни Пол, ни папа не желали вникнуть в действительную обстановку в Англии, заботясь лишь об интересах Рима. В марте 1554 г. кардинал получил папскую буллу, согласно которой он должен был «договориться и заключить сделку с владельцами монастырской собственности по поводу ренты, которую они незаконно получили, и по поводу движимого имущества, растраченного ими; и сперва пусть они вернут земли, которые незаконно имеют»³⁶. Было очевидно, что подобное решение о секуляризованных землях не могло встретить одобрения в Англии. В апреле 1554 г. Гардинер в письме Полу указывал, что кардиналу необходимо обратиться к английскому парламента и пообещать «не делать никаких попыток изменить порядок владения собственностью, что каждый по-прежнему будет наслаждаться своим имуществом, полученным в дар или купленным в соответствии с законами королевства»³⁷. Несмотря на это, Юлий III и Пол продолжали настаивать на своем, что заставило Марию обвинить легата в том, что он надеется на невозможное. Гардинер же прямо заявил, что без соответствующих изменений в своих полномочиях кардинал никогда не вступит на английскую землю. В свою очередь, испанские послы в Англии в донесении императору настойчиво подчеркивали, что «кардинал должен прибыть (в Англию. — *О. Р.*) с широкими полномочиями, чтобы подтвердить права владельцев церковной собственности на их земли, оставив всякую мысль о возвращении этого имущества церкви»³⁸. В дело активно вмешался Карл V. Реджинальд Пол был задержан в Брюсселе до получения новых полномочий. Это возымело свое действие. В Риме было создано совещание кардиналов, которое постановило, что «если законы позволяют отчуждать церковное имущество для выкупа пленных, то еще более это правомерно для выкупа королевства и для спасения столь многих душ»³⁹. В конце июня 1554 г. Пол получил от Юлия III второе предписание, где говорилось, что «с владельцами движимого или недвижимого имущества церкви, за которых поручится королева Мария», Пол должен своей властью «договориться об имуществе, ими незаконно удерживаемом, так, чтобы они могли в будущем свободно сохра-

1640. — *Economic History Review* 1941, v. 11, N 1.). Поэтому можно предположить, что к 1554 г. положение оставалось практически таким же, как в 1544 г.

³⁵ Цит. по: Haile M. *Op. cit.*, p. 393.

³⁶ *The Harleian miscellany*. L., 1744, v. 7, p. 259.

³⁷ *Letters of Stephen Gardiner*. Cambridge, 1933, p. 465—466.

³⁸ *CSP, Spanish*, v. XIII, p. 21.

³⁹ *Polus Reginaldi. Epistolarum Reginaldi Poli cardinalis*. Brixia, 1757, v. 5, p. 70.

нять его за собой». Таким образом, полномочия Реджинальда Пола сводились к тому, чтобы «даровать всеобщее прощение всем владельцам монастырских земель за то, что произошло, но не гарантируя его на будущее, за исключением тех, за кого будет ходатайствовать королева и кто его заслужит»⁴⁰. Однако в буллу была включена статья, гласившая, что в случаях особой важности легат должен обращаться в римский трибунал, т. е. от Пола зависела судьба секуляризованных земель, а суд римской курии являлся высшей инстанцией. Такая формулировка вряд ли могла удовлетворить англичан, так как затрагивались не только их экономические, но и политические интересы: папе предоставлялась возможность решать те вопросы, которые в Англии уже считались компетенцией королевской власти. Так, в письме к императору Ренар подчеркивал: «Английские юристы утверждают, что с давних пор короли Англии имеют абсолютную и непосредственную юрисдикцию над церковными землями»⁴¹. В другом письме он указывал: «Более величественные цели религии требуют, чтобы им было отдано предпочтение перед вопросом о церковной собственности, особенно в этом королевстве, где аббатства были уничтожены властью короля»⁴²; это придало секуляризации особую законность и незыблемость и, следовательно, делало в глазах англичан невозможным вмешательство папы в это сугубо внутреннее дело английского королевства. Ренар, прекрасно знавший настроения англичан, прочитав папскую буллу, спешил предупредить императора: «Я заметил, что булла составлена не лучшим образом. Мой долг сообщить Вашему Величеству, что пока они (владельцы церковных земель. — *О. Р.*) не получат всеобщего прощения, подтверждающего их права, они не позволят кардиналу выполнить его миссию»⁴³. В середине октября 1554 г. Ренар выехал в Брюссель, чтобы убедить находившегося там Р. Пола в необходимости полного прощения владельцев церковных земель и сохранения за ними их имущества. 23 октября 1554 г. кардинал сообщал по этому поводу Юлию III: «Их Величества (Филипп и Мария. — *О. Р.*) были вынуждены потребовать расширения моих полномочий, зная, что когда эти противники (восстановления папской супрематии — *О. Р.*) услышат, что у меня имеются широкие полномочия распоряжаться церковной собственностью, они будут меньше противиться возвращению к апостольскому престолу и Вашему Святейшеству»⁴⁴. Одновременно с испанской стороны был усилен нажим на Юлию III. В Рим срочно отправили гонца, чтобы передать мнение императора, Филиппа и Марии по данному вопросу. В ожидании благоприятного ответа из Рима Тайный совет королевы 3 ноября принял решение: «если владельцам церковных земель не будет нанесен ущерб», кардинал Пол может при-

⁴⁰ *Harleian miscellany*, v. 7, p. 262, 266.

⁴¹ *CSP, Spanish*, v. XIII, p. 124—125.

⁴² *Ibid.*, p. 45.

⁴³ *CSP, Spanish*, v. XIII, p. 46.

⁴⁴ *CSP, Venetian*, v. 5, p. 582.

быть в Англию⁴⁵. 7 ноября 1554 г. папскому легату были высланы новые полномочия, 23 ноября он прибыл в Англию, а уже 12 ноября начал свою работу третий парламент.

Чтобы обеспечить более «послухный», чем предыдущий, парламент, в начале октября 1554 г. местным властям были разосланы королевские предписания: избираемые в парламент рыцари и горожане должны быть прежде всего католиками⁴⁶. В значительной степени цель была достигнута. 30 ноября «в присутствии короля и королевы во дворце, где находились лорды и «общины», была зачитана просьба о прощении, адресованная лорду-легату, который в ответ произнес речь и властью римского папы даровал прощение всему королевству»⁴⁷. 18 декабря парламент принял билль «О восстановлении трех старинных законов о наказании за ересь»⁴⁸, отвергнутых парламентом в апреле 1554 г. 20 декабря королева внесла на обсуждение законопроект об отмене статутов против супрематии Рима. Однако уже после первого его прочтения в палате лордов владельцы секуляризованных земель потребовали включить в этот акт разрешение владеть бывшими церковными землями. Это вызвало резкий протест со стороны кардинала-легата, заявившего, что в таком случае подчинение английской церкви Риму явится покупкой, а не добровольным примирением и что он «скорее вернется в Рим, не выполнив своей миссии, чем сделает уступку, столь вредную для прав святого престола». В конфликт вмешался Филипп, пытавшийся убедить Тайный совет и некоторых влиятельных лиц из парламента посвятить этому спорному вопросу особый статут⁴⁹. 3 января 1555 г. обе палаты парламента приняли «Акт об отмене всех статутов, статей и мер предосторожности, принятых против римского апостольского престола с 22-го года правления короля Генриха VIII; а также о подтверждении прав на все духовные и церковные владения и наследственное имущество, переданные светским лицам». Закон, таким образом, состоял как бы из двух частей, первая из которых восстанавливала папскую супрематию в Англии, а вторая решала вопрос о секуляризованных землях, находившихся в руках светских владельцев. «Для урегулирования и улаживания всех споров и дел, каковые могут быть возбуждены римским папой, святым престолом или каким-либо церковным судом», король и королева должны выступать в качестве «посредников и ходатаев перед кардиналом Полом с тем, чтобы все, кто имеет документы на владение указанными землями, наследственным имуществом и скотом в соответствии с законами страны, могли со спокойной совестью пользоваться этим имуществом безо всякого обвинения со стороны общего совета каноников или церковных законов»⁵⁰. Тем самым

принятый закон не только подтверждал права светских владельцев распоряжаться секуляризованными землями, приобретенными ими в ходе диссолюции, но и устранял возможность активного вмешательства римского престола в дела английской церкви по данному вопросу, что, несомненно, было победой владельцев монастырской собственности.

Во время обсуждения законопроекта о секуляризованных землях в палате общин образовалась небольшая группа, вероятно из тех, кто не обладал церковными землями. Они выступали против того, чтобы землевладельцам было дано особое разрешение папы на владение их имуществом и требовали предоставить решение этого вопроса «совести каждого владельца»⁵¹. Английский историк П. Дональдсон склонен считать, что появление этой оппозиции — результат деятельности Гардинера, намеревавшегося создать своеобразный союз между Филиппом и мелкими английскими собственниками для достижения полной победы католицизма и установления внутренней стабильности в государстве⁵². На наш взгляд, это утверждение не имеет под собой прочной основы, ибо вся предшествующая деятельность лорда-канцлера и его позиция в вопросе об «испанском браке» и секуляризованных землях показывают, что он был опытным политиком, далеком от подобных авантюр. Скорее всего, данная оппозиция — проявление внутренних противоречий в английском обществе, противоречий между крупными и мелкими земельными собственниками. Возможно, Гарднер пытался использовать эту оппозицию не в интересах Филиппа, а в интересах английской короны, дела реставрации католицизма. Однако из-за своей малочисленности эта группа не сумела изменить законопроект, который в конечном итоге был принят обеими палатами.

Таким образом, парламент подтвердил права светских владельцев на земли, секуляризованные Реформацией. Нужно подчеркнуть, что Мария, встретившись с сильным сопротивлением со стороны собственников этих земель, отказалась от полной реституции секуляризованных земель и, по справедливому замечанию К. Маркса, «вступила в компромисс с грабителями»⁵³.

После принятия парламентом этого акта в Рим был отправлен гонец с целью получить от папы «подтверждение его (парламента. — О. Р.) решения относительно проданных церковных и монастырских земель»⁵⁴. Однако Юлий III скончался, не успев утвердить этот закон. Новый папа Павел IV, выслушав сообщение посла о решении английского парламента, в частной беседе выразил недовольство по поводу того, что реституция так и не была проведена. Но, принимая во внимание просьбы Марии Тюдор не торопиться в столь важном деле, как восстановление религии, папа

⁴⁵ CSP, Spanish, v. XIII, p. 105.

⁴⁶ Burnet's history of the Reformation. Oxford, 1765, v. 6, p. 313.

⁴⁷ Journal of the House of Commons, v. I, p. 39.

⁴⁸ Journal of the House of Lords, v. I, p. 478.

⁴⁹ CSP, Spanish, v. XIII, p. 124—125.

⁵⁰ Statutes, v. 4, p. I, p. 252.

⁵¹ CSP, Spanish, v. XIII, p. 124—126.

⁵² Donaldson P. S. A Machiavellian treatise. Cambridge, 1975, p. 37.

⁵³ Маркс К. Хронологические выписки. — Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М.—Л., 1940, т. VII, с. 373.

⁵⁴ Foxe J. Op. cit., v. 6, p. 579.

1 сентября 1555 г. подтвердил решение своего предшественника. Но одновременно с этим разрешением Павел IV передал послу 3 буллы для оглашения их в Англии, одна из которых провозглашала «отлучение от церкви всех тех, кто имеет церковные и монастырские земли». И хотя, как считает Джон Фокс, священники во всех церквях королевства пытались внушить народу, что эта булла «предназначена не для Англии, а для других иностранных держав»⁵⁵, тем не менее она вызвала серьезные опасения у англичан, увидевших в этом желание папы вновь вернуться к вопросу о реституции английских секуляризованных земель.

Так, в конце 1554 — начале 1555 г. в Англии была восстановлена папская супрематия, с королевства снят интердикт, совершено примирение с Римом. Карл V и Филипп добились именно того, чего они желали — Англия вновь стала католической страной. Однако Мария, верная своему религиозному долгу, сочла проведенные мероприятия недостаточными. В марте 1555 г. она приняла решение вернуть вновь создаваемым монастырям земли, ставшие после секуляризации собственностью короны. 28 марта она объявила о своем решении Тайному совету, заявив, что «спасение души для нее дороже 10 королевств, поэтому она отказывается владеть этими (церковными. — *О. Р.*) землями». Этот замысел, по заявлению королевы, был поддержан «ее мужем, который придерживался того же мнения»⁵⁶, и в апреле 1555 г. она возвратила церкви те земли, «которые еще находились в ее (Марии Тюдор. — *О. Р.*) руках»⁵⁷. Несмотря на то, что большинство Совета было против этой меры, справедливо полагая, что основная масса землевладельцев воспримет это как пролог ко всеобщей реституции, королеве удалось преодолеть сопротивление и в течение 1555 и 1556 годов она вернула монастырские земли в Ирландии их прежним владельцам и восстановила ряд монастырей в Англии⁵⁸. Действительные масштабы «восстановительных работ» были невелики — за годы своего правления Мария восстановила, вероятно, не более 6 монастырей (Доминиканский и Францисканский в Смитфилде, женский монастырь св. Бригиты возле Брейнфорда, Картезианский возле Ричмонда, Бенедиктинский в Вестминстере, Францисканский в Оксфорде) общей численностью монахов около 100 человек⁵⁹. Реституция нанесла ущерб короне, лишив ее почти 60-тыс. ф. ст. годового дохода. Примеру Марии последовал лишь один человек — Томас Поуп, дважды назначавшийся лордом-мэром Лондона: он вернул Францисканскому монастырю в Оксфорде земли, приносившие 200 марок годового дохода⁶⁰.

Восстановление монастырей и их земельных владений, хотя и не приняло больших размеров, вызвало некоторое беспокойство

среди английской знати. Так, например, Вильям Петр, главный государственный секретарь, желая застраховать свои земли от посягательств со стороны властей, летом 1555 г. получил от папы персональное подтверждение его прав «на владение землями, ранее принадлежавшими монастырю»⁶¹. Опасения не исчезли и в последующие годы. В 1557 г. венецианский посол в Англии Джованни Микель доносил: «Они (англичане. — *О. Р.*) принимают нынешнюю религию, но боятся, что однажды их заставят вернуть часть или всю церковную собственность, которую они имеют. Эти страхи растут, так как они видят, что королева вернула церкви земли, принадлежавшие короне; поэтому ее подданные считают, что в этой ситуации нет более надежного выхода, чем опять уничтожить монастыри»⁶². Помимо этого, возвращение земель монастырям вело к обеднению королевской казны, а значит могло неблагоприятно отразиться на материальном положении знати и придворных, особенно той их части, которая в основном жила за счет пенсий, подачек и подарков от короны.

Но задача бывших монастырских земель светским лицам полностью не прекратилась. Однако теперь она совершалась не в форме прямой продажи земель, находившихся у короны со времени Реформации, а путем перепродажи тех владений, которые конфисковывались у государственных преступников (Томаса Уайетта, например, отец которого приобрел при Генрихе VIII обширные монастырские владения; герцога Нортумберленда)⁶³. Особенно активно распродажа земель происходила в 1557 г., когда королеве срочно потребовались деньги для оказания помощи своему мужу: в мае 1557 г. она продала коронные земли, которые давали 10 тыс. ф. ст. годового дохода⁶⁴.

В октябре 1555 г. четвертый парламент приступил к обсуждению законопроекта о восстановлении в пользу церкви десятой части годового дохода от каждого церковного бенефиция. После продолжительных дебатов законопроект был принят незначительным большинством голосов (193 против 126)⁶⁵. Эта мера привела к потере еще 25 тыс. ф. ст. годового дохода короны⁶⁶, и это при том, что, как было заявлено в парламенте, королева не может заплатить ни за изготовление новых, ни за починку старых туфель⁶⁷. В парламенте, видимо, хорошо понимали, что значительное уменьшение доходов короны неизбежно приведет к увеличению налогового обложения. На наш взгляд, этим и объясняется возникновение оппозиции в палате общин, о чем свидетельствуют результаты голосования. Кроме того, большинство владельцев церковных земель боялись, что их вынудят последовать примеру Марии. Дума-

⁵⁵ *Ibid.*, v. 7, p. 35.

⁵⁶ Somers (Lord). A collection of scarce and valuable tracts. L., S. a., p. 56.

⁵⁷ Strype J. *Op. cit.*, v. 3, p. I, p. 448.

⁵⁸ CSP., Venetian, v. 6, p. II. L., 1881, p. 884.

⁵⁹ Calendar of patent rolls, v. I. L., 1937, p. 14—15.

⁶⁰ CSP., Venetian, v. 6, p. II, p. 891.

⁶¹ Journal of the House of Commons, v. I, p. 46.

⁶² Dietz F. Ch. *Op. cit.*, v. I, p. 212.

⁶³ Prescott H. *Op. cit.*, p. 404.

ется, что мнение палаты лордов выразил лорд Бедфорд, который во время заседания Тайного совета (его члены входили в состав верхней палаты парламента) заявил: «Я люблю свое дорогое аббатство Уорберн гораздо больше, чем отеческие советы или приказы, приходящие из Рима»⁶⁸. Королева попыталась также провести через парламент законопроект о конфискации имущества протестантов-эмигрантов, но преодолеть сопротивление членов парламента, многие из которых были родственниками эмигрировавших на континент, ей так и не удалось.

Итак, можно заключить, что относительно безболезненно и спокойно проходили лишь те мероприятия Марии Тюдор по восстановлению порядков и обрядов католической церкви, которые не затрагивали экономических интересов ее подданных, как католиков, так и протестантов. Но как только такая опасность возникала, королева наталкивалась на решительное сопротивление с их стороны. Вильям Петр, государственный секретарь Тайного совета, остроумно заметил: «Англичане больше поклоняются Маммоне, чем господу богу»⁶⁹.

* * *

Значительный интерес представляет в этой связи вопрос об отношении к реставрации католицизма различных социальных слоев Англии; любопытно выяснить также, на какие графства опиралась Мария в осуществлении своей религиозной политики.

Реформация Генриха VIII ликвидировала папскую супрематию, лишила церковь ее земельных богатств, но не затронула обряды, которые остались католическими. Углубление Реформации и превращение английской церкви в англиканскую происходило при Эдуарде VI, однако добиться полной победы новой церкви не удалось: Эдуард VI правил всего 6 лет. Как отмечали современники, большинство англичан оставалось католиками. В конце 1553 г. подданный испанского короля, купец Антонио Гуаррас, живший в Лондоне, с восторгом отмечал: «И столько добрых людей (в Англии. — О. Р.), что на 4 еретика приходится 100 католиков»⁷⁰. А в 1558 г. современник Елизаветы, Никлас Сендер, писал итальянскому кардиналу Мороне: «Правы те, кто считает, что только 1% английского народа заражен ересью»⁷¹. Весьма интересную информацию дают материалы о преследованиях и сожжениях «еретиков», начатых Марией при поддержке Гардинера и кардинала Пола с 1555 г. За четыре года (1555—1558), по нашим подсчетам, было сожжено 273 человека. Дж. Фокс указывает место жительства 184 из них. Основную массу составили выходцы из графств Эссекс (53 человека) и Кент (42); жители Лондона (26), Сеффолжа (16), Норфолка (7), Кембриджшира (3 челове-

ка). Кроме того, Джон Фокс в «Мартирологии» сообщает о случаях сожжения еретиков из графств Сери, Сессекс, Норгемптоншир, Дербишир, Лестершир, Глостершир и Уэльс⁷². Таким образом, можно определить наиболее «протестантские» графства: Эссекс, Кент, Сеффолк, Норфолк, Кембриджшир, т. е. наиболее развитые в экономическом отношении графства Англии. Именно здесь введение католических обрядов встречало наибольшие трудности, требовался постоянный контроль со стороны правительства. Оплотом католицизма являлись северные графства и западные регионы страны. В Йоркшире «еретическое» направление представляли не протестанты, а лолларды, отрицавшие часть католического учения. Борьба с ними обычно заканчивалась их публичным отречением от своих «заблуждений» и принятием ортодоксального учения⁷³. Ланкашир был известен своей приверженностью к католицизму и при Генрихе VIII и при Эдуарде VI. Борьбу с ланкаширскими протестантами возглавил один из могущественных представителей местной знати — лорд Дерби, пользовавшийся большим влиянием в графстве. Кроме этих двух графств, следует назвать Уэльс, Девоншир, Уэстморленд, Камберленд, Нортумберленд, а также Оксфордшир. Университет в Оксфорде стал своеобразным католическим центром⁷⁴. Об отношении «протестантских» и «католических» графств к восстановлению католицизма в Англии свидетельствует и такой любопытный факт: из 34 церквей, которые Мария Тюдор посетила в 1554 г. в Ланкашире, в 1557 г. только три не имели всех необходимых книг для богослужения и полного набора церковной утвари, в то время как в Кенте по-прежнему 1/10 всех церквей не имела распятия, 1/5 — алтаря, а 1/4 — креста⁷⁵.

Имеющиеся в нашем распоряжении факты позволяют сделать некоторые выводы и об отношении различных слоев английского общества к религиозным преобразованиям Марии Тюдор. Несомненной опорой в религиозной политике королевы являлось феодальное дворянство и крестьянство северных графств. Никлас Сендер отмечал: «Английский народ состоит из пахарей, пастухов и ремесленников. Из этих трех групп две первые — католики. Третья группа еретики — башмачники и ткачи, а кроме того, некоторые бездельники при дворе»⁷⁶. Именно «пахари и пастухи» составляли основную массу населения северного и западного регионов Англии. Кроме того, поддержку контрреформации оказало католическое духовенство, в правление королей Генриха VIII и Эдуарда VI подвергавшееся гонениям; часть его (Гардинер, епископ Уинчестерский; Боннер, епископ Лондонский; Тинстел, епископ Даремский⁷⁷) была освобождена Марией из тюрьмы после

⁷² Foxe J. Op. cit., v. 6, 7, 8.

⁷³ Haigh Chr. Op. cit., p. 186.

⁷⁴ Fernández Álvarez M. Op. cit., p. 34.

⁷⁵ Haigh Chr. Op. cit., p. 202.

⁷⁶ Цит. по: Fernández Álvarez M. Op. cit., p. 34.

⁷⁷ Wriothesley Ch. Chronicle of England. L., 1877, v. II, p. 96.

⁶⁸ Цит. по: Stone J. Op. cit., p. 341.

⁶⁹ Цит. по: Pogson R. H. Op. cit., p. 257.

⁷⁰ Guarras Antonio de. Op. cit., p. 64.

⁷¹ Цит. по: Fernández Álvarez M. Op. cit., p. 34.

прихода ее к власти. Наиболее убежденные противники католицизма частично отправлены на костер (за годы правления Марии Тюдор были сожжены такие видные протестанты, как архиепископ Кранмер, примас Англии; епископ Латимер; Тайлор, викарый Гадлейгский⁷⁸), многие вынуждены эмигрировать на континент. Они селились главным образом в Женеве, Страсбурге, Франкфурте-на-Майне, образуя там колонии эмигрантов. Эти поселения англикан превратились в центры политической и религиозной борьбы — здесь писались политические трактаты, издавались прокламации, направленные против Марии, ее политики, а также Филиппа Испанского. Американская исследовательница К. Гаррет из всех английских эмигрантов учла 788 человек, из которых, исключив женщин и детей, она выделила 472 и разделила их по социальному и профессиональному признакам следующим образом: 116 человек — джентри (мелкое и среднее дворянство), 119 — студенты английских университетов, 67 — духовенство, 40 — купцы, 32 — ремесленники, 19 — юристы, врачи, 3 — йомены, остальные — слуги⁷⁹. Следовательно, представители мелкого и среднего дворянства, английского духовенства, а также ремесленно-купеческие слои составляли основную массу эмигрантов. Что же касается социального состава еретиков, сожженных в годы царствования Марии, то здесь также можно сделать весьма любопытные наблюдения. В «Мартирологии» Дж. Фокс указывает имена 273 протестантов, погибших на костре; из них 56 человек — женщины, а о социальном положении остальных он упоминает только в 99 случаях. Подавляющее большинство составили ремесленники (59) и духовенство (26, из них 5 епископов); 9 — джентльмены, 7 — земледельцы, 2 — слуги, 2 — купцы (возможно, мелкие торговцы), 6 — рабочие, 1 — школьный учитель, 1 — аптекарь⁸⁰. Приведенные цифры в определенной степени отражают социальный характер оппозиции религиозной политике Марии. Основная же масса протестантов, находившихся в Англии, проявляла некоторую индифферентность в религиозных вопросах. Так, в апреле 1554 г. Петер Мартир, эмигрант, отмечал: «Это действительно весьма печальный и примечательный факт, что многие, кого мы считали наиболее стойкими (в религии.— *О. Р.*), сейчас колеблются и уступают»⁸¹. Еще в большей степени, на наш взгляд, это относится к высшей знати, особенно приближенной ко двору королевь. Весьма любопытный диалог приводит в автобиографии Эдвард Андерхилл, придворный, обвиненный в 1554 г. в написании баллады против «папистов». На допросе в Тайном совете к нему обратился Джон Мейсон, член совета: «Вы говорите в балладе о папистах. Я спрашиваю, как вы определяете паписта? — «Как сэр, — воскликнул я, — совсем недавно вы могли определить паписта лучше, чем я». На это некоторые из них (членов Тайного

⁷⁸ Strype J. Op. cit., v. 3, p. II, p. 152.

⁷⁹ Garret Chr. Op. cit., p. 38.

⁸⁰ Foxe J. Op. cit., v. 6, 7, 8.

⁸¹ Original letters, v. 2, p. 515.

совета. — *О. Р.*) тайно улыбнулись, и среди них лорд Бедфорд, Арундель, Сессекс и Пейджет»⁸². Как видно, для многих из них религия была скорее вопросом политики, чем истинным убеждением.

На наш взгляд, для части среднего и мелкого дворянства, купечества и ремесленников, оказавшихся в оппозиции в правлении Марии Тюдор, была неприемлема не только религиозная, но и вся политика королевы, приобретшая в результате «испанского брака» происпанскую направленность, грозившая превратить Англию в ущерб национальным интересам в источник финансовой и материальной помощи для чуждых англичанам военных целей испанского короля. Позиция этой части общества отразилась в политических и религиозных трактатах, написанных протестантами-эмигрантами Гудманом, Понетом, Ноксом⁸³. Указания в их произведениях на положение Неаполя, Милана, Вест-Индии, заданных налогами, разоренных и разграбленных испанцами с благословения испанского короля, должно было служить предупреждением англичанам. Ясно, что эти социальные слои английского общества не ожидали для себя никаких выгод от испанского союза, тем более что Испания превращалась в основного соперника и конкурента в торговле.

Однако данная оппозиция не играла главной роли. Именно потому, что Марии была обеспечена поддержка со стороны крупного дворянства при относительном безразличии или даже сочувствии со стороны общин, она сумела восстановить католичество в стране. Однако, как мы видели, эту поддержку королева встречала лишь до тех пор, пока предпринятые ею преобразования не затрагивали экономических интересов подданных, и прежде всего в вопросе о секуляризованных землях. Когда же это произошло, Мария встретила отпор как аристократии, обогатившейся в ходе Реформации Генриха VIII (о чем свидетельствует позиция палаты лордов и Тайного совета), так и со стороны наиболее богатых представителей джентри (заседавших в палате общин), по образному выражению профессора Д. Лоудиса, «разжиревших после 1536 г.»⁸⁴ Именно сопротивление со стороны дворянства, и в первую очередь аристократии, привело к тому, что католическая церковь в Англии не сумела восстановить свои прежние экономические позиции в обществе. Контрреформация оказалась неполной, частичной, а ее успех — временным. Очевидно также, что усиление антииспанских настроений в стране заставило Марию и Пола отклонить предложение Игнация Лойолы направить в Англию

⁸² Narratives of the days of Reformation. L., 1859, p. 140.

⁸³ Goodman Chr. How superior powers ought to be obeyed. N. Y., 1972; Ponet J. A shorte treatise of politike power. — In: Hudson W. John Ponet. Chicago, 1942; Knox J. A faithful admonition to the professors of God's truth in England, 1554. — In: Knox J. The Works. Ed., 1854, v. 3.

⁸⁴ Loades D. M. The press under the early Tudors. A study in censorship and seditious. — Transactions of the Cambridge Bibliographical Society, 1964, v. 4, p. I, p. 50.

иезуитов. Английская контрреформация, таким образом, была лишена того мощного средства, которым пользовалась контрреформация на европейском континенте.

Что касается Карла V и Филиппа и их отношения к религиозной политике Марии в Англии, то их позиция была крайне осторожной. И Филипп, и Карл V добивались восстановления католичества и борьбы с протестантами, но в то же время призывали королеву действовать осмотрительно и благоразумно. Именно они добились от папы разрешения не возвращать церкви земли и призывали Марию сократить масштабы преследования еретиков. Как мы выявили, это проистекало из боязни вызвать в Англии недовольство англо-испанским союзом, которому Карл V придавал огромное значение.

* * *

Итак, в ходе контрреформации в Англии (1553—1558 гг.) было восстановлено католичество и папская супрематия, страна вернулась в лоно римско-католической церкви. Контрреформация оказалась неполной, так как церкви не удалось вернуть ранее секуляризованные земли, за исключением тех, что находились в собственности короны. Однако даже частичная реституция вызвала беспокойство со стороны владельцев церковных земель. Страх за свои земли, ставший постоянным у англичан в годы правления Марии, породил определенное недовольство ее религиозной политикой. Реставрация католицизма сопровождалась преследованиями и сожжениями еретиков, что принесло королеве столь печальную славу и прозвище «кровавой». Давая оценку Марии Тюдор, К. Маркс писал: «В Англии были кровавый *Ричард II* (убийца народа и еретиков, убийца своего дяди), кровавый *Генрих IV*, кровавый *Генрих V* (сожигатель еретиков), кровавый *Эдуард IV*, кровавый *Ричард III*, кровавый *Генрих VII*, чудовище *Генрих VIII*, кровавый *Эдуард VI* (который отрубил головы даже обоим своим дядям). Потом идет ультра-кровавая *королева Бесс*. Однако только Мария называется кровавой, потому что она сучок в глазу у *протестантских попов...*»⁸⁵. Несомненно, религиозные преследования и сожжения способствовали росту непопулярности политики Марии; усилилась эмиграция англичан на континент, в самой Англии зрело недовольство, в восточных графствах ходили тревожные слухи об учреждении в стране инквизиции. Религиозная политика королевы воспринималась многими англичанами как результат ее «испанского брака» (хотя позиция Карла V и Филиппа II в религиозных вопросах, как мы показали, отличалась умеренностью и осторожностью), так что по мере возрастания недовольства испанской политикой Марии, росло недовольство и ее религиозной политикой, поскольку в светских делах королева подчиняла страну интересам испанского короля, а в религиозных — римскому

⁸⁵ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VII, с. 371.

папе. Религиозный вопрос, таким образом, становился частью вопроса политического, а решение того и другого осуществлялось с консервативных, феодальных позиций, шло вразрез с национальными интересами англичан, формирующейся английской нации. Все это, на наш взгляд, во многом обеспечило отход Елизаветы Тюдор после восшествия ее на престол и от католичества и от испанского союза.

Источники

Император — своим послам в Англии¹ (22 июля 1553 г. Брюссель)

Вы также должны сказать ей (Марии Тюдор. — *О. Р.*), что так как богу было угодно устроить все дела столь блестящим образом, мы советуем ей быть очень осторожной вначале, не позволять себе спешить с преобразованиями, которые могут дать нежелательные результаты, но быть уступчивой. Пусть она подчинится решениям парламента, пока воздерживающегося от всяких действий, направленных против религии и ее собственной веры, и слушает мессу отдельно в своих покоях, не устраивая никаких публичных служб. Пусть она скрывает свои чувства, не пытается изменить порядок ведения дел, существующий сейчас в Англии, остерегается влияния некоторых частных советников, но пусть подождет до созыва парламента, попытается завоевать расположение тех, кто войдет в его состав, чтобы с участием парламента принять те меры, которые позволяют нынешние условия страны. Таким образом, она постепенно улучшит положение дел; она должна не только заботиться о благе королевства, но и дать понять всем своим подданным, что это и есть ее главная цель. Пусть во всех своих делах она будет таковой, каковой она должна быть — доброй англичанкой, и пусть она не дает повода думать, что желает действовать по своему собственному усмотрению, создавая видимость того, что жаждет действовать с помощью и с согласия главных людей королевства, а также парламента во всех государственных делах. Вы также должны указать ей, что для управления государством и прочих неженских дел ей необходимо вступить в брак с человеком, который ей покажется наиболее подходящим для этой цели. И если ей будет угодно сообщить нам об этом до того, как она примет решение, мы не откажемся помочь ей в выборе (супруга. — *О. Р.*) и сообщить наше мнение со всей откровенностью.

CSP, Spanish, 1916, v. XI, p. 116—117.

¹ Карл V — император Священной Римской империи, испанский король Карл I. В 1553 г. в связи с болезнью Эдуарда VI с пожеланиями ему скорейшего выздоровления в Англию были присланы 3 уполномоченных Карла V, которые после смерти короля остались в качестве послов императора при Марии Тюдор.

Послы императора в Англии — Марии Тюдор
(24 июля 1553 г. Лондон)

Поскольку покойный король (Эдуард VI. — *О. Р.*) исповедовал новую религию, католическая церемония на его похоронах будет излишней. Когда придет время заняться религиозными делами, появится возможность избрать более подходящий момент, и парламент, руководимый теологами, прелатами, священнослужителями и другими лицами, назначенными Вашим Величеством, сможет издать соответствующий закон. Но спешка в этом трудном деле может легко затруднить счастливое разрешение проблемы вместо того, чтобы ускорить его.
CSP, Spanish, v. XI, p. 119.

Император — своим послам в Англии
(29 июля 1553 г. Брюссель)

...Что же касается восстановления религии, вы можете сказать королеве, что одобряем рвение, с которым она собирается выполнить свой долг по восстановлению оной и выразить тем самым свою благодарность богу за успех (в борьбе за престол. — *О. Р.*), который он дал ей, но что мы не можем еще раз не указать ей на те трудности, которые обязательно возникнут на ее пути уже в самом начале. Следует опасаться, что ее основные сторонники, многие из которых еретики, могут выступить против нее, и она, вероятно, столкнется с оппозицией в лице большинства ее Совета и подданных, поскольку особенно в Лондоне и в его окрестностях проповеди фальшивых учений совратили многих из них, хотя сейчас они и являются ее приверженцами.
CSP, Spanish, v. XI, p. 122.

Симон Ренар² — императору
(15 октября 1553 г. Лондон)

Королева Мария сообщила мне, что верхняя палата парламента, состоящая из ее советников и епископов, решила, что они были созваны для аннулирования всех актов и статутов, принятых парламентом начиная за год до развода (Генриха VIII и Екатерины Арагонской. — *О. Р.*)³ вплоть до настоящего времени, а также для той цели, чтобы объявить действительным этот брак и молчаливо отменить статуты против религии и власти римского папы. Нижняя палата, однако, которая состоит из представителей народа, отказалась на том основании, что цель этой меры — восста-

новить власть римского епископа (папы. — *О. Р.*) и лишить корону титула «Верховный глава церкви», который был передан ей решением парламента. Что касается брака, то парламент объявит его законным без всяких осложнений, но не потому, что таково мнение папы, а своей собственной властью.

Она совершенно уверена, что парламент будет спрашивать ее, примет ли она титул «Верховный глава церкви» или нет, и что ее совесть не позволит ей сделать этого, но она надеется, что кроме вопроса о власти папы, все остальные положения, касающиеся религии, будут приняты. В ответ на это я заявил, что ей лучше не беспокоиться относительно вопроса о власти папы. Что же касается власти папы, по поводу чего в парламенте могут возникнуть осложнения, я считаю, что еще не пришло время поднимать этот вопрос. Будет лучше подождать другого парламента, а тем временем восстанавливать истинную религию.
CSP, Spanish, v. XI, p. 297—298.

Предписание епископам
(4 марта 1554 г.)

VI. Каждый епископ должен делать все необходимое для осуждения и подавления испорченных и безнравственных мнений, незаконных книг, баллад и других пагубных и вредных умыслов, порождающих ненависть среди людей и беспорядки...

VII. Каждый епископ безотлагательно и как можно скорее может и должен лишить, или объявить лишенным, и отстранить в соответствии со своим решением и по своему усмотрению от всех приходов и должностей всех тех, кто вопреки своему сану и похвальным обычаям церкви женился и продолжает состоять в браке или скандальным образом обесчестил себя; во время указанного разбирательства эти люди должны быть лишены своих должностей и приходов, а также доходов от указанных приходов.

VIII. Указанные епископы должны проявлять больше снисходительности и милосердия к тем, кто женился, но чьи жены умерли, нежели к тем, чьи жены еще живы; снисхождение должно быть оказано тем священникам, кто с согласия своих жен в присутствии епископа откажется от них. В этом случае, после исполнения наказания, епископ в соответствии со своим суждением и мудростью может по своему усмотрению вновь допустить его к исполнению обязанностей, но в другом приходе...

XVII. Они (епископы. — *О. Р.*) должны проверить всех школьных учителей и, найдя подозрительными (в вопросах веры. — *О. Р.*), лишить их этой должности и заменить католиками, со специальным поручением учить детей отвечать священнику во время мессы и помогать священнику во время оной, как было раньше принято.

The Reformation in England. To the accession of Elizabeth I. Ed. Dickens A. G. L., 1967, p. 146, 148.

² Симон Ренар — посол Карла V в Англии, доверенное лицо Марии Тюдор.

³ Екатерина Арагонская — первая жена Генриха VIII, мать Марии Тюдор, родная тетка Карла V. Вслед за разводом последовал разрыв с римской католической церковью.

**Копия королевской прокламации о высылке из королевства
проповедников и иностранцев
(март 1554 г.)**

Королева, наша суверенная правительница, понимая, что множество плохих людей, родившихся вне владений ее величества в других землях, бежавших из-под власти королей и правителей тех земель, где они родились (некоторые по причине своих еретических убеждений, другие — из-за убийств, предательства, грабежей, третьи — из-за других тяжких преступлений, совершенных ими), поселились в ее королевстве... частично, чтобы избежать заслуженного наказания за свои ужасные преступления, частично, чтобы распространять, насаждать и сеять семена своих дурных учений и вести нечестивые разговоры с добрыми подданными ее королевства с целью заразить ее добрых подданных подобными же пороками, так что (помимо многочисленных ересей, которые разнятся между собой, кои они проповедовали в ее королевстве), как точно известно ее величеству, они не только не прекратили свою тайную деятельность, возбуждая, сочувствуя и помогая некоторым из ее подданных в их противоестественном восстании против бога и Ее Милости (королевы. — *О. Р.*), и даже некоторые из них приняли участие в восстании ее подданных⁴... Все иностранцы, не являющиеся подданными (королевы. — *О. Р.*) или купцами, должны покинуть ее королевство в течение 24 дней со дня издания этой прокламации.

Foxe J. Acts and Monuments, v. 6. L., 1837, p. 429—430.

**Стефан Гардинер⁵ — кардиналу Полу⁶
(Саутварк, 5 апреля 1554 г.)**

Я вновь пребываю в том расположении духа, о котором я так долго мечтал, надеясь с божьей помощью увидеть и остальное королевство вернувшимся к единству (с католической церковью. — *О. Р.*), благодаря чему мы все в один голос сможем возблагодарить бога. С этой целью на вас была возложена почетная миссия, которую, я не сомневаюсь, вы исполните таким образом, что, проявляя снисхождение к нашим слабостям, что вы уже начали делать, вы преуспеете в том, что, хотя вы и обидите некоторых, но пробудите в других желание того, чего они должны желать, не боясь потери того имущества, от которого они бы весьма неохотно отказались.

⁴ Имеется в виду восстание (конец января—начало февраля 1554 г.) под руководством кентского дворянина Томаса Уайетта, носившее антииспанский характер.

⁵ Стефан Гардинер — епископ Уинчестерский, лорд-канцлер Англии при Марии Тюдор.

⁶ Кардинал Реджинальд Пол, родственник королевы Марии, после ее восшествия на престол направленный папой Юлием III в качестве легата в Англию для снятия интердикта и примирения с Римом.

Для этой цели было бы хорошо, чтобы ваша светлость обратилась в парламент, который сейчас заседает, с письмом, в котором в общих чертах был бы изложен вопрос о религиозном единстве (о примирении с Римом. — *О. Р.*), однако, столь умеренно, чтобы права папы скорее бы подразумевались, нежели были бы четко сформулированы, и даже это нужно сделать так, чтобы они (парламент. — *О. Р.*) не смогли заключить, что оно (восстановление папской юрисдикции. — *О. Р.*) близко. Подобное письмо было бы хорошей подготовкой при условии, что ваша светлость в таком случае объявили бы и поставили бы в известность представителей народа (парламент. — *О. Р.*) этого королевства о том, что в ходе преобразований, которые мы желаем провести в нашей стране, не будут предприняты попытки изменить порядок владения и наследования в королевстве, но что каждый будет иметь право распоряжаться всем тем, что он имеет, было ли оно получено в дар или приобретено путем торговой сделки, в соответствии с законами королевства, составленными для охраны и подтверждения прав на таковые владения. Всего этого, изложенного в умеренных выражениях, какие подскажет вам ваша мудрость, а также известия о том, что вы сможете выполнить таковое обещание, я думаю, будет достаточно для устранения того единственного препятствия, которое, как многие благоразумно опасаются, могло бы помешать в глазах народа осуществлению наших святых целей и намерений. The letters of Stephen Gardiner. Ed. Muller J. A. Cambridge, 1933, p. 465—466.

**Булла папы Юлия III, данная кардиналу Полу 8 марта 1554 г.
для освобождения Англии от схизмы**

...И с владельцами церковного имущества после того, как они возвратят недвижимое имущество, несправедливо ими удерживаемое, ты должен договориться о доходах, неправедным образом ими полученных, и о захваченном ими движимом имуществе, и затем их простить и умиротворить.

**Булла папы Юлия III, данная кардиналу Полу 28 июня 1554 г.
для освобождения Англии от схизмы**

Мы предоставили тебе власть и полномочия договориться с владельцами церковного имущества по поводу доходов, неправедным образом ими полученных, и захваченного ими движимого имущества. ...Тебе, в чью выдающуюся добродетель, благочестие, ученость, мудрость, благоразумие и умение ведения дел мы твердо верим, имеющейся у нас властью даем мы широкие полномочия вести переговоры, договариваться, соглашаться, заключать договоры по своему усмотрению с владеющим или удерживающим за собой церковную собственность как движимую, так и недвижимую, за кого поручится сама светлейшая королева, по поводу имущества, ими незаконно удерживаемого, заключить договор и

даровать им полное прощение так, чтобы они могли упомянутое имущество удерживать и в дальнейшем, за исключением, однако, тех случаев, когда тебе покажется из-за серьезности и важности дела необходимым посоветоваться со святым престолом и получить наше и святого престола решение и подтверждение.
The Harleian miscellany or, a collection of pamphlets and tracts. L., 1746, v. VII, p. 266.

Император — Франциско Эрасо⁷
(1 сентября 1554 г.)

Самый важный момент — это религия, и король⁸ написал мне, что будет очень трудно добиться чего-либо (в делах религии. — *О. Р.*), если тем, кто имеет церковную собственность, не будет разрешено владеть ею.
CSP, Spanish, v. XIII, 1954, p. 39.

Ренар — императору
(3 сентября 1554 г.)

Изучив папское брeve, присланное сюда кардиналом с целью осуществить правосудие над теми, кто имеет церковную собственность, я заметил, что оно составлено не лучшим образом. Папа надеется, что вначале произойдет подчинение церкви (Риму. — *О. Р.*), а уже затем будет уделено внимание всеобщему прощению, причем каждый случай будет рассматриваться отдельно, принимая во внимание заслуги каждого, а также характер церковной собственности, которая была взята во владение. Он намерен даровать прощение тем, за кого будут ходатайствовать король и королева, хотя есть и ограничительная статья, обязывающая их советоваться с папой в тех случаях, которые окажутся особенно важными. Мой долг сообщить Вашему Величеству, что католики имеют больше церковной собственности, чем еретики и если они не получат всеобщего прощения, гарантирующего неприкосновенность их прав на эту собственность, они не позволят кардиналу (Реджинальду Полу. — *О. Р.*) осуществить его миссию.
CSP, Spanish, v. XIII, p. 46.

Письмо испанского дворянина, сопровождающего Филиппа в Англию
(2 октября 1554 г.)

Английские еретики отказываются подчиниться папе, который, как они говорят, такой же человек, как и они сами, и не имеет права приказывать им делать то или это; единственный папа, которого они признают, — это их король, а сейчас — их королева, она одна может по своему усмотрению приказывать им.
CSP, Spanish, v. XIII, p. 61.

⁷ Франциско Эрасо — государственный секретарь Карла V.

⁸ Филипп, принц Испанский, после заключения брака с Марией Тюдор именовался королем-консортом Англии.

Кардинал Пол — папе
(13 октября 1554 г. Брюссель)

По поводу препятствия (в восстановлении католической религии в Англии. — *О. Р.*), возникшего из-за этого имущества (церковного. — *О. Р.*), захваченного теми, кто, зная о строгости церковных законов, боится вернуться к подчинению церкви (Рима. — *О. Р.*), я сказал, что в этом случае Ваше Святейшество можете и расположены проявить всю свою снисходительность и благожелательность; что касается ожидаемых порицаний и наказаний и возвращения полученных ими доходов, что имеет большое значение, Ваше Святейшество и в этом и в другом случае готовы проявить всю свою снисходительность, легко простив им все, что вы не думаете использовать какую-либо часть этого имущества ни для себя, ни для святого престола, как многие этого боятся, хотя вы и имеете все основания это сделать по причине нанесенного вам ущерба и причиненных несправедливостей, но что вы хотите все это обратить на службу богу и для блага королевства, не принимая в расчет свои собственные интересы.

Отвечая, Его Величество [Карл V] поблагодарил Ваше Святейшество, показывая свое доброе расположение к вам, и сказал, что в действительности вы уже сделали достаточно, потом добавил, что из-за различных препятствий и войны он не мог уделить этому делу столько внимания, как того желал бы, но что сейчас займется этим вопросом, и что он уже написал и послал письмо в Англию, чтобы лучше узнать положение дел там и ожидает скорого ответа, и что ему нужно хорошо знать, на что направлять свои усилия, чтобы устранить это препятствие, связанное с церковным имуществом; сам он убедился на своем опыте в Германии, что это главный вопрос.

Что касается восстановления католического учения, он сказал, что мало об этом заботятся те, кто не думает ни о том, ни о другом; он сказал, кроме того, что поскольку все это имущество церкви посвящено богу, не стоит, таким образом, уступать во всем тем, кто его (имущество. — *О. Р.*) имеет, и что было бы хорошо, если бы я сказал ему, сколь широки мои полномочия, однако он не собирается сообщать обо всем этом другим, и что, возможно, необходимо посмотреть папское брeve о полномочиях, чтобы расширить их настолько, насколько это будет необходимо.

...Его Величество сказал, что необходимо также обратить большое внимание на плохое расположение заинтересованных лиц и на то, насколько повсюду [в Англии] бытует отвращение к самому слову «подчинение церкви», к красной шапке [кардинала] и также к монашескому одеянию, сказав сколь сильно было восстание народа, и в этой связи коснулся вопроса о злых происках, которые не прекращают внешние враги.

Burnet G. History of the Reformation of the Church of England. Oxford, 1850, v. 6, p. 347—348.

**Папа Юлий III — императору
(7 ноября 1554 г. Рим)**

Мы прочли письма Вашего Величества и выслушали то, что Хуан Манрике⁹ должен был сказать по поводу изменения полномочий относительно церковной собственности в Англии, которые мы предоставили несколько месяцев назад Реджинальду Полу, кардиналу, нашему легату. Мы немедленно созвали тех кардиналов, которые, будучи осмотрительными, учеными и благочестивыми, на наш взгляд, наиболее способны обсуждать этот вопрос, и когда мы изложили им желания Вашего Величества, они все согласились с нами, что было бы лучше как для человеческих, так и для божественных дел скорее лишиться всей церковной собственности, чем обречь на неудачу это начинание. Собственно мы приказали написать новые письма в этом духе за нашей печатью и послать их к легату с этим же курьером (императорским. — *О. Р.*), о чем Ваше Величество услышит вскоре как от самого легата, так и от Хуана Манрике.
CSP, Spanish, v. XIII, p. 79—80.

**Симон Ренар — императору
(21 декабря 1554 г. Лондон)**

Парламент обсуждал некоторые законопроекты и среди прочих один, подтверждающий права владельцев церковной собственности, который, как считают английские юристы, не нужен, потому что с древних времен короли Англии имели полную и непосредственную юрисдикцию над церковными землями. Владельцы, однако, желали подтверждения, что вызвало трудности в парламенте, поскольку парламент хотел, чтобы всеобщее прощение было включено в статут о подчинении папе, а кардинал был против этого, так как будет казаться, что подчинение королевства Риму было куплено, хотя он был согласен на включение всеобщего прощения в два других акта или статута. Разногласия были столь серьезны, что кардинал заявил, что он скорее вернется в Рим, не выполнив своей миссии, чем сделает уступку, столь вредную для прав святого престола; после чего король призвал Тайный совет и некоторых частных лиц с целью убедить их принять уступку относительно двух статутов по данному пункту, вызывающему разногласия. Решение еще не достигнуто, но есть надежда, что парламент уладит дело. Кроме того, некоторые члены нижней палаты, у которых нет церковной собственности, побуждаемые завистью к собственникам, политическими страстями или угрызениями совести, выступили против всеобщего прощения, предоставив решение вопроса совести каждого владельца; но они не получили большинства, поскольку король и королева дали обещание получить всеобщее прощение.

⁹ Хуан Манрике де Лара — посол Карла V при папском дворе.

Другой законопроект был вынесен на обсуждение: меры для наказания еретиков, которые уже проводились через парламент во времена Генриха IV и Ричарда II. Нижняя палата приняла его без разногласий, но некоторая оппозиция была в верхней, потому что благодаря ему восстанавливается юрисдикция епископов, а наказания кажутся слишком суровыми, но, думается, большинство поддержит его.

CSP, Spanish, v. XIII, p. 124—125.

**Акт об отмене всех статутов, статей и постановлений,
сделанных против римской апостольской церкви
начиная с 22 года правления короля Генриха VIII,
а также о подтверждении владельческих и наследственных прав
светских лиц на все духовные и церковные владения
(3 января 1555 г.)**

I. Указанный акт, содержащий клятву против супрематии и другие клятвы, принятые по этому поводу, с нынешнего времени отменяются и объявляются не имеющими силы.

IX. И, наконец, когда во времена схизмы были приняты некоторые акты и статуты, касающиеся земель и наследства архиепископов, епископов, ликвидации и роспуска монастырей, аббатств, приоратств, часовен, колледжей и всего движимого и недвижимого имущества религиозных домов, все права на владение этими землями и наследством, движимым и недвижимым имуществом, принадлежавшим им, перешли в руки некоторых лиц, которые в результате дара, сделки, обмена или иным каким образом в соответствии с законами королевства владеют им (этим имуществом. — *О. Р.*); во избежание всевозможных конфликтов Их Величества [король и королева] будут выступать в качестве посредников и ходатаев перед святым отцом кардиналом Полем, чтобы всякие споры, которые могут возникнуть как следствие схизмы или по какой иной причине, выставленной римским папой или другой церковной инстанцией, были улажены так, чтобы все те, кто имеет надежные документы на указанные земли и наследство, движимое и недвижимое имущество в соответствии с законами королевства, могли пользоваться ими безо всяких угрызений совести, обвинений или вмешательства со стороны общего совета каноников или церковных законов и не подвергались опасности церковной цензуры.

...Титул «Верховный глава церковей Англии и Ирландии» или одной из них никогда не был и не может быть на законном основании дан короне или признан за королем или сувереном этого королевства.

Statutes of the Realm, v. 4, p. II. L., 1819, p. 247, 248, 252.

**Симон Ренар — императору
(17 января 1555 г. Лондон)**

Легат требует у королевы отказаться от церковной собственности, в настоящее время находящейся в распоряжении короле-

вы. Она уже согласилась отказаться от суммы, превышающей 60 000 крон дохода. Что касается остального, она пока еще не решила.

CSP, Spanish, v. XIII, p. 134.

Джованни Микель¹⁰ — дожу?
(20 января 1555 г. Лондон?)

Когда Ренар, императорский посол в Англии, был послан королевой Марией в Брюссель, чтобы решить с легатом вопрос о его прибытии сюда (в Англию. — *О. Р.*), он попросил последнего сообщить о своем решении. Основным вопросом была реституция церковной собственности, находящейся в руках светских лиц, по поводу чего кардинал никогда не был склонен давать какие-либо обещания, будучи убежденным, что он нанесет вред делу, если будет добиваться успеха с помощью договоров и обязательств; поэтому он заявил Ренару о своем главном намерении: только после подчинения королевства святому престолу, они (англичане. — *О. Р.*) узнают о милости, доброте и отеческой заботе его святейшества.

По прибытии легата (в Англию. — *О. Р.*) король, прежде чем достигнуть соглашения о союзе (о восстановлении папской супрематии. — *О. Р.*), лично направился к Полу и коротко сообщил ему, что возвращение к подчинению Риму невозможно, пока владельцам церковной собственности не будет позволено иметь их нынешние владения. На это после многих дискуссий легат наконец ответил, что если бы папа и проявил некоторое снисхождение для устранения препятствий в осуществлении столь необходимого и святого дела, то только после восстановления власти папы, и что это милосердие может быть оказано «из-за жестокости сердца тех», но что касается той части церковной собственности, которая находится в руках Их Величеств, то они не могут без ущерба для своей чести ссылаться на эти причины, на что король отвечал, что в данный момент они будут заниматься восстановлением союза (с церковью. — *О. Р.*), а относительно церковной собственности, находящейся в распоряжении короны, он считает, что они не станут оставлять что-либо у себя, пока не будет решено, что они могут сделать это с чистой совестью, и что они всегда будут советовать с папой и легатом. На этом они и закончили.

CSP, Venetian, v. 6, p. I. L., 1877, p. 9.

Дж. Микель — дожу
(19 марта 1555 г.)

Королева назначила 6 ведущих членов Совета, включая канцлера [Гардинер], казначея [Вильям Полет, маркиз Уинчестерский], контролера [Роберт Рочестер] и секретаря Петра, чтобы

они вместе с легатом могли решить, что наиболее полезно для королевства как в отношении монастырей, так и в отношении всей церковной собственности, находящейся в распоряжении короны. Ее величество желает, чтобы земля была возвращена тем, кто был лишен ее, если истинные владельцы еще живы; и поскольку уже явились 2 делегата от ордена иоаннитов, им будут безотлагательно переданы все доходы с владений, принадлежащих короне как в Англии, так и в Ирландии, хотя ничего не говорится о тех землях, которые перешли в руки частных владельцев и составляют основное большинство. Они надеются, что по примеру Ее Величества и многие другие сделают то же, и уже в городе Оксфорде один джентльмен объявил о своем намерении возратить ренту в 200 марок, которой был лишен монастырь, братьям францисканцам.

CSP, Venetian, v. 6, p. I, p. 27.

Речь королевы Марии, произнесенная перед Советом
по поводу возвращения церковных земель
(28 марта 1555 г.)

Я считаю, что указанные земли были отобраны у церкви во времена схизмы и незаконным образом, что противно божественному закону и закону церкви, поэтому моя совесть не позволяет мне удерживать их. И по этой причине я здесь решительно отказываюсь претендовать на эти земли или сохранять их за собой, но от всего сердца, свободно и охотно, безо всякого договора или условий здесь и перед богом я отказываюсь от указанных земель и владений и от всякого права на наследование их; я отказываюсь от них с той целью, чтобы они служили, по усмотрению папы или его легата, богу, благу нашего королевства. И хотя вы можете опять возразить мне, что положение моего королевства, его знати и моей короны не может достойным образом поддерживаться и обеспечиваться без указанных владений, я гораздо больше дорожу спасением моей души, нежели десятью такими королевствами; и поэтому здесь я категорически отказываюсь владеть указанными землями. И я благодарю бога, который дал мне мужа, имеющего такое же мнение и испытывающего такие же чувства по этому поводу, как и я.

A collection of scarce and valuable tracts. L., 1809, v. I, p. 56.

Дж. Микель — дожу
(1 июля 1555 г. Ричмонд)

После своего возвращения кардинал Пол намерен со всей решимостью навести порядок и осуществить реституцию церковной собственности, удерживаемой короной; королева, решив по меньшей мере (хотя ее доходы будут таким образом уменьшены более чем на 200 000 дукатов) очистить свою совесть, полностью полагается на суждение и мнение его светлости, совершенно не думая о бедности, лишь бы очиститься от грехов. Через два дня карди-

¹⁰ Джованни Микель — венецианский посол в Англии.

нал пошлет в Рим англичанина, своего приближенного, проинформировать папу о решении, выработанном по данному вопросу совместно с лордами из королевского совета, цель которого как можно меньше задеть интересы короны и в то же время возместить убытки всем приходам за заботу о душах и за все, чего они были лишены, и последовательно день за днем продолжать восстанавливать госпитали, монастыри и церкви, обращая внимание на их нужды; кардинал Пол (хотя у него и самые широкие полномочия) не решается занять какой-либо пост (в английской церкви.— *О. Р.*) без особого распоряжения папы. CSP, Venetian, v. 6, p. I, p. 125.

**Булла папы Павла IV,
аннулирующая всякое отчуждение церковных земель (1555 г.)**

Папа Симмах¹¹, наш предшественник, запретил отчуждать земельную собственность церкви для каких-либо надобностей или предоставлять (кому-либо.— *О. Р.*) привилегии церкви для извлечения доходов и постановил, чтобы таковым законом были связаны все опекуны (церковного имущества.— *О. Р.*) и чтобы все дарители, облагающие налогами, продавцы (церковного имущества.— *О. Р.*) теряли свою должность (*honoratum*), а кто присоединится к вышепоименованным будет предан анафеме вместе с тем, кто подарил или принял, если не возвратил имущество, и чтобы каждое духовное лицо возражало (против отчуждения церковного имущества — *О. Р.*) и могло требовать назад отчужденное вместе с плодами, и чтобы это сохранялось не только в римской церкви, но и во всех церквях в других землях.

И если кто вопреки этому запрещению потомкам осмелится произвести отчуждение какого-либо подобного имущества, [пусть знает], отчуждение, ипотека, концессия, арендный договор, аренда, инфеодация какого-либо рода не будет иметь никакой силы или значения, и как тот, кто это имущество примет, так и тот, кто совершит отчуждение, подвергнется отлучению от церкви, и все отчужденное имущество такого рода, которое ранее принадлежало церквям, монастырям и другим благочестивым домам, он должен, не чиня никаких препятствий, вернуть. Burnet G. History of the Reformation of the Church of England, v. 6, p. 2.

**Дж. Микель — дожу
(16 сентября 1555 г. Лондон)**

Какой-то англичанин из Италии прислал папскую буллу, касающуюся отчуждения церковных доходов и собственности, с целью вызвать тревогу среди здешнего населения; по меньшей

¹¹ Папа Симмах (498—514) защищал церковь от вмешательства в ее внутренние дела светских лиц, заботился об иммунитете клириков и особенно о независимости римской церкви. В его правление решениями первого и второго синодов было запрещено отчуждение церковной собственности.

мере это причинило определенное беспокойство, так как некоторые, наиболее недовольные, распространяли ее, чтобы внушить эти мысли и создать как можно больше беспорядков. Поэтому, чтобы не зашло дальше, необходимо посадить в тюрьму некоторых из них, а с других снять подозрения и разуверить их с помощью другой буллы, которую они стремились получить из Рима, с особым и четким заявлением, что церковная собственность здесь (в Англии.— *О. Р.*) не включается в понятие этого отчуждения, подтвердить все, что было сделано кардиналом Полом. CSP, Venetian, v. 6, p. I, p. 189.

**Дж. Микель — дожу
(18 ноября 1555 г. Лондон)**

Относительно возвращения королевой церковной собственности были острые дебаты (в парламенте.— *О. Р.*). По поводу возвращения: ни в коем случае они не дадут своего согласия на отчуждение чего бы то ни было, даже самого незначительного, что было уже однажды присоединено к короне, во вред ее наследникам единственно ради выгоды чужого и иностранца (имеется в виду папа.— *О. Р.*), хотя королева, говорят они, в течение своей жизни может делать все, что ей угодно с доходами королевства, по собственному усмотрению распределяя их; но что касается отчуждения их с их согласия, то они никогда не откроют перед ней эту дверь, поскольку в случае прихода на престол нового короля они навлекут на себя гнев и, возможно, наказание.

Эти противоречия возникли, как сказал мне один человек, хорошо знакомый с нынешней палатой общин, потому, что то ли случайно, то ли намеренно, чего не было ни в одном парламенте в течение многих лет, нижняя палата полна джентри и дворянства (большая часть их весьма подозрительна в своей вере) и потому более дерзка и безнравственна, чем прежние палаты, которые состояли из горожан и плебеев, по своей природе робких и уважительных, легко подчиняющихся своему суверену и уступающих ему, тогда как в нынешней палате возможности для дерзкой безнравственности растут ежедневно. CSP, Venetian, v. 6, p. I, p. 251.

**Кардинал Пол — королю Филиппу
(23 ноября 1555 г. Лондон)**

Но на следующий день, когда отказ от церковной собственности (корона.— *О. Р.*) должен был быть одобрен парламентом, Ее Величество, понимая, что есть трудности в этом деле и что без согласия владельцев этого рода собственности, которых, как король известно, очень много в парламенте, законопроект не может быть принят, послала за некоторыми членами этой палаты и обратилась к ним столь серьезно и благочестиво, что акт об отказе (от церковной собственности короной.— *О. Р.*), после того, как он

3 дня обсуждался в палате лордов, был принят, причем только 1 или 2 человека не голосовали «за».
CSP, Venetian, v. 6, p. I, p. 256—257.

Дж. Микель — дожу
(3 декабря 1555 г. Лондон)

Оппозиция (в парламенте законопроекту о возвращении церкви десятины и первых плодов короной.— *О. Р.*) была соразмерна страху, вызванному среди владельцев этого рода собственности, перед тем, что в ближайшее время в силу этого акта парламента они будут вынуждены сделать подобную же уступку (церкви.— *О. Р.*).

CSP, Venetian, v. 6, p. I, p. 268.

Дж. Микель — дожу
(3 декабря 1555 г.)

Члены комитета по пересмотру статей о возвращении (церкви первых плодов и десятины.— *О. Р.*) сегодня утром сообщили свое мнение парламенту. После длительных дебатов в нижней палате, начавшихся на рассвете и закончившихся в 3 часа дня (в течение всего этого времени двери были заперты, и никому не разрешалось выходить, ни чтобы поесть, ни для иной какой надобности), законопроект был принят наконец 183 голосами против 120; в палате лордов он был принят единогласно¹².

CSP, Venetian, v. 6, p. I, p. 270.

Отрывок из «Искреннего предупреждения исповедующим божественную правду в Англии» Дж. Нокса
(1554 г.)

И сейчас разве она (Мария Тюдор.— *О. Р.*) явно не показала себя предательницей по отношению к короне Англии, вопреки справедливым законам королевства допустив иностранца и сделав надменного испанца королем к стыду, бесчестью и разорению знати; для лишения их и их близких чести, земель, владений, главных должностей (в королевстве.— *О. Р.*); для приведения к окончательному упадку и разорению сокровищ, имущества, кораблей и крепостей королевства; для унижения йоменов, для порабощения «общин», для уничтожения христианства и истинной религии; и, наконец, для окончательного разрушения всего общественного положения и благосостояния Англии?

Knox J. A faithful admonition to the professors of God's truth in England, 1554. — In: Knox J. Works of Edinburg, v. 3. 1854, p. 295.

¹² 3 декабря 1555 г. палата общин приняла законопроект о возвращении римскому папе церковной десятины и первых плодов и об отказе короной от доходов с духовного и церковного имущества, находившегося еще в руках королевы, 193 голосами против 126. (Результаты голосования, сообщаемые послом, не точны). В палате лордов этот законопроект был принят 23 ноября 1555 г. (См. письмо кардинала Пола королю Филиппу от 23 ноября 1555 г.).

Отрывок из трактата Дж. Понета «Краткий трактат о политической власти»
(1556 г.)

Тогда вы (англичане.— *О. Р.*) узнаете гордость и высокомерие испанцев, хотя на время, пока они не приберут все к рукам, они будут пресмыкаться и раболепствовать, кормить мужчин сладкими словами, а женщин конфетами, сладкими винами, услаждать ароматами, яркими нарядами и прочими подобными пустыми игрушками; но когда однажды они окажутся наверху, вы узнаете, что во всем христианском мире нет ни одного народа, который мог бы сравниться с ними в надменности, жестокости, безжалостности, который был бы столь далек от всякой человечности, что могут засвидетельствовать королевство Неаполь, герцогство Милан, город Сиенна, многие земли, такие как Клевленд и Гелдерн.
Ponet J. A shorte treatise of politike power. — In: Hudson W. John Ponet. Chicago, 1942, p. 167.

Отрывок из тираноборческого трактата Кр. Гудмана «Как высшие власти должны быть подчинены»
(1558 г.)

Вы (англичане.— *О. Р.*) думаете, что когда Филипп будет коронованным королем Англии, он будет почитать английских советников? Он доверит управление его государством (Англией.— *О. Р.*) тем, кто предал свое собственное? Его знать, будучи испанцами, не захватит ваши земли и владения? И когда они завладеют вашими должностями и жизнями, они оставят ваши головы на плечах? Поскольку они пришли ограбить целое королевство, разве они оставят вас и ваших родственников в неприкосновенности?

Goodman Chr. How superior powers ought to be obeyed. N. Y., 1972, p. 100.

ЭТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ФРЭНСИСА БЭКОНА

В наследии Фрэнсиса Бэкона, выдающегося английского мыслителя и политического деятеля конца XVI—начала XVII в., этические проблемы занимают особое место. Этика — неотъемлемая часть бэконовской системы наук. С дотошностью талантливого классификатора намечает Бэкон в трактате «О достоинстве и приумножении наук» (1623) содержание и направления этической науки. Нравственным проблемам были посвящены многие страницы трактата «О мудрости древних» (1609), а также «Опытов и наставлений», впервые изданных в 1597 г. и постоянно пополнявшихся на всем протяжении жизни их автора.

При анализе этических взглядов Бэкона современный читатель сталкивается со своеобразным парадоксом: с одной стороны, Бэкон как бы раздвигает границы этического. В духе эпохи родоначальник английского материализма¹ не замыкает этику на самое себя, а трактует ее широко и многообразно. Проблемы добра и зла, индивидуального и общественного блага пронизывают все произведения Бэкона — от исторических до натурфилософских. Этическими категориями насыщены его рассуждения о строении Вселенной, о фундаментальных проблемах материи и процесса познания, об отношениях между государствами, партиями и сословиями. Все это позволяет говорить об универсальном характере бэконовской этики как целостной системы знаний. И это понятно. Новое общество, рождавшееся в Европе на переходе от средневековья к новому времени, нуждалось не только в объяснении мира и человека, но и в оправдании того состояния вещей, которое утверждалось в ходе социально-экономических, политических, идейных процессов эпохи. Как показали исследования советских и зарубежных ученых, такое оправдание (равно как и неприятие) в большинстве случаев приобретало и морально-этическую окраску².

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 142.

² Из советских исследований последнего времени см., в частности: Сказкин С. Д. К вопросу о методологии истории Возрождения гуманизма. — В кн.: Сказкин С. Д. Избранные труды по истории. М., 1973; Сапрыкин Ю. М. Об этических взглядах Шекспира. — Вестн. Моск. ун-та, сер. история, 1973, № 6; Он же. Принцип индивидуализма в английской политической литературе конца XV—XVI в. — СВ, вып. 38. М., 1975; Рутенбург В. И. Титаны Возрождения. Л., 1976; Горфункель А. Х. Философия эпохи Возрождения. М., 1980; Брагина Л. М. Итальянский гуманизм. М., 1977; Ревякина Н. В. Проблемы человека в итальянском гуманизме второй половины XIV — первой половины XV в. М., 1977; Баткин Л. М. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. М., 1978; Осинковский И. Н. Томас Мор: утопический коммунизм, гуманизм, Реформация. М., 1978; Штекли А. Э. «Город Солнца»: утопия и наука. М., 1978; Кузнецов Б. Г. Идеи и образы Возрождения. М., 1979 и др.

С другой стороны, Бэкон сужает сферу этических, оценочно-нравственных суждений, зачастую отказываясь от них даже в тех случаях, когда речь идет о проблемах, связанных с взаимоотношениями людей в процессе их повседневной деятельности, проблемах, которые традиционно считались сферой этического. Анализ сущности этого мнимого парадокса (наряду с анализом позитивного содержания бэконовского этического учения) и составляют задачу, которую ставит перед собой автор статьи, полагая, что такой анализ позволит составить более определенное представление о месте этической и — шире — социально-философской концепции Бэкона в истории европейской культуры XVI—XVII вв.

Бэкону были хорошо известны этические учения античности, питавшие поиск мыслителей Ренессанса. Он и сам постоянно обращается к авторитету Аристотеля, Эпикура, Цицерона, философов Стои, соглашается с ними, спорит, опровергает. Другим источником его учения является богатый арсенал христианства, ограниченный (опять же в духе Ренессанса) рамками Священного писания и патристики. Но и в этих пределах Бэкон не просто принимает этические максимы христианства, а интерпретирует их в соответствии с собственными взглядами на задачу этики, на сущность тех или иных этических категорий.

Можно считать установленным, что главный нерв философии Бэкона составляет поиск путей к овладению тайнами мироздания, к утверждению на земле «царства Человека», основанного на научном познании мира. В своем крайнем выражении бэконовская этика должна стать основой будущих взаимоотношений между людьми, объединившимися в этом «царстве». Но как все остальные части его философской системы, она ориентирована не только на отдаленное, почти запредельное будущее, но и на конкретно-историческое настоящее. И в том, и в другом случае этика неотрывно связана с общим учением о человеке, с философской антропологией Бэкона. Два афоризма характеризуют взгляд нашего мыслителя на человека и его высшее предназначение. Вот эти афоризмы: «Человек, слуга и истолкователь. Природы, столько совершает и понимает, сколько постиг в Природе делом или умом, и большего не знает и не может»³; «Тот, кто полностью познает природу человека, тот почти в полной мере сможет стать кузнецом своего счастья (Fortunae), тот рожден для власти»⁴. Первый афоризм призван определить значение познания человеком природы, второй — значение познания самого человека; первый выводит проблему человека на натурфилософский уровень, второй замыкает ее на социально-политическую проблематику.

³ Bacon F. Novum Organum. — In: Bacon F. The Works. N. Y., 1968, p. 157 (Далее — Novum Organum); ср.: Бэкон Ф. Сочинения. 2-е испр. и доп. изд., т. 1. М., с. 12 (Далее — Соч., т. 1).

⁴ Bacon F. De Sapientia Veterum. — In: Bacon F. The Works, v. 6. N. Y., 1968, p. 679 (Далее — De Sapientia Veterum); ср.: Бэкон Ф. Сочинения, т. 2. М., 1978, с. 293. (Далее — Соч., т. 2).

В одном из эссе, составляющих трактат «О мудрости древних», Бэкон вслед за гуманистами эпохи Возрождения повторяет тезис античных философов, согласно которому человек представляется центром мироздания и «изо всех вещей, составляющих Вселенную, ...является наиболее сложной и собирательной, так что древние по справедливости называли его малым миром», «микрокосмосом»⁵. В этом эссе особенно ярко выразилось антропоцентрическое отношение Бэкона к миру: «Если убрать из этого мира человека, оставшееся будет казаться неустойчивым и шатким, приведенным в беспорядок и не имеющим цели. Поистине все служит человеку, и он извлекает пользу (usum et fructum) из каждой вещи. Ведь вращения и фазы светил служат ему для того, чтобы различать время и определять страны света; небесные явления — для того, чтобы предсказывать погоду; ветры служат для мореплавания и приведения в движение мельниц и машин; различные растения и животные — для устройства человеческого жилья и укрытия, для одежды, пищи, для лечения и облегчения трудов, или, наконец, для того, чтобы доставлять удовольствия и утешение, так что кажется, что все это существует не для себя, а для человека»⁶.

У мыслителей эпохи Возрождения можно найти сколько угодно параллелей антропоцентрическому взгляду на мир, выраженному английским мыслителем. Но ренессансный антропоцентризм характерен для Бэкона лишь в той мере, в какой он не влечет за собой признания антропоморфности окружающего мира. Во всяком случае, Бэкон выступает против присущего некоторым античным и ренессансным философским школам представления о человеке как мере и зеркале природы. «Невероятно, — пишет Бэкон, — какую толпу идолов привело в философию уподобление действий природы человеческим действиям, т. е. представление, что природа действует так же, как человек»⁷. Дитя природы, человек вместе с тем благодаря наличию в нем духовного и разумного начала отличен от природы. Эта посылка подкрепляется и рассуждениями о богоравности и богоподобности человека, играющими в мировоззрении Бэкона особо значимую, конструктивную роль⁸.

После всех этих предварительных замечаний обратимся непосредственно к этическим воззрениям Бэкона, в первую очередь к тому, какое место занимает этика в его системе наук.

Постоянно ратуя за практическую пользу знания, науки, Бэкон и достоинство этических учений видит не в описании «прекрасных и великих образцов блага (Boni), добродетели (Virtutis), обязанностей (Officiorum), счастья (Foelicitatis)», а в том, чтобы

обосновать пути их осуществления. «Мы можем сколько угодно рассуждать о том, существуют ли моральные добродетели в человеческой душе от природы, или они воспитываются в ней, торжественно устанавливая непреодолимые различия между благородными душами и низкой чернью, поскольку первые руководствуются побуждениями разума, а на вторых действуют лишь угрозы или поощрения; мы можем весьма тонко и остроумно советовать выправлять человеческий разум, подобно тому, как выправляют палку, сгибая ее в противоположную сторону; мы можем одну за другой высказывать, кроме этих, и множество других аналогичных мыслей, однако эти и им подобные рассуждения ни в коей мере не могут возместить отсутствие того, что мы требуем от упомянутой науки»⁹, т. е. указания средств и действий, необходимых для того, чтобы побудить человеческий ум к достижению нравственных добродетелей.

Для Бэкона цель этики состоит в «устройстве практической жизни». Поэтому он делит всю этику на две части — учение об идеале (exemplar) или образе блага, и учение об устройении и воспитании (cultura) души. «Первое исследует природу блага, второе устанавливает правила, посредством которых душа должна быть устроена в соответствии с этой природой»¹⁰. Со свойственным Бэкону стремлением к образности, иногда несколько тяжело-весной, он именует вторую часть этики «Георгиками души», используя термин, которым в античной традиции обозначался поэтический жанр, изображавший повседневную жизнь земледельца.

Бэкон высоко ценит учение об идеале, созданное античными мыслителями, выделяя, в частности, разработку таких проблем, как различие типов и видов блага, ценностная иерархия различных добродетелей, противоречие между добродетелью и пользой и др. Вместе с тем он не забывает заметить, что христианские теологи превосходили «языческих философов» в анализе и определении обязанностей и нравственных добродетелей. Однако, поскольку он не уточняет, в чем именно это превосходство проявилось, похвала в адрес теологов оказывается всего лишь риторической фигурой¹¹.

В целом же Бэкон считает учение об идеале достаточно разработанным, за исключением вопроса о самих источниках нравственности. Обращаясь к последней проблеме, он разделяет понятие блага на два вида — индивидуальное и общественное. Такое разделение обосновывается присущими, по мнению Бэкона, всем телам и предметам двумя проявлениями природы блага. Первое проявление формирует данную вещь как нечто цельное, обнимающее самое себя, второе — делает ее частью более широкого целого. Такая постановка вопроса вписывает этику в единую космиче-

⁵ De Sapientia veterum, p. 671; ср.: Соч., т. 2, с. 284.

⁶ Ibid., p. 670—671; ср.: Соч., т. 2, с. 283—284.

⁷ Bacon F. De Augmentis Scientiarum. — In: Bacon F. The Works, v. I, p. 644 (Далее — De Augmentis); ср.: Соч., т. 1, с. 308.

⁸ Подробнее о соотношении религии и философии в мировоззрении Бэкона см.: Карев В. М. Фрэнсис Бэкон: Религия в сфере философии и политики. — В кн.: Религии мира. Вып. 3. М., 1983.

⁹ De Augmentis, p. 714; ср.: Соч., т. 1, с. 385—386.

¹⁰ Ibid., p. 715; ср.: Соч., т. 1, с. 387.

¹¹ Обращает на себя внимание отсутствие у Бэкона представления о божестве как высшем благе (summum bonum) и источнике всех конкретных проявлений блага в мире, характерного для этических концепций средневековья и, отчасти, Ренессанса.

скую схему Бэкона, в которой железо испытывает симпатии к магниту, у плотных и тяжелых тел есть долг перед землей и космосом и т. п. Таким образом, уже на натурфилософском уровне Бэкон формулирует вывод о том, что вторая, «общественная», сторона природы блага достойнее и сильнее первой, поскольку она направлена на сохранение более общей формы¹². Этот вывод подкрепляется и наблюдениями, заимствованными из сферы социальных отношений: «то, что способствует сохранению самого государства, по своей природе оказывается более сильным, чем то, что способствует лишь благу отдельных его членов»¹³.

Убеждение в приоритете общественного блага над индивидуальным, деятельной, активной жизни над жизнью созерцательной руководило Бэконом в негативной оценке философских школ, видевших счастье в наслаждении, а добродетель рассматривавших как своего рода служанку наслаждения¹⁴.

Пафос активной деятельности, отвечающий глубинным настроениям предпринимательских классов Англии XVI—XVII вв., составляет основу этических построений Бэкона, что сближает его и с другими мыслителями эпохи. В одном из опытов Бэкон признается: «Если говорить откровенно, в дурные времена деятельные люди полезнее добродетельных»¹⁵. В своей деятельности буржуазно-предпринимательские круги английского общества — молодая, становящаяся на ноги, буржуазия и обуржуазивающееся джентри — видели отражение интересов всей нации, всего общества, и именно такое понимание положения делало для них необходимым выдвижение на первый план общественного блага, которое в большинстве случаев по существу сливалось с их индивидуальным благом. Не случайно Бэкон, разделяя индивидуальное благо на пассивное и активное, отмечал, что при всем отличии последнего от общественного блага, они тем не менее могут и совпадать между собой.

Что касается пассивной формы индивидуального блага, то трактовка ее у Бэкона не отличается особой оригинальностью. Эта форма блага ассоциируется у него с присутствием каждому индивиду стремлением к самосохранению и совершенствованию, которое он считает соответствующим природе человека.

Гораздо более тщательно рассматривает Бэкон проблему общественного блага, которую он вписывает в рамки учения об обязанностях человека по отношению к обществу, в свою очередь, тесно связанного с учением о воспитании души. Бэкон приводит мнение Аристотеля, полагавшего необходимым узнать не только, каков облик добродетели, но и как она дает возможность овладеть собой, и подчеркивает, что сам «учитель философов» не следовал этому принципу. Постановку английским мыслителем проблемы воспитания души, т. е. формирования нравственного идеала,

независимо от того, каково реальное содержание самого идеала, можно считать новаторской, поскольку вплоть до эпохи Возрождения все эти вопросы находились в монопольном владении теологов.

Бэкон, разумеется, отдавал себе отчет, что именно в этом пункте его программа может натолкнуться на серьезное противодействие с их стороны. Поэтому он готов признать, что «этика должна полностью повиноваться теологии и подчиняться ее предписаниям, но так, однако, чтобы сама, в своих собственных границах, могла содержать немало разумного и полезного»¹⁶. Думается, что «но», присутствующее в процитированном признании, говорит само за себя.

Набрасывая контуры учения об обязанностях, Бэкон особо подчеркивает необходимость изучения не только «общих» и «специальных» обязанностей, вытекающих из профессии, призвания, сословной принадлежности, личных качеств и положения в обществе¹⁷, но и сопутствующих им обманов, ухищрений и пороков¹⁸. Бэкон полагает, что исследование пороков может стать надежной защитой добродетели и честности. Английское общество, вероятно, остро нуждалось в такого рода исследовании. Другое дело, что сами исследователи (и Бэкон в их числе), отягощенные предрассудками и пороками своего класса, готовы были подчас выдавать их за добродетельные достоинства. Но важна уже сама по себе постановка проблемы, важно понимание, что авторам, пишущим на этические темы, следует открыто и прямо говорить «о том, как обычно поступают люди, а не о том, как они должны поступать»¹⁹.

Разумеется, Бэкон не игнорирует проблему «должного», «идеального» поведения. О том, что эта проблема, обязательная для любого этического учения, всегда была в фокусе его внимания, свидетельствует и отмеченная выше заинтересованность в разработке учения об идеале, и конкретные взгляды по основным вопросам взаимоотношений между людьми.

В том, что Бэкон ставит перед этической наукой задачу скрупулезного описания реального поведения людей, особенно ярко проявляется земной, практический характер его философского и социального учения, стремящегося сорвать покров тайны со всех без исключения вещей и явлений. Уже одно это позволяет причислить Бэкона к тем деятелям эпохи Возрождения, которые «были всем чем угодно, но только не людьми буржуазно-ограниченными»²⁰.

В определении задач этики Бэкон следовал своему общенаучному эмпирико-индуктивному методу, изложенному в «Новом Ор-

¹⁶ De Augmentis, p. 732; ср.: Соч., т. 1, с. 404—405.

¹⁷ Ibid., p. 727; ср.: Соч., т. 1, с. 398.

¹⁸ De Augmentis, p. 729; ср.: Соч., т. 1, с. 401.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 346.

¹² De Augmentis, p. 542; ср.: Соч., т. 1, с. 389.

¹³ Ibid., p. 717; ср.: Соч., т. 1, с. 201.

¹⁴ De Augmentis, p. 718; ср.: Соч., т. 2, с. 461.

¹⁵ Essays, p. 495; ср.: Соч., т. 2, с. 461.

ганоне»²¹. В этике, как и в других сферах научного познания, Бэкон считал необходимым начинать с конкретно-эмпирических исследований (с «истории»), чтобы потом, обобщая их результаты, прийти к теоретическим выводам и построениям (к «философии»), которые, в свою очередь, дадут новые выходы в практику, а в случае с этикой могут стать основой для практических рекомендаций относительно поведения индивида в обществе.

Бэкон не случайно воздает хвалу Н. Макиавелли и его последователям, стремившимся, так же как и он, познать природу зла, без чего невозможно обеспечить надежную защиту добродетели. Только знание порочных представлений и принципов делает возможным их исправление.

Характерно замечание Бэкона, что «люди, испорченные и нечестные, убеждены в том, что честность и порядочность существуют только из-за какой-то неопытности и наивности людей... Поэтому они, пока не убедятся в том, что их дурные и порочные представления, извращенные и ошибочные принципы прекрасно известны не только им самим, но и тем, кто пытается их переубедить и исправить, отвергают всякую возможность честности и порядочности»²².

Намечая пути исследования практической морали, Бэкон ничего не говорит о критерии, которым следует руководствоваться при исправлении пороков в «должном» направлении, т. е., в конечном счете, о критерии истинности тех или иных представлений об «идеале», «добродетели» и других этических категориях, воплощающих некую абсолютизированную в соответствии с объективными потребностями общества норму поведения.

Тем не менее во взгляде Бэкона на исполнение человеком своих обязанностей перед обществом и другими людьми прослеживается явное отрицание релятивистского отношения к оценке того или иного поступка. Бэкон задается вопросом, который до и после него волновал многих философов-моралистов: «Допустимо ли отступать от справедливости ради блага родины или какого-нибудь другого выдающегося блага в будущем?» В отличие от точки зрения, изложенной в свое время Плутархом, что иногда оправдано поступать несправедливо, чтобы как можно чаще поступать справедливо, английский мыслитель полагает, что следует поступать справедливо в настоящем, поскольку одному лишь провидению известно, что будет справедливым в будущем²³.

Бэкон ставит перед будущими исследователями довольно обширную программу изучения черт человеческого характера, способностей и склонностей, в частности тех, которые формируются

²¹ В одном из заключительных афоризмов первой части «Нового Органона» Бэкон специально подчеркнул, что «подобно тому как общепринятая логика, которая распоряжается вещами посредством силлогизма, относится не только к естественным, но и ко всем наукам, так и наша логика, которая движется посредством индукции, охватывает все», включая этику и политику. (Novum Organum, p. 219—220; ср.: Соч., т. 2, с. 75—76).

²² De Augmentis, p. 730; ср.: Соч., т. 1, с. 402.

²³ De Augmentis, p. 731; ср.: Соч., т. 1, с. 403.

положением людей в обществе (характеры правителей и подданных, знатных и незнатных, богатых и бедных, государственных деятелей и частных лиц и т. п.), а также аффектов и страстей, считая последние «своего рода болезнями души»²⁴.

Стремление Бэкона классифицировать все и вся дает о себе знать и в этом вопросе. Ему хотелось бы не только выявить, и описать «простые элементы и отдельные черты характеров, соединение которых образует те или иные образы», но и «установить, сколько существует таких элементов, и черт, что они собой представляют и какие взаимные сочетания допускают»²⁵.

Бэкон дает высокую оценку описаниям аффектов, содержащимся у Аристотеля, а также в сочинениях стоиков, но полагает, что подлинными знатоками этого вопроса являются поэты и историки, показывающие, «как возбуждать и раскалять страсти, как их успокаивать и усыплять, как опять же сдерживать их и обуздывать, чтобы не дать вырваться наружу; как те же страсти, подавленные и скрытые, все же выдают себя, какие действия они совершают, как сменяют друг друга, каким образом взаимно переплетаются, как сражаются и противостоят друг другу»²⁶.

Это высказывание Бэкона позволяет увидеть, как в его этике сочетаются холодная рассудочность и признание существенной роли внерациональных, природных начал в человеке. По Бэкону, «человеческий разум (Intellectus) — не сухой свет, он окроплен волей и страстями»²⁷.

В отличие от добродетелей, источником которых является истинное благо, аффект проистекает из необузданного стремления к благу кажущемуся. Страсть «никогда не довольствуется имеющимся, — пишет Бэкон, — но с безграничным и ненасытным желанием стремится все дальше и постоянно жаждет нового»²⁸. Аффекты побуждают человека стремиться к нереальным целям, от которых многие люди, живущие во все времена, отказывались, убеждаясь в их недостижимости.

В числе наиболее сильных аффектов Бэкон называет наслаждение, которое составляет существенный момент многих этических концепций Ренессанса. Через признание наслаждения в качестве цели и движущей силы человеческой деятельности ренессансная мысль шла к постепенному отрицанию теологических мотиваций человеческого поведения.

Бэконовская трактовка наслаждения, не однозначная сама по себе, существенно отличается от тех, которые сложились в итальянском и, отчасти, французском гуманизме. По мнению английского мыслителя, наслаждение порождается богатством и изобилием либо веселым и приподнятым расположением духа²⁹. Счи-

²⁴ De Augmentis, p. 734; ср.: Соч., т. 1, с. 406—407.

²⁵ De Augmentis, p. 734; ср.: Соч., т. 1, с. 406—407.

²⁶ De Augmentis, p. 736; ср.: Соч., т. 1, с. 409.

²⁷ Novum Organum, p. 167—168; ср.: Соч., т. 2, с. 22.

²⁸ De Augmentis, p. 536; ср.: Соч., т. 1, с. 197.

²⁹ De Sapientia Veterum, p. 684; ср.: Соч., т. 2, с. 298.

тая стремление к наслаждению одним из наиболее пагубных соблазнов, которые преследуют человека, Бэкон не склонен разделять и пуританского отрицания идеи наслаждения, как таковой. Он лишь считает необходимым сдерживать стремление к наслаждениям и «взвешивать возможный результат своих действий»³⁰. Наслаждения предоставляют человеку возможность подвергнуть испытанию собственные добродетели и силу характера. Непременными следствиями наслаждений являются пресыщенность и отвращение³¹, несчастья и душевные невзгоды. Эти пагубные воздействия сказываются на судьбах не только отдельных людей, но и государств³².

В связи с анализом мифа о Прометее Бэкон высказывает свое понимание достойного образа жизни, который доступен лишь немногим и состоит в том, чтобы «удерживать преимущества предусмотрительности и освободиться от страданий, вызываемых тревогой и душевными волнениями»³³. Такой образ жизни становится возможным только «благодаря крепости и стойкости души, которая готова к любому течению дел, к любому жребию, которая смотрит вперед без страха, наслаждается без привередливости и терпеливо переносит страдания»³⁴. Влияние античных концепций наслаждения в духе стоицизма не вызывает сомнения. Не случайно Бэкон ссылается на Сенеку, подчеркивавшего важность слияния хрупкости человека с невозмутимым спокойствием бога³⁵. Бэкон отмечает при этом, что эти качества души носят не врожденный, а приобретенный благодаря воспитанию характер.

Заявляя о неприятии наслаждений низкого порядка, он провозглашает высшим благом человеческой природы тот тип наслаждения, который связан с поисками истины и ассоциируется с любовью к истине и уходом за ней, обладанием истиной и верой в нее³⁶. Именно поиск истины, составляющий основу всякой науки, отвращает человека от ложных наслаждений, заставляя его сдерживать свои аффекты и обдумывать возможные последствия вызванных ими действий и поступков. В последнем выводе Бэкон ближе всего к оптимистическому взгляду гуманизма на смысл и значение наслаждения. В целом же его трактовку наслаждения отличает рефлексия на издержки гуманистического культа наслаждения, выявлявшиеся в ходе противоречивого развития истории.

«Гнуснейшей из страстей», которая всегда творит свое дело во мраке и в тайне, на погибель добрым посевам³⁷, Бэкон именует зависть. Как и другие аффекты, зависть может проявляться и в

³⁰ Ibidem.

³¹ De Sapientia Veterum, p. 653; ср.: Соч., т. 2, с. 265.

³² De Sapientia Veterum, p. 674; ср.: Соч., т. 2, с. 287.

³³ De Sapientia Veterum, p. 675; ср.: Соч., т. 2, с. 288.

³⁴ Ibidem.

³⁵ De Sapientia Veterum, p. 675; ср.: Соч., т. 2, с. 286.

³⁶ Essays, or Counsels civil and moral. — In: Bacon F. The Works, vol. 6: N. Y., 1968, p. 378 (Далее — Essays); ср.: Соч., т. 2, с. 355.

³⁷ Essays, p. 397; ср.: Соч., т. 2, с. 371.

частной, и в общественной жизни. Бэкон подробно анализирует оба аспекта, особое внимание уделяя тому виду зависти, который ближе к ненависти и недовольству. Подобная зависть пагубно сказывается на государственных делах, способствуя формированию различного рода оппозиционных сепаратистских группировок. Этому аспекту «зависти-ненависти» Бэкон уделил немало страниц «Истории Генриха VII», что придало произведению черты морально-политического опыта, основанного на историческом материале.

Под свое неприятие «губительных страстей» Бэкон подводит своеобразную материальную базу, утверждая в опыте «О поддержании здоровья», что «один из лучших рецептов долгой жизни — это пребывать в свободном и жизнерадостном расположении духа». «Избегай зависти, тревожных страстей, затаенного гнева, тонкого и путанного самоанализа, чрезмерных радостей и веселий, неразделенной печали», — наставляет он читателя «Опытов». «Питай надежды; испытывай скорее спокойное веселье, чем буйную радость; стремись скорее к разнообразию удовольствий, чем к их излишеству, переживай удивление и восхищение от знакомства с новшествами»³⁸, и т. п. Этот призыв к получению «положительных эмоций» вполне согласуется с этическими и натурфилософскими теориями Ренессанса о необходимости жить в согласии с добрыми началами природы. Уместно в этой связи напомнить, что Мор, характеризуя нравственный климат идеального общества утопийцев, отмечает, что жители Утопии определяют добродетель как «жизнь в соответствии с природой»³⁹.

Придавая большое значение аффектам и страстям, Бэкон далек от того, чтобы считать человека их рабом. Цель этики, считает он, в том и состоит, «чтобы так успокоить аффекты, дабы они служили разуму, а не воевали с ним»⁴⁰. Собственно говоря, с «усмирения» аффектов и начинается воспитание души. Воспитание должно внести разумное, рациональное начало в природную стихию человека, обуздать страсти и пороки, подчинив их сознательно избранной линии поведения, призванной обеспечить жизненный успех. Проблема «успокоения» аффектов входит составной частью в учение о воспитании души. В целом взгляд Бэкона на проблему воспитания души сводится к тому, что человек избирает и ставит перед собой «правильные», «согласующиеся с добродетелью» и к тому же достижимые цели всей жизни и отдельных поступков. Нравственное воспитание должно привить человеку способность поддерживать и охранять общественные связи. Оно в конечном счете служит наиболее полному осуществлению общественного блага.

По мнению Бэкона, громадное воздействие на формирование характера и стремлений человека оказывают такие факторы, как «привычки, упражнения, навыки, воспитание, подражание, сопер-

³⁸ Essays, p. 453; ср.: Соч., т. 2, с. 423.

³⁹ Мор Т. Утопия. М., 1978, с. 212.

⁴⁰ De Augmentis, p. 671; ср.: Соч., т. 1, с. 335.

ничество, общение, дружба, похвала, упрек, уговоры, молва, законы, книги, занятия» и т. п. «Именно из этих ингредиентов,— пишет Бэкон,—составляются, если можно так выразиться, лекарства, предназначенные для поддержания и восстановления душевного здоровья»⁴¹. Сам он в трактате «О достоинстве и приумножении наук» и «Опытах» подробно анализирует влияние привычки и навыка (*habitus*). Их роль, полагает он, настолько велика, что в большинстве случаев они оказываются сильнее природы и обязательств, которые берет на себя человек. «Люди,— пишет он,—думают сообразно природным наклонностям, говорят сообразно познаниям и внушенным мнениям, но поступают они сообразно привычке»⁴². В этой оценке роли обычая и привычки Бэкон солидаризуется с мнением Макиавелли, полагавшего, что нельзя доверять ни силам природы, ни силам красноречия, если к ним не присоединяется привычка. Впрочем, Бэкон считает «гнусным» пример, который приводит Макиавелли в обоснование своего вывода: для обеспечения успешного заговора следует делать ставку на таких людей, которые уже запятнали себя кровью в прошлом. Сам он считает, что «коль скоро обычай является главным правителем человеческой жизни, то и надлежит все силы устремить к установлению хороших обычаев»⁴³. Воспитание привычек, по убеждению Бэкона, должно способствовать утверждению добродетели как главного качества человеческой личности.

При этом Бэкон обращает внимание на тесную связь нравственных качеств индивида с общественными условиями, подчеркивая, что «умножение добродетели в человеческой натуре зависит от хорошего устройства общества»⁴⁴.

Не случайно поэтому в рамках бэконовского разделения наук проблемы этики оказываются также и в ведении так называемых гражданских наук, включающих учение об обхождении, учение о деловых отношениях и учение о правлении, или о государстве. По крайней мере два первых раздела гражданской науки предполагают рассмотрение вопросов практической этики — от внешних манер до искусства делать карьеру.

Что касается гражданской философии и науки о государстве, то они также проникнуты нравственным началом, которое диктует людям «любовь к добродетели, справедливости и миру, побуждает народы объединиться, принять на себя ярмо законов, подчиниться власти и, покорно слушая наставления науки, забыть о необузданных аффектах»⁴⁵. Разумеется, задачи собственно этики и гражданской науки существенно разнятся между собой. Если последняя требует от человека лишь соблюдения внешней порядочности, то этика ставит своей целью «пропитать и наполнить душу внутренней порядочностью»⁴⁶.

⁴¹ De Augmentis, p. 737; ср.: Соч., т. 1, с. 409—410.

⁴² Essays, p. 470; ср.: Соч., т. 2, с. 439.

⁴³ Essays, p. 471; ср.: Соч., т. 2, с. 440.

⁴⁴ Essays, p. 472; ср.: Соч., т. 2, с. 441.

⁴⁵ De Sapientia Veterum, p. 648; ср.: Соч., т. 2, с. 260.

⁴⁶ De Augmentis, p. 746; ср.: Соч., т. 1, с. 419.

Тем не менее все проблемы этики в бэконовской интерпретации имеют отчетливую социальную окраску. Этическое не мыслится вне социального. Это не значит, конечно, что этические императивы подменяют конкретный анализ социальных отношений. Наоборот, анализ мотивов, которыми руководствуются люди в процессе своей социальной деятельности, дополняет у Бэкона анализ исторический и политический, а обнаружение социальных, политических аспектов этических категорий, позволяющее объяснить приверженность отдельного индивида или группы людей тому или иному этическому, поведенческому принципу, лишает этику присущей ей раньше некоей надмирности и вневременности.

Поэтому к Бэкону можно в полной мере отнести слова К. Маркса и Ф. Энгельса, сказанные ими о Макиавелли, Гоббсе, Спинозе, Бодене и других мыслителях нового времени, в трудах которых «теоретическое рассмотрение политики освобождено от морали, и по сути дела был выдвинут лишь постулат самостоятельной трактовки политики»⁴⁷, благодаря чему обнаружилась зависимость социальных и политических явлений «от лежащей в их основе эмпирической действительности»⁴⁸ и стало возможным превращение политики в науку. Освобождение теоретического рассмотрения политики от морали означало, на наш взгляд, отказ от привнесения в социально-политический анализ абстрактных морально-теологических императивов и критериев. Вместе с тем такое «освобождение» не освобождало исследователя от необходимости вынесения нравственной оценки деятельности государей и политиков.

Другими словами, освобождение политики от морали заставляло «политизироваться» саму этику. У Бэкона этика становится наряду с политикой составной частью единой науки (или комплекса наук) о человеке и окружающем мире.

О конкретных формах «политизаций» этики, о превращении ее в этику социальную свидетельствует, например, бэконовская трактовка доброты. Бэкон разделяет общее убеждение гуманистов, что доброта представляет собой глубочайшее свойство человеческой природы, но свойство, далеко не абсолютное. «В некоторых людях и даже в природе существует естественное к нему расположение, как существует, с другой стороны, и природная злобность, по природе своей не терпящая чужого благополучия»⁴⁹. Для Бэкона характерно понимание тесной сопряженности добра и зла, благоденствия и несчастья, их неодинакового (в каждом отдельном случае) воздействия на человека, равно как и различной реакции индивидов на такое воздействие. В трактовке этих (как, впрочем, и многих других) этических проблем проявляются диалектические черты, присущие бэконовскому философскому учению.

⁴⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 314.

⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 319.

⁴⁹ Essays, p. 404; ср.: Соч., т. 2, с. 378—379.

в целом⁵⁰. Бэкон считает, что «благоденствие лучше всего обнаруживает пороки человека, бедствия же выявляют его добродетели»⁵¹. Уходящая корнями в многовековые представления народа, эта мудрость, переведенная на язык социально-этического трактата, не потеряла заложенного в ней глубокого смысла. Бэкон убежден, что «добродетель подобна драгоценному камню, который лучше всего выглядит в простой оправе»⁵². Она не нуждается в дополнительных украшениях и говорит сама за себя. Он считает, что и «в благоденствии есть свои страхи и огорчения, а беды не лишены утешений и надежд»⁵³. Оптимистический взгляд на трудности и несчастья, неизбежные в человеческой жизни, преодолеть которые надлежит самому человеку, рождают одну из самых важных этических максим английского мыслителя: «Говоря без поэтических прикрас, высшей добродетелью должно считать: в благоденствии — умеренность, в бедствиях же — стойкость, наиболее героическую из добродетелей»⁵⁴. Восходящая к этическим воззрениям Сенеки и поздней Стои, эта максима впитала в себя социальный опыт бэконовской эпохи с ее глубокими социальными потрясениями, оказывавшими существенное влияние на формирование человеческих характеров и судеб и служивших естественным испытанием на прочность не только тех или иных моральных формул, но и той степени искренности и убежденности, с какой различные индивиды этим формулам следовали. С другой стороны, эта максима вполне могла быть истолкована и в духе христианских представлений о брэнности человеческого существования, о необходимости безропотно сносить все тяготы земной юдоли, выпавшие на долю не только отдельных индивидов, но и целых классов и сословий.

Что касается доброты, то Бэкон считает ее величайшей из всех добродетелей, роднящих человека с божеством: «без нее человек — лишь суетное, вредоносное и жалкое создание, не лучше пресмыкающегося»⁵⁵.

Бэкон называет легковесным употребление в отношении понятия «доброта» термина «гуманность», предпочитая греческое слово «филантропия», более точно передающее сущность доброты, заключающуюся в заботе и благе других людей⁵⁶.

⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 143; см. также: Михаленко Ю. П. Бэкон. — В кн.: История диалектики XIV—XVIII вв. М., 1974.

⁵¹ Essays, p. 386; ср.: Соч., т. 2, с. 363.

⁵² Essays, p. 480; ср.: Соч., т. 2, с. 450.

⁵³ Essays, p. 386; ср.: Соч., т. 2, с. 363.

⁵⁴ Essays, p. 386; ср.: Соч., т. 2, с. 362.

⁵⁵ Essays, p. 403; ср.: Соч., т. 2, с. 377.

⁵⁶ Это бэконовское уточнение стоит того, чтобы сделать отступление и остановиться на нем подробнее. В предпочтении, которое Бэкон отдает греческому термину, могло сказаться специфическое содержание латинского термина «humanitas», приобретенное в эпоху Возрождения. Итальянские гуманисты, заимствовавшие термин «humanitas» у Цицерона, употреблявшего его в значении «philantropia», понимали под ним изучение и усвоение богатого культурного наследия греко-римской античности, противопоставленного «studia divina» средневековья. В таком контексте термин «humanitas» не имел четко выраженной

Как положительное моральное качество доброта не может быть излишней, но ее проявления, по мнению Бэкона, нередко сопровождаются разного рода заблуждениями, проистекающими из свойств человеческой природы. Стремясь упредить подобные заблуждения, Бэкон выдвигает несколько тезисов, представляющих причудливую, но вполне объяснимую в социальном плане смесь христианских заповедей, «отредактированных» в духе протестантской Реформации XVI в., и гуманистических максим, приспособленных ко вкусам предпринимателей и политиков эпохи первоначального накопления капитала. «Стремись к благу ближних, — провозглашает Бэкон, — но не будь рабом их прихотей или притворства»⁵⁷.

Дополняя эту мысль ссылками на Священное писание, Бэкон переносит рассуждения в сферу социальных отношений. Господь «не изливает богатств и почестей на всех без различия», — замечает он и уточняет: «Необходимое должно быть доступно всем, но особые блага надлежит распределять с разбором»⁵⁸. В этой формуле — основа основ социальной этики не только самого Бэкона, но и последующих английских моралистов XVII—XVIII вв., приспособивших этические постулаты христианства и гуманизма к интересам буржуазно-дворянских классов новой эпохи. Принцип доброты как естественного качества человеческой природы — своеобразное предшествование будущих теорий естественного права — под пером идеолога буржуазно-дворянских классов Англии XVII в. служит, таким образом, для обоснования «справедливости» самого основного принципа любого эксплуататорского общества — принципа социального неравенства. Это обстоятельство в любом случае приходится учитывать, анализируя бэконовскую трактовку справедливости вообще, включая его готовность считать справедливость врожденным чувством человека⁵⁹.

В трактате «О достоинстве и приумножении наук» Бэкон приводит аристотелевский тезис, согласно которому справедливость распределения требует «воздать неодинаковое неодинаковым»⁶⁰. Идеальное общество бенсалемитов, картину которого Бэкон соз-

этической окраски, которая изначально присуща термину «philantropia». Возможно, Бэкон стремился еще и к тому, чтобы избежать напрашивающегося при употреблении термина «humanitas» противопоставления его термину «divinitas». Такое предположение не лишено основания хотя бы потому, что филантропией может быть наделен и бог; более того, в христианской традиции жертвенный акт Христа во искупление грехов человеческих рассматривается как высшее проявление филантропии. Именно в значении, близком к «филантропии», употребляли термин «humanitas» стоики и раннехристианские писатели, лишая его аристократического оттенка, который он имел у Цицерона. Таким образом, терминологическое уточнение, сделанное Бэконом в связи с рассуждением о доброте, дает дополнительный материал, позволяющий судить о сложном характере его отношения к наследию прошлого и о далеко не однозначном характере взаимодействия аристократических и демократических черт его философии.

⁵⁷ Essays, p. 404; ср.: Соч., т. 2, с. 378.

⁵⁸ Ibid.

⁵⁹ Essays, p. 450; ср.: Соч., т. 2, с. 450.

⁶⁰ De Augmentis, p. 541; ср.: Соч., т. 1, с. 200.

дал в одном из поздних своих сочинений — «Новой Атлантиде», в полном соответствии с представлением мыслителя о справедливости не знает (в отличие от «Утопии» Т. Мора) имущественного равенства, а распределение благ в нем производится в зависимости от достоинства семей.

С проблемой доброты и справедливости тесно связана и этическая оценка таких социальных явлений, как богатство и бедность, выдержанная в традиционно гуманистическом духе. Бэкон начинает опыт «О богатстве» словами: «Не могу назвать богатство иначе как обузой добродетели»⁶¹, а в трактате «О достоинстве и приумножении наук» замечает: «Можно с полным правом сказать, что бедность это судьба добродетели»⁶². Но и в том, и в другом случае он не ограничивается только этими категорическими утверждениями, но своеобразно поясняет их. «Богатство для добродетели, — говорится в опыте «О богатстве», — то же, что обоз для армии: без него не обойтись, нельзя так же и бросить его, но он затрудняет движение, а забота о нем стоит подчас победы»⁶³. Точно так же вслед за характеристикой бедности как судьбы добродетели следует замечание, что бедность может быть и «результатом роскоши и беспечности»⁶⁴.

Бэкон, таким образом, склонялся к тому, что сами по себе богатство и бедность не имеют никакой этической окраски. Моральная оценка богатства, например, ставится им в зависимость либо от способа, каким оно приобретено, либо от того, как владелец им распоряжается. С одной стороны, Бэкон повторяет слова Соломона, осуждающего стремление к богатству, а с другой — предостерегает своих читателей от излишней веры тем, кто заявляет о своем презрении к богатству, «ибо презирают его те, кто отчаялся его добыть; и нет их хуже, когда случается им вдруг разбогатеть»⁶⁵.

Признавая, что большинство способов добиться богатства носят гнусный характер, Бэкон одобрительно отзывается о тех способах, которые связаны с предпринимательской деятельностью. Вслед за другими гуманистами Бэкон видит моральное оправдание богатства в возможности его обладателя прийти на помощь нуждающимся. Характерно, что благотворительность, понимаемая как форма проявления доброты и выражающаяся в готовности (и способности) «творить благо», оказывая поддержку терпящим нужду, является одним из главных социальных принципов общества «Новой Атлантиды».

На этом можно было бы закончить рассмотрение вопроса об отношении Бэкона к проблеме богатства и бедности, если бы не одна деталь. Высказывания о богатстве и бедности, содержащиеся в трактате «О достоинстве и приумножении наук», непосред-

венно связаны с рассуждениями о роли науки в жизни общества. Естественно, что в этих рассуждениях гуманистические начала бэконовского мировоззрения, поднимающиеся над непосредственными, сиюминутными интересами предпринимательских кругов Англии, проявляются наиболее полно.

Бэкон подвергает уничижительной критике мнение, будто в науках нет никакой нужды, поскольку занятие ими не ведет к увеличению богатств. Он язвительно замечает, что ученые люди действительно «не умеют так быстро разбогатеть, как это происходит с теми, кто единственной целью в жизни делает наживу», и продолжает: «Богатство и великопение жизни правителей и знати уже давно могли бы выродиться в варварство и грязный разврат, если бы не эти самые бедняки-ученые, которым правители обязаны развитием культуры и нравственности в жизни»⁶⁶.

Бэкон не только морально реабилитирует бедность ученых своего времени, имевших по большей части незнатное происхождение, но и превращает науку, знания в мерило нравственного содержания богатства и бедности: «Богатства следует тратить для того, чтобы приобрести знания, а не употреблять знания на то, чтобы приобрести богатства»⁶⁷.

Возможность делать добро людям служит, по мнению Бэкона, оправданием и такого морального качества, как властолюбие. «Добрые помыслы, конечно, угодны богу, но людям от них не более проку, чем от сладостных снов, пока помыслы не воплощены в дела»⁶⁸. Поэтому очень часто единственную возможность для претворения добрых пожеланий в жизнь дает именно высокая должность, хотя сама по себе, не подкрепленная добрыми моральными принципами, она может быть употреблена и во зло другим людям. «В этом смысле она — проклятие, — замечает Бэкон, — ибо, чтобы уберечься от зла, мало не хотеть его, надо еще и не мочь»⁶⁹. Замечание это имеет прямое отношение к вопросу о природе добра и зла, их роли в людских делах.

Особое место в этическом учении Бэкона занимают рассуждения об искусстве делать карьеру. Любимые афоризмы философа — «каждый человек — кузнец собственного счастья» и «человек — мастер своей судьбы» — кратко, но точно выражают его жизненное кредо, главный постулат его этики. Для Бэкона не существует проблемы всеильной и непознанной Фортуны, действию которой человек обязан своими удачами и неудачами. «Судьба человека, замечает он, — находится в его собственных руках»⁷⁰. Если Фортуна, которая представляется людям слепой, и существует, то она может и должна быть подчинена человеку, поставлена на службу его интересам, его целям.

⁶⁶ De Augmentis, p. 300; ср.: Соч., т. 1, с. 96—97.

⁶⁷ Ibid. (Разработка Бэконом этических проблем науки представляет собой самостоятельную тему и в данной статье рассматривается лишь в той степени, в какой она имеет отношение к общим проблемам его этического учения).

⁶⁸ Essays, p. 399; ср.: Соч., т. 2, с. 374.

⁶⁹ Ibidem.

⁷⁰ Essays, p. 472; ср.: Соч., т. 2, с. 441.

⁶¹ Essays, p. 460; ср.: Соч., т. 2, с. 429.

⁶² De Augmentis, p. 444; ср.: Соч., т. 1, с. 97.

⁶³ Essays, p. 460; ср.: Соч., т. 2, с. 429.

⁶⁴ De Augmentis, p. 444; ср.: Соч., т. 1, с. 97.

⁶⁵ Essays, p. 462; ср.: Соч., т. 2, с. 432.

«Нет ничего более умного, чем заставить колеса собственного ума вращаться вместе с колесом Фортуны», — заявляет Бэкон в трактате «О достоинстве и приумножении наук»⁷¹. Это убеждение Бэкона, конечно, наследует наиболее реалистичные тенденции в трактовке Фортуны, которые были присущи передовым мыслителям итальянского Ренессанса. Но в отличие от последних, Бэкон порывает с грузом представлений о судьбе, восходящих к мифопоэтическим традициям прошлого, которые рассматривали ее как внешнюю по отношению к человеку и принципиально непознаваемую силу⁷².

Характерно, что именно греческий миф о парках, прядущих нить судьбы, служит Бэкону удобным поводом для того, чтобы изложить уже не только социально-этическое, но и натурфилософское понимание судьбы как категории, которая «охватывает и происхождение, вещей, и их существование, и их гибель, равно как и упадок, и возвышение, страдание и счастье, наконец, вообще любое состояние индивидуума», источником которого является природа вещей⁷³.

По убеждению Бэкона, натурфилософское понятие судьбы «великолепно совпадает с понятием мироздания». В отличие от внешней стороны явлений природы, судьба, т. е. внутренняя сущность того или иного явления, может быть скрытой, неожиданной, до поры до времени неразгаданной, непонятной, необъяснимой. Однако, в принципе, она познаваема и объяснима благодаря тому, что вписывается в единую каузальную цепь бытия, «ибо в природе нет ничего столь незначительного, что не имело бы своей причины, и, с другой стороны, нет ничего столь великого, что, в свою очередь, не зависело бы от чего-то другого», «что было бы свободно от естественной взаимности вещей»⁷⁴.

Благодаря такой постановке вопроса Бэкон лишает древнее понятие судьбы таинственного, иррационального начала, фактически заменяя его универсальным принципом детерминизма, действующим как в сфере природы, так и в сфере взаимоотношений между людьми. При этом надо иметь в виду, что подобная замена объективно означала мощный рывок из сферы слепой необходимости в сферу свободы, основанной на познании объективного мира. Не случайно, называя «безбожными» и «безумными» слова Эпикура о том, что «лучше верить басням о богах, чем покоряться судьбе»⁷⁵, Бэкон признает, что «приспосабливая свою естественную философию к нуждам своей этики..., он полностью освободился от тяготеющего над людьми ига, отбросив прочь как неизбежность судьбы, так и страх перед богами»⁷⁶. Заметим лишь, что и

⁷¹ De Augmentis, p. 784; ср.: Соч., т. 2, с. 464.

⁷² См.: Карев В. М. Судьба. — В кн.: Мифы народов мира, т. 2. М., 1982, с. 471—474.

⁷³ De Augmentis, p. 524; ср.: Соч., т. 1, с. 182.

⁷⁴ De Augmentis, p. 524; ср.: Соч., т. 1, с. 183.

⁷⁵ См.: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979, с. 436.

⁷⁶ De Augmentis, p. 524; ср.: Соч., т. 1, с. 183.

сам Бэкон, как мы видим, тесно сопрягает натурфилософское и социально-этическое толкование судьбы, что позволяет ему вписать деятельность «выдающихся индивидуумов, будь то человек, или город, или народ»⁷⁷, в общую картину живой, развивающейся по своим собственным законам Вселенной.

Но вернемся к собственно этическим проблемам, связанным с трактовкой жизненной судьбы. Бэкон разрабатывает целую систему приемов, навыков и действий, облегчающих достижение счастья, сводя его в конечном счете к успешной деловой карьере, к тому самому преуспеянию, которое позднее станет этической максимой английских моралистов XVII в. Счастье, по убеждению философа, достойно уважения и почитания хотя бы из-за того, что оно порождает уверенность человека в самом себе, укрепляет его репутацию и, следовательно, статус в обществе.

Чтобы добиться счастья, полагает Бэкон, человек должен познать «самого себя», тщательно «взвесить и оценить собственные способности, достоинства и преимущества, а также и свои недостатки, неспособность к тем или иным видам деятельности и вообще все, что может ему мешать, стараясь при этом анализе всегда преувеличивать свои недостатки и преуменьшать достоинства по сравнению с действительными»⁷⁸. Критерием самопознания, по мнению Бэкона, может служить в первую очередь соотношение характера и природных качеств каждого индивида с характером времени, в котором он живет. Время — действующий компонент всех сторон мировоззрения Бэкона, будь то его натурфилософские или исторические взгляды. В данном случае оно играет роль своеобразной шкалы этических ценностей, с которой должен соотноситься каждый индивид.

В общефилософском плане он рассматривает Истину как дочь Времени; также и этическая Истина, обязательная для каждого индивида, является дочерью данного конкретного Времени, его нравов и обычаев. Это не значит, что человек должен стать рабом Времени. Напротив, призывая развивать в своей душе «способность приспосабливаться и подчиняться обстоятельствам», он имеет в виду выработку умения менять методы своих действий и манеру поведения в соответствии с меняющимися обстоятельствами⁷⁹.

⁷⁷ Ibidem.

⁷⁸ De Augmentis, p. 777—778; ср.: Соч., т. 1, с. 456.

⁷⁹ De Augmentis, p. 783; ср.: Соч., т. 1, с. 463. Вряд ли есть необходимость в жесткой оценке этого положения бэконовской этической концепции. Скорее всего, она требует от исследователя такой же гибкой оценки в зависимости от тех самых конкретных обстоятельств, в которых это положение может применяться. Во всяком случае, те примеры, которые для его обоснования приводит сам Бэкон, не оставляют сомнения в правильности такой постановки вопроса. На наш взгляд, речь здесь идет не только, а может быть, и не столько, об определенном этическом принципе, сколько о некоей психологической закономерности человеческого поведения, психобиологическом механизме приспособления человека к постоянно меняющимся условиям окружающей его социальной среды, механизме, действие которого не может не иметь и ярко выраженной этической окраски.

Бэкон отдает отчет в том, что характер человека может и совпадать, и не совпадать с моральными императивами его эпохи. В одних случаях это способствует, а в других препятствует успеху. Но Бэкон убежден, что при любых условиях точное знание нравов эпохи и наклонностей своего характера позволяет индивиду добиться гораздо больших успехов в своей личной деятельности, чем при отсутствии такого знания. В частности, человек может выбрать из всех занятий, соответствующих его характеру и образу жизни, то, которое в данное время наиболее распространено и особенно ценится (или, как сказали бы в XX в., наиболее престижно)⁸⁰. При этом Бэкон советует постоянно сравнивать себя со своими сверстниками и соперниками, которые «вполне могут оказаться... конкурентами в жизненной борьбе», и после такого сравнения выбрать себе ту область занятий, где «особенно ощущается недостаток людей выдающихся и где вполне вероятно, что ты сможешь особенно выделиться среди остальных»⁸¹.

Немаловажным и более того достойным уважения Бэкон считает умение подчеркивать «свои достоинства, заслуги и даже удачливость», одновременно скрывая «свои пороки, недостатки, неудачи и поражения»⁸². Это умение способствует утверждению позитивной репутации человека, помогая ему завоевывать расположение власти имущих. «Вообще, говоря по чести, слава, известность — суть внешнее выражение добродетелей и достоинств человека»⁸³.

Бэкон самым подробным образом рассматривает способы, позволяющие скрыть от окружающих свои недостатки — предосторожность, приукрашивание, наглость. Если два первых не нуждаются в специальном пояснении, то на третьем следует остановиться подробнее. Бэкон не отрицает, что наглость сама по себе постыдна, но тем не менее считает, что она наиболее эффективно способствует установлению нужной репутации. При этом он различает два вида наглости. Первый «состоит в том, чтобы заявлять о своем полном презрении и пренебрежении к тому, чего на самом деле мы не в состоянии достичь»⁸⁴. Второй, по замечанию философа, еще более постыдный, чем первый, предполагает нарочитую, вопреки сложившимся представлениям, демонстрацию своих недостатков, «как будто бы ты обладаешь выдающимися достоинствами в том, что является твоим самым слабым местом» и одновременно для вящей убедительности, изображать неспособность в тех вопросах, в которых достиг определенного совершенства⁸⁵.

В опыте «О притворстве и лицемерии» Бэкон вновь возвращается к проблеме, какими способами можно скрыть и завуалировать свое истинное лицо. Воздавая должное правдивости и откоро-

венности, он считает эти качества принадлежностью наиболее даровитых людей, которые подобно тренированным коням знают направление своих действий, где нужно остановиться или свернуть в сторону. Но и они не могут избежать в исключительных ситуациях скрытности и притворства. Что же до остальных людей, то для них исключение становится правилом.

«Лучше всего, — полагает Бэкон, — сочетать добрую славу человека чистосердечного, привычку к сдержанности, при случае — способность к скрытности, а в крайней нужде и к притворству»⁸⁶, необходимому, чтобы сохранить тайну, тем более что упорное и нелепое молчание может обнаружить, куда человек склоняется в своих мыслях. В чрезвычайных обстоятельствах он считает допустимым даже лицемерие и лживость, которые в обычных условиях рассматриваются как пороки.

Становящееся на ноги общество нового времени диктовало индивиду мораль своеобразной круговой обороны и готовности перейти в наступление против себе подобных индивидов. Доброта и мягкость характера оборачивались против их обладателя, делая его «безоружным перед нападками и оскорблениями со стороны других». Вот почему, тонко чувствуя моральный климат своего времени, Бэкон советует индивиду «при всех обстоятельствах время от времени пускать в ход стрелы ума свободного и благородного, способного быть не только сладостным, но и ядовитым»⁸⁷. Уточнение — «ума свободного и благородного» — примечательно. В нем ощущается гуманистический взгляд на человека, но человека, жизненная среда которого была далеко не гуманистической.

В совете Бэкона уже угадывается предпосылка жесткого и лишнего какого бы то ни было ренессансного настроения вывода, сделанного позднее его учеником Т. Гоббсом, о том, что современное ему общество характеризуется войной всех против всех. Сам Бэкон в силу укорененности в ренессансной культуре, с одной стороны, и вследствие меньшей развитости подмеченных Гоббсом тенденций общественного развития — с другой, вряд ли был склонен неукоснительно следовать собственному совету. В целом его этической теории, как, впрочем, и жизненной практике, несвойственны настроения экстремизма. Из двух отмеченных выше аспектов — обороны и наступления против себе подобных — он предпочитал позицию оборонительную: «Нет ничего разумнее, чем придерживаться некоей мудрой и здоровой середины в раскрытии или сокрытии своего отношения к тому или иному частному поступку или действию»⁸⁸.

Бэконовская позиция «золотой середины» более пришлась по душе буржуазным моралистам просветительской эпохи, нежели концепция Гоббса о войне всех против всех, несшая на себе отпечаток политических бурь середины XVII в. «Трезвенная» мораль английской буржуазии XVIII в. нашла в этических максимах,

⁸⁰ De Augmentis, p. 778; ср.: Соч., т. 1, с. 456.

⁸¹ De Augmentis, p. 778; ср.: Соч., т. 1, с. 457.

⁸² De Augmentis, p. 779; ср.: Соч., т. 1, с. 458.

⁸³ Essays, p. 505; ср.: Соч., т. 2, с. 471.

⁸⁴ De Augmentis, p. 781; ср.: Соч., т. 1, с. 460.

⁸⁵ De Augmentis, p. 781—782; ср.: Соч., т. 1, с. 461.

⁸⁶ Essays, p. 389; ср.: Соч., т. 2, с. 365.

⁸⁷ De Augmentis, p. 782; ср.: Соч., т. 1, с. 461.

⁸⁸ De Augmentis, p. 782; ср.: Соч., т. 1, с. 461.

точнее сказать в этических «середирах», Бэкона источник для формулирования своих собственных этических норм и идеалов, умеренность которых была их главным, если не единственным, достоинством.

Может быть, более других ближе к буржуазной морали нового времени бэконовский совет «не плыть против течения». Поясняя его, Бэкон указывал: «Нужно внимательно оглядеться по сторонам и посмотреть, где дорога открыта, а где загромождена и непроходима, где путь пологий, а где крутой, и не тратить попусту свои силы там, где нет удобного доступа к цели»⁸⁹. В ряду советов такого рода находятся также рассуждения о том, что не следует «слишком сильно связывать себя с каким-нибудь делом», а, наоборот, «нужно иметь наготове либо открытое окно, чтобы выпрыгнуть, либо какую-нибудь потайную дверь, чтобы скрыться»⁹⁰.

Впрочем, надо отдать должное нашему автору. Сам он следовал далеко не всем своим советам. Так, замечая, что искусство строить свое счастье запрещает заниматься делами, которые требуют большого времени, он противопоставляет деятельность юристов, ораторов, писателей и всех остальных людей, посвятивших себя «трудным и сложным профессиям», которые в силу погруженности в свои профессиональные дела далеко не всегда могли изыскать время для того, чтобы путем разного рода хитросплетений улучшить свое благосостояние, образу жизни той многочисленной когорты людей, которая обладает «исключительными способностями в том, что касается умения устраивать свое собственное счастье и благосостояние и разрушать чужое»⁹¹. Трудно не уловить сарказма в характеристике, которую дает этой категории «деятели» Бэкон, замечая, что «они не заняты никакой общественно полезной деятельностью, но все свои усилия целиком сосредоточили на том самом искусстве преуспевающего, о котором идет речь»⁹².

После этих слов может возникнуть сомнение, насколько серьезно Бэкон рассматривал и остальные свои советы и предписания. Думается, однако, что такого рода сомнения были бы необоснованными хотя бы уже потому, что негативное отношение автора к декларируемым принципам встречается у Бэкона весьма редко. К тому же для всех философских и политических трактатов Бэкона характерно стремление рассмотреть изучаемый предмет со многих сторон, собрать воедино и взвесить все возможные доводы, даже если они противоречат друг другу.

В бэконовском учении об искусстве делать карьеру, как и в других аспектах его этических построений, в целом дает себя знать переходный характер его мировоззрения, сочетающего в себе живые элементы ренессансного гуманизма и идущего ему на

смену буржуазного мировоззрения более поздней эпохи. Сам Бэкон относил приведенные им наставления «к числу тех, которые называются честными», и противопоставлял их некоторым советам Н. Макиавелли и ряда античных авторов, воплощающим в себе некую «извращенную мудрость». При этом он подчеркивает, что человек, который последовал бы советам этих писателей и тем самым полностью отсекся от «всех законов милосердия и добродетели и посвятил себя целиком заботам об устройстве собственного благосостояния», сумел бы быстрее и успешнее упрочить свое положение в обществе и богатство. Бэкон убежден, что недостойно человека прибегать в качестве средства для достижения личного успеха к бесчестию и пороку. «Само бытие, — полагает Бэкон, — без нравственного бытия есть проклятие, и чем значительнее это бытие, тем значительнее это проклятие; и самой высокой наградой добродетели является сама добродетель, точно так же как самой страшной казнью за порок является сам порок»⁹³. Апеллируя для обоснования этого своего этического кредо как к положениям философии, так и к библейским текстам, Бэкон тем не менее остается последователем и продолжателем этической традиции ренессансного гуманизма. В конечном счете главным условием достижения и приумножения каждым индивидуумом своего счастья Бэкон считает силу души, т. е. личные качества человека (талант, мужество, отвагу, стойкость, скромность, трудолюбие и т. п.), которые он в данном случае ставит даже выше денег и других материальных средств⁹⁴. В этом своем выводе Бэкон в гораздо большей степени человек Ренессанса, чем Нового времени. Ренессанса, еще не знающего твердых и устоявшихся социальных градаций, верящего в возможность изменения каждым индивидуумом его социального статуса и настойчиво ищущего «путь вверх». Он еще способен заявить: «Наслаждаться счастьем — величайшее благо, обладать возможностью давать его другим — еще большее»⁹⁵. Однако, как явствует из всего хода бэконовских рассуждений, этой возможностью может обладать лишь человек, достигший определенного положения на социальной лестнице. Другими словами, счастье, взятое и в общественном аспекте, чревато индивидуалистическими чертами. «Индивидуализм, — замечает Ю. М. Сапрыкин, — пронизывает всю этику Бэкона и достигает в ней своего яркого выражения»⁹⁶. При этом индивидуализм, как основной постулат этики, приобретает у Бэкона новые, отличные от гуманистических, мы бы сказали, приземленные черты. Следуя своему принципу — показывать явление таким, какое оно есть, а не таким, каким оно должно быть, Бэкон приходит к выводу о необходимости сосредоточиться на своем «Я», даже если такая сосредоточенность вступает в противоречие с окружающей средой.

⁸⁹ De Augmentis, p. 786; ср.: Соч., т. 1, с. 466.

⁹⁰ De Augmentis, p. 788; ср.: Соч., т. 1, с. 468.

⁹¹ De Augmentis, p. 785; ср.: Соч., т. 1, с. 467.

⁹² Ibidem.

⁹³ De Augmentis, p. 790; ср.: Соч., т. 1, с. 470.

⁹⁴ De Augmentis, p. 785; ср.: Соч., т. 1, с. 465.

⁹⁵ De Augmentis, p. 691; ср.: Соч., т. 1, с. 359.

⁹⁶ Сапрыкин Ю. М. Принцип индивидуализма в английской политической литературе конца XV—XVI в. — СВ, вып. 38. М., 1975, с. 57.

«ибо когда человек устремляет свои мысли на что-либо лежащее вне его, он уже неволен идти своим собственным путем»⁹⁷. Отсюда следует парадоксальный на первый взгляд вывод, согласно которому не могут быть счастливыми люди, которые отличаются излишней любовью к своей стране или к своим господам. Впрочем, парадоксальность этого вывода — лишь кажущаяся. На самом деле он вполне соответствует индивидуалистической концепции счастья и преуспевания, согласно которой счастье — при отсутствии социального вакуума — не может быть достигнуто иначе, как в ущерб интересам другого человека или группы людей. Так гуманистический индивидуализм начинает постепенно превращаться в индивидуалистическую антигуманность. Сам Бэкон этого и не скрывает, называя в числе внешних причин, способствующих счастью индивида, глупость или даже смерть другого человека. «Бог создал любовь к самим себе оригиналом, а любовь к ближнему — слепком», — замечает он, и поэтому надо остерегаться того, чтобы, «делая слепок, не разбить оригинала»⁹⁸.

В опыте «О манерах и приличиях» Бэкон заявляет: «Поведение человека должно быть подобно его одежде: не слишком стеснять его и не быть слишком изысканной, но обеспечивать свободу движения и действия»⁹⁹. «Свобода движения и действия» — это тот самый принцип, которому подчинено большинство советов Бэкона в области практической морали. Принцип индивидуальной свободы емко выражает сущность бэконовского индивидуализма, отвечавшего интересам буржуазно-предпринимательских классов Англии конца XVI — начала XVII в.

И все-таки индивидуалистические начала бэконовской этики нельзя полностью ассоциировать с буржуазным эгоизмом Нового времени. В ней все еще сильна гуманистическая струя, предполагающая уважение других индивидов. «Собственное Я — жалкое средоточие человеческой деятельности», — замечает Бэкон в одном из опытов. Он находит сильные и образные слова для характеристики «мудрости для себя», гнусной во всех своих видах: «Это мудрость крыс, покидающих дом, которому суждено развалиться; мудрость лисы, выгоняющей барсука из вырытой им норы; мудрость крокодила, проливающего слезы перед тем, как пожрать свою жертву»¹⁰⁰. В другом трактате Бэкон выдвигает тезис, по которому «наиболее полно и концентрированно воспитанность и нравственная культура человека выражаются в том, чтобы мерить одинаковой мерой и равно ценить как собственное, так и чужое достоинство»¹⁰¹.

Впрочем, насколько зыбка эта вера в гуманистическое начало человеческой природы! Вот одно брошенное мимоходом замечание философа: «Все человеческие отношения — это сплошное пре-

дательство и неблагодарность»¹⁰². И от того, что замечание сделано мимоходом, вдвойне убедителен заложенный в нем смысл, выражающий представления Бэкона об отношениях между людьми в современном ему мире.

Разумеется, наш тезис об определенных отличиях бэконовского индивидуализма от индивидуалистического принципа собственной пользы, характерного для английской философии конца XVII и особенно начала XVIII в., не снимает вопроса о классовом характере бэконовской этики, который мы постоянно подчеркивали выше. Альтруистический «довесок» к индивидуалистическому принципу Бэкона является прежде всего результатом отчетливого сознания необходимости согласовывать между собой «воли» и желания отдельных индивидуумов, составляющих единый общественный организм, принимающих на себя «ярмо законов» и подчиняющихся властям. «Будь верен себе настолько, — замечает Бэкон, — чтобы не оказаться вероломным в отношении других, в особенности же государя и родины»¹⁰³. Но стержень его трактовки общественного долга индивида состоит в другом — в неукоснительном соблюдении социальных барьеров, разделяющих общество. Для Бэкона равносильно утрате всякой меры положение, при котором благо слуги оказывается выше блага господина, более того, «когда собственное ничтожное благо слуга предпочитает величайшему благу господина»¹⁰⁴.

Классовый характер этических воззрений Бэкона проявляется в убеждении, что простому народу «от природы» присущи испорченность и хитрость»¹⁰⁵. Бэкон полагает, что простой народ способен удовлетворяться тем, что Тацит называл видимостью добродетели: «Низшие добродетели вызывают у него (народа. — В. К.) похвалу, средние — удивление или изумление; но о самых высоких добродетелях он не имеет ни малейшего представления или вообще не воспринимает их»¹⁰⁶. Нет нужды подробно говорить, что в своем отношении к народу Бэкон разделял позицию большинства гуманистов, являющихся, по определению Ф. Энгельса, носителями первой формы буржуазного просвещения¹⁰⁷.

Адресуя свое этическое учение представителям буржуазии и джентри, Бэкон стремился не только определить основные задачи будущей «индуктивной» этики, но и, как отмечалось выше, предложить готовый свод правил морали, практических рекомендаций относительно того, как держать себя в обществе, с представителя-

¹⁰² De Augmentis, p. 752; ср.: Соч., т. 1, с. 426.

¹⁰³ Essays, p. 432; ср. Соч., т. 2, с. 403.

¹⁰⁴ Ibidem.

¹⁰⁵ De Sapientia Veterum, p. 631; ср.: Соч., т. 2, с. 242.

¹⁰⁶ Essays, p. 502; ср.: Соч., т. 2, с. 468.

¹⁰⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 21. Проблема «гуманизм и народ» не поддается однозначному решению. Теоретические послыки Бэкона и других мыслителей-гуманистов не мешали им и в своих произведениях, и в практической деятельности высказывать определенную долю сочувствия к положению народных масс, в частности высоко оценивать их заслуги перед страной в дни войны и мира.

⁹⁷ Essays, p. 473; ср.: Соч., т. 2, с. 442.

⁹⁸ Essays, p. 404; ср.: Соч., т. 2, с. 378.

⁹⁹ Essays, p. 501; ср.: Соч., т. 2, с. 468.

¹⁰⁰ Essays, p. 403, 404; ср.: Соч., т. 2, с. 431, 432.

¹⁰¹ De Augmentis, p. 747—748; ср.: т. 1, с. 420.

ми власти, с друзьями и противниками. При этом в его «Опытах и наставлениях», которые и являются таким сводом, этические постулаты совмещаются с нормами этикета, а в ряде случаев замещаются последними.

Бэкон в равной степени убежден и в том, что вряд ли целесообразно придавать этикету и церемониям слишком большое значение, и в том, что совершенно пренебрегать ими — значит, ставить под угрозу свою собственную репутацию. «Тот, кто внешне скромн, — замечает он, — должен обладать исключительно большими добродетелями, чтобы заслужить похвалу у людей»¹⁰⁸.

По мере упрочения английского абсолютизма строгая регламентация манер, речей, поведения, всего образа жизни, подчинение их внешнему эффекту играли все большую роль в повседневном быту кругов, близких ко двору. Манеры и приличия становились ширмой, за которой легко укрывалась подлинная сущность того или иного вельможи или фаворита. Они служили укрепленю, а порой и повышению социального статуса, открывали доступ к власти и состоянию. Культ «хороших манер» вытеснял прежнее преклонение гуманистов перед добродетелью. Бэкон со свойственной ему чуткостью к процессам, происходящим вокруг, сумел подметить эту тенденцию, характерную для нравов придворных кругов, тенденцию, которая, кстати сказать, складывалась на фоне все большей пуританизации средних слоев джентри и буржуазии. Как человек, близкий к придворным кругам, Бэкон не только подметил эту тенденцию, но и в определенной степени оправдал ее.

Однако не эти черты бэконовского этического учения, наследующие индивидуалистические элементы гуманистической этики, усиленные социальной практикой эпохи абсолютизма и первоначального накопления капитала, составляют его идейный и нравственный пафос. Достоинство бэконовской этики состоит в том, что ее выводы, по его собственным словам, почерпнуты «больше из опыта, нежели из книг»¹⁰⁹. Этическое учение Бэкона (и в этом проявляется его отчетливая связь с наиболее прогрессивными сторонами ренессансного гуманизма) отвергает пассивное созерцательное отношение к окружающему миру и несет в себе оптимистический заряд веры в духовную мощь человека, способного одолеть все, даже страх смерти, и собственными усилиями добиться счастья и благополучия.

Источники

«Деяния грейитов, или История благородного и могущественного государя Генриха, принца Пурпуля» (Gesta Grayorum, or The history of the high and mighty Prince Henry, Prince of Purpoole) — пьеса-маска, написанная и поставленная служащими и студентами лондонской юридической корпорации Грейз-

Инн во время рождественских праздников 1594 г., когда была возобновлена прерванная по настоянию пуритан традиция многодневных рождественских карнавалов. На время карнавала корпорация превращалась в своеобразное шутовское королевство с собственным «государем», «министрами», «лорд-мэром», «ольдерменами». Все служащие облачались в соответствующие костюмы и обращались друг к другу в соответствии со своими карнавальными именами. Кульминацией праздника обычно являлась постановка пьесы-маски, специально написанной к этому случаю. В ней, как правило, находили отражение как детали жизни и быта самой корпорации, так и наиболее острые и злободневные вопросы, волновавшие жителей столицы.

В написании пьесы-маски к Рождеству 1594 г. активно участвовал и Фрэнсис Бэкон, являвшийся в это время одним из руководителей адвокатской (барристерской) коллегии корпорации Грейз-Инн. Ему принадлежат многочисленные вставки в различные части пьесы. Кроме того, Бэкон полностью написал ее финал — сцену совета у карнавального государя. Этот фрагмент представляет собой одно из наиболее ранних изложений ряда принципиальных идей Бэкона, получивших впоследствии развитие в его философских, политических и юридических сочинениях.

Фрагмент пьесы-маски «Деяния грейитов» служит своеобразным «введением» к тому канону переводов произведений Бэкона на русский язык, который сложился в настоящее время. Он позволяет расширить представление о генезисе мировоззрения Бэкона, в частности о том, сколь тесно взгляды одного из родоначальников материалистической философии и экспериментальных наук нового времени* связаны с идейным арсеналом европейского гуманизма.

Перевод фрагмента осуществлен по тексту наиболее полного собрания сочинений Ф. Бэкона (The works of F. Bacon, collected and edited by J. Spedding, R. L. Ellis and D. P. Heath, v. VIII, Letters and Life, v. I, L., 1862, p. 332—342).

Ввиду ограниченности публикации в комментариях дается объяснение лишь наиболее специфических терминов, употребляемых Бэконом.

Фрэнсис Бэкон

Деяния грейитов¹ или История благородного и могущественного государя Генриха, принца Пурпуля² (фрагмент пьесы-маски)

(На сцене принц Пурпуль и шесть лордов — членов Тайного совета).

Принц, обращаясь к советникам:

Милорды, мы выбрали вас, наших наиболее верных и дорогих советников, не для того, чтобы получить у вас совет по какому-нибудь частному вопросу, а для того, чтобы узнать, к каким целям и пределам, способным, по вашему мнению, доставить наибольшую честь нам и наибольшее счастье нашему государству, должно стремиться наше правительство. Поэтому мы не

* См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 142.

¹ Грейиты — от названия юридической корпорации Грейз-Инн.

² Принц Пурпуль — имя карнавального государя страны грейитов; связано с названием старинного манора, на территории которого была расположена корпорация Грейз-Инн.

¹⁰⁸ Essays, p. 501; ср.: Соч., т. 2, с. 467.

¹⁰⁹ Works, v. 11, p. 340.

последуем примеру многих государей, которые намечают цели, исходя из собственных склонностей и держат совет только для того, чтобы, по большей части злоупотребляя мудростью своих советников, направлять их прямым путем к заблуждениям и ошибкам. Мы же, желая оставить как можно меньше места случаю или настроению, даем вам сегодня свободу и право вести нас в ту гавань, в которую, в конце концов, должен прибыть корабль нашего правления.

Мы рассчитываем при этом, что вы будете действовать без оглядок на наши или свои собственные пристрастия, не гадая, как бы получше согласовать [свои советы] с нашим нравом. Вы можете легко обмануться, поскольку души государей непостижимы. А с другой стороны, вам не следует полагаться и на собственные привычки. Это было бы равносильно попыткам облачить нас в одежды, сшитые по вашим меркам.

Итак, вам понятен наш замысел. Мы ждем ваших ответов. Первый советник дает совет относительно ведения войны:

Высокочитимейший государь!

Я глубоко убежден, что среди присутствующих здесь нет никого, кто усомнился бы в вашем величии, превосходящем величие всех остальных. Думаю, что будет мало различий в выборе цели, достойной Вашей доблести и Вашего могущества. Поэтому тот, кто представит себе Ваше величие и доблесть, подкрепленные молодостью и нравом, Ваш доблестный двор, который, словно Троянский конь, полон храбрыми военачальниками и руководителями, Ваши густонаселенные провинции, изобилующие воинственным народом, Вашу казну, подобную только что открытым индейским рудникам, ваши склады и арсеналы, подобные пещере Вулкана, Ваш флот, подобный гигантскому плавучему городу, преданность Ваших подданных короне и Вам лично, их доброе согласие между собой, их благополучие и обеспеченность, Ваш надежный и ненарушимый союз со знатными и благородными людьми [государства], причем слава и репутация всего этого будет без какого бы то ни было соперничества возрастать, — так вот, сможет ли тот, кто представит себе все это, думать о каком-либо другом занятии, достойном Ваших возможностей, кроме завоевания.

Короче говоря, в чем Ваша сила, если Вы не проявляете ее, Ваше счастье, если Вы не пытаете его, Ваша доблесть, если Вы не выказываете ее? Думаю, высокочитимый государь, что Вы испытали чувство удовлетворения, когда впервые получили во владение наше государство. Поэтому, хотя Вы, как я знаю, и далеки от суетного легкомыслия, в природе всех вещей, по мере того, как они приходят в надлежащее и присущее им состояние, — стремиться к покою. Но будьте уверены, что это удовлетворение будет чахнуть и пропадать, ибо обладание властью удовлетворяет желание, а пресыщение ведет к утомлению.

Но если Вы прибегнете к войне, то Ваши трофеи и триумфы

станут как бы бесконечными коронациями, так что Ваша слава и удовлетворение не будут страдать от увядания и засыхания.

Вы расширите свои территории, облагородите страну, распределите по собственному усмотрению добрые и злые дары фортуны не только между отдельными людьми, но и между городами и народами, разметите время экспедициями и походами, а людскую память — подвигами и победами. А в свои поздние годы Вы погрузитесь в сладкие воспоминания о приключениях молодости, будете наслаждаться своей репутацией и описывать свои походы. Когда же минет Ваше время, Вы обессмертите свое имя и оставите в мире глубокие следы своего могущества.

Я заканчиваю, высокочитимый государь. Наиболее достойно добавить к другим высоким и заслуженным титулам титул побед — титул Достопамятного. Нет ничего более славного для уподобления нашего государства божественному, чем война. Все в мире и всерьез, и в шутку уподобляется победе, но все победы — лишь тень военных побед. Поэтому займитесь войнами — они не унижат Вас. И верьте, что если какой-либо государь не поступит так, то причиной этого будет либо скудость ума, либо скудость средств.

Второй советник дает совет относительно занятий философии:

Может показаться, Высокочитимейший Государь, что милорд, который только что держал речь, никогда не читал справедливейших порицаний мудрейших людей, сравнивавших великих завоевателей с великими разбойниками и колдунами, власть которых основывается на разрушении, а не на сохранении. В противном случае он вряд ли посоветовал бы Вашей Высокочитимости стать своего рода кометой или сгорающей звездой, которой суждено лишь угрожать и не предвещать миру ничего, кроме смерти и голода, смут и беспорядков.

Между тем людьми управляют две способности — сила и разум. Одна из них — [по своей природе] брэнна, другая — божественна. Он хочет, чтобы главным Вашим украшением и привилегией стали когти орла, ищущего добычу, а не всевидящее око, проникающее до дна морского.

Я же, напротив, хочу пожелать Вашему Высочеству развивать лучшую и чистейшую часть ума, самое благочестивое и достойное завоевание, а именно завоевание трудов природы. Я полагаю, что Вы направите мощь Вашего духа на исследование, открытие и обнаружение всего скрытого и тайного в природе, что Ваше Всемогущество будет не фонарем, который светит другим и не видит самого себя, но Мировым Оком, и излучающим, и поглощающим свет.

Древность, предстающая в смутных картинах мудрости былых времен, свидетельствует, что правители всегда были в родстве с тайнами и мистериями знания. Гимнософисты³ осу-

³ Гимнософисты (лат./греч. Gymnosophistae — букв. «нагие мудрецы») — в античной и ренессансной традиции название философов Древней Индии.

ществляли все управление при государях Азии. В целом же государства были наиболее счастливы, когда их правители в наибольшей степени предавались философии. Примером могут быть Птолемеи в Египте. И. Соломон был человеком, настолько сведущим в законах природы, что составил опись всего растущего на земле. Никакое завоевание не сделало Юлия Цезаря столь памятным, как календарь. Александр Великий писал Аристотелю по случаю публикации «Физики», что более ценит людей, преуспевших в знании, нежели во властвовании.

С этой целью я хочу предложить Вашему Высочеству четыре главных труда и памятника самому себе. Во-первых, составление наиболее совершенной и общей библиотеки, в которой могло бы быть собрано для содействия Вашей мудрости все ценное, что человеческий ум зафиксировал в книгах, будь то книги древние или современные, печатные или рукописные, европейские или из других частей, на том или другом языке.

Следующее — обширный, прекрасный сад, в котором выращивалось бы все, что произрастает под солнцем в различных климатических условиях и на различных почвах, как дикое, так и возделываемое человеком... В саду могли бы быть устроены помещения с загонами для редких животных и клетками для редких птиц, два соединенных между собой озера — одно с пресной, а другое — с соленой водой — для различных рыб. Так Вы можете на небольшом пространстве создать для себя модель всей природы.

Третье — большой кабинет, в котором было бы собрано все редкое по материалу, форме или действию, что сделала рука человека с помощью утонченного искусства или инструментов, что произведено в результате случайного смешения и перемещения вещей — все то из изготовленного природой, что необходимо для жизни.

Четвертое — камера, оснащенная мельницей, инструментом, печью и сосудами, которая может быть чертогом для [поиска] философского камня.

Итак, когда Вы, Ваша Высокопочтимость, прибавите к тонкости Вашего духа и величю власти глубину знания, Вы, поистине, сможете стать Трисмегистом⁴. И когда все остальные чудеса будут покорены разумом и откроются их естественные причины, Вы сами станете единственным чудом света.

Третий советник дает совет добиваться вечной славы путем Строений и Оснований:

Оба господина, которые только что высказались, высокочтимейший государь, допустили одну ошибку, выдавая за определен-

⁴ Трисмегистус (лат./греч. Trismegistus, Trismegistos — букв. «трижды величайший») — в эллинистическую эпоху эпитет бога Гермеса (Меркурия), считавшегося покровителем не только торговли и плутовства, но и магии. Алхимическая традиция отделяет от бога античного пантеона другого Гермеса Трисмегиста — легендарного основателя алхимии, астрологии и каббалы, тайных (герметических) наук средневековья, жившего якобы в IV в. до н. э.

ное и твердое то, что наиболее неопределенно и сомнительно. Один ничего не сказал о военной удаче и фортуне, а другой — о трудностях и заблуждениях в заключениях и выводах, касающихся природы. Но эти неумеренные надежды и обещания многократно вели к сомнительным результатам: войны — к трагедиям бедствий и нищеты, мистическая философия — к комедии нелепых разочарований в результате тщеславия и любопытства.

С другой стороны, в одном пункте милорды согласны. Они оба в соответствии с собственными наклонностями советуют Вашему Высочеству добиться славы и обессмертить свое имя, хотя один советует при этом путь большого риска, а второй — малого достоинства и величия.

Но ясный и испытанный, безопасный и соразмерный величию монарха путь предстать перед потомками заключается не в слухах и молве, а в зримой памяти о себе, в величии значительных и царственных строений и учреждений, в установлении новых законов, ордонансов, сообществ. Подобно тому, как монета штампуется с Вашим изображением, в каждой части Вашего государства может быть введено что-то новое, что со временем сделает знаменитым основателя и создателя.

Сначала люди, стремившиеся одолеть смерть славой, считали, что единственный путь к этому — строительство. Этим объясняется святая древность сооружения Вавилонской башни, которую из-за греховности неумеренного стремления [ее создателей] к славе постигла такая участь; различие языков с тех пор навсегда сделало славу пленницей. Точно так же пирамиды, колоссы, бесчисленные храмы, колледжи, мосты, акведуки, замки, театры, дворцы и тому подобное могут показать, что люди всегда сомневались во всех путях к славе, кроме одного — сооружений и монументов, [сомневались] даже те, у которых имелся большой выбор других средств.

Александр не рассчитывал, что его слава так вырастет благодаря завоеваниям, но полагал, что блеск ей придаст сооружение Александрии. Август Цезарь считал, что никто не сможет достичь большего в военных делах, нежели он сам; однако, когда мысли о смерти стали посещать его все чаще, он сказал: «Я нашел город каменным, а оставил его мраморным», придавая своим словам не переносный, как ошибочно полагают, а буквальный смысл. ...Молва о великих деяниях подобна наводнению, у которого нет никакого определенного руководящего начала или пружины. Память же и молва о строениях и основаниях подобна роднику на холме, который постоянно питает и освежает другие воды.

Но я, высокочтимый государь, не ограничиваю свою речь только мертвыми строениями, но и распространяю ее на другие основания, установления и творения. В тех случаях, когда я осмеливался говорить более доверительно, я был убежден в Вашей собственной мудрости. Она уже принесла первые плоды в Ваших государственных деяниях в виде учреждения почетного

Ордена Хелмета⁵. Тем меньше я считаю нужным говорить, чем больше убежден, что Вы последуете не столько моему совету, сколько своему собственному примеру.

Четвертый советник дает совет относительно абсолютной власти и казны:

О, могущественный государь!

Не сочтите малодушием, Ваше высочество, если я спущусь немного с высоты Ваших мыслей к той необходимости, которая вызывается Вашим статусом. Вы не станете отрицать, почтенные господа, что субстанцию политики составляют безопасность, доходы и могущество. Что до славы и чести, то они скорее плоды упорядоченной деятельности, нежели надлежащие цели. Ну так вот, если с должным вниманием рассмотреть предлагаемые курсы, придется признать, что линия войны по видимости ведет к увеличению могущества, а линия созерцания и оснований не наносит ущерба безопасности. Но если взглянуть на дело несколько по-другому, то обнаружится, что первая линия порождает слабость, а вторая вскармливает опасность.

Совершенно ясно, что во время войны Ваше Высочество будет оказывать давление на солдат и особенно на народ, в результате чего власть Ваша станет менее абсолютной и монархической, чем если бы Вы правили в мире. Если дела будут идти успешно и Вы осуществите новые завоевания, Вам придется растрачивать силу Ваших старых и устроенных провинций, чтобы устроить новые и сомнительные. Тем самым Вы уподобитесь силачу, который, взвалив на плечи тяжелое бремя, становится слабее, чем прежде.

Теперь, Ваше Высочество, Вы заблуждаетесь, если полагаете, что сможете погрузиться в созерцание без риска для безопасности. Чтобы посвятить себя подобным занятиям, Вам придется забросить дела, что приведет к уменьшению Вашей власти.

Что касается установления во всех частях Вашего государства чего-нибудь нового, исходящего [именно] от Вас, то это может привить Вам склонность к нововведениям и переменам, которые сделают Ваше правление чрезвычайно бурным и беспокойным... Ваши перемены могут привести к худшему...

Доходы же вступают в прямую противоположность с тремя этими курсами, поскольку ничто не вызывает такого расточительства, как война, [собрание] диковинок и строительство. По моему мнению, восполнить все это мнимой честью — предметом, столь превозносимым на словах, но не слишком ценным в тщеславии,— значит, заключить невыгодную сделку.

⁵ В названии карнавального Ордена Хелмета очевидная игра слов. С одной стороны, в нем содержится намек на имя актера-любителя, исполнявшего роль принца, Ричарда Хелмса, с другой — оно в своем буквальном значении — Орден Шлема (англ. helmet — шлем) — могло ассоциироваться и с греческой богиней мудрости Афиной Палладой, обычно изображавшейся с боевым шлемом на голове.

Кроме того, многие благоразумные государи получают так же много похвал за мудрое и хорошо организованное правление, как другие за завоевания и славные качества. И это достойно тем большего внимания, поскольку похвала [в адрес] мудрости и рассудительности меньше связана с фортуной.

Поэтому, Высокопочтимый Государь, не поддавайтесь обманчивой видимости. Последуйте правилу природы — заниматься тем, чем Вы владеете, прежде, чем искать, что бы еще приобрести. Возьмем для примера частное лицо (поскольку я не могу говорить о более высоком). Если один человек имеет годовой доход, равный ста фунтам, а другой показывает ему, как без особых усилий превратить эти сто фунтов в пятьсот, то я считал бы необходимым последовать совету второго...

Не думайте, Высокопочтимый государь, что все завоевания, которые Вы можете осуществить, должны быть в чужих землях. Вы можете сделать предметом своих завоеваний излишне быстрый рост партий ваших вельмож, а также большие свободы Вашего народа, излишнее почитание формальностей, содержащихся в законах и обычаях и наносящих ущерб Вашим абсолютным прерогативам. Эти и им подобные завоевания будут завоеванием государства, хотя и достигнутым без войны...

Средства, которыми можно усилить Ваш суверенитет, составляют тайну Вашего правления. Я не стану говорить о них здесь. Мне хочется, чтобы Ваше Высочество было так же готово узнать их, как я готов их предстать.

Пятый советник дает совет относительно Добродетели и Милосердного правления:

Высокопочтимый государь!

Я выслушал разные планы и предложения, по очереди высказанные Вам. Один направлен на то, чтобы сделать Вас великим государем, другой — сильным государем, еще один — знаменитым государем, четвертый — абсолютным государем. Но я не услышал ни одного предложения сделать Вас добрым и добродетельным государем. Я уверен, что милорды обошли этот вопрос из осторожности, чтобы предоставить его Вашему собственному побуждению и выбору. Я полагаю, что они не сговаривались о своих предложениях специально, и потому можно питать уверенность, что их речи не были формальными.

Но, Высокопочтимейший Государь, слава — слишком легковесна, доход и покой — слишком низменны, а власть — либо такова, какой Вы уже обладаете, либо такова, какой надеетесь обладать.

Дать достоинство вашим подданным, создать Золотой век, стать естественным родителем государства — только такой может быть достойная и подобающая цель вашего добродетельного правления...

Посетите все части своего государства и повсюду раздайте из своих суверенных рук очистительный бальзам, чтобы излечить все недуги... Установите такой порядок, при котором недостатки

вашей знати не переносились бы на Вас. Позаботьтесь о том, чтобы разумность, которая является светильником Вашего государства, не погасла и не чадила. Продвигайте людей добродетельного, а не корыстного склада ума. Подавите все партии, проповедующие зло и насилие. Затем обратите внимание на состояние законов и права вашей страны. Избавьтесь от обилия законов, объясните те, что отличаются неопределенностью, отмените похожие на западно, усильте действие полезных и необходимых. Определите юрисдикцию судов, ликвидируйте все претензии и недовольства, все беспричинные проволочки, мошеннические уловки и приемы, искорените все злоупотребления правом и юстицией подобного рода. Окажите помощь соответствующим министрам в наказании за все поборы и вымогательства чиновников, за всякого рода нарушения при судебном разбирательстве и вынесении приговоров.

Однако, когда Вы осуществите все это, не думайте, что повода и шпоры — единственное, что может заставить лошадь двигаться. Есть еще время и обычай.

Не возлагайте на законы исправление времени, положитесь в этом на хорошее образование. Обозрите управление ваших университетов и всех семинарий для юношей, а также частный порядок в семьях, утверждающих должное повиновение детей родителям и почтение старших по отношению к младшим.

Затем, укрепив благородные и жизненно важные части вашего государства, обратитесь к заботам о крови и плоти, о хорошем состоянии [государственного] тела. Средством от всякого упадка населения служит обеспечение бедных, устранение всяческих помех торговле, а также язв, вызывающих увядание ремесла и изобретений. Исправьте все! Но куда я забрел, перейдя границы того, на чем по возможности настаивал?

Пусть простит меня Высокопочтимейший Государь, но, если бы я стал расхваливать Вам красоту какой-нибудь непревзойденной дамы, то не мог бы сделать это более превосходным способом, нежели показав ее портрет. Точно так же я считаю, что лучший способ рекомендовать добродетельное правление — это описать его, чтобы было видно, что оно собой представляет.

Но, вероятно, мое перо слишком слабо. Поэтому я предоставляю Вашему Высочеству самому создать картину на основе собственного мудрого наблюдения, а затем удвоить ее, воплотив в своем правлении.

Шестой советник настаивает на приятном времяпровождении и играх:

Высокопочтимейший государь, когда я слушал трех первых милордов, столь внимательных к продлению Вашей славы и памяти о Вас, мне казалось, что к такому же, как Вы, молодому государю пришел некий человек и сразу же после коронации, подхватив его под руку, повел сооружать роскошное и величественное надгробие.

Говоря от души, я думаю: разве может хотя бы один из ва-

ших слуг, пусть один только раз, подумать о Вас, как о государе, которого уже нет.

Другие лорды хотели поглубже вовлечь Вас в государственные дела. Один склонял Вас к более абсолютному, другой — к более милосердному правлению. Я уверен, Ваше Высочество, что их уроки были чрезвычайно обременительны. Это равносильно тому, чтобы сделать Вас королем в какой-нибудь игре, той, где король, думая о своем величии и блаженстве, с трудом приносит слова своей роли.

Как? Ничего, кроме трудов, ничего, кроме будничных дней? Ни пиров, ни музыки, ни танцев, ни триумфов, ни комедий, ни любви, ни дам? Пусть другие живут этой жизнью паломников, связанных разного рода обязанностями и обетами. Но жизнь государей — это странствие, отданное только разнообразным утехам.

Ваше Высочество! Вы должны взять летним вечером барку, коня или колесницу, чтобы насладиться свежестью воздуха: ведь ваше удовольствие — это главное... Конечно, если какое-либо из дел, о которых здесь говорилось, присплет во время развлечений, им можно будет заняться, но не иначе. Поэтому оставьте войны своим наместникам, строительства и сооружения — надсмотрщикам, книги — университетам, государственные дела — министрам. Сами же займитесь тем, чего не смогут выполнить за Вас ваши наместники — предайтесь преимуществам молодости. Не омрачайте своей судьбы, превратите удовольствие в отличительную черту своей чести, в предмет заботы ваших фаворитов и толков народа, в приманку всех чужеземных кавалеров к вашему двору.

Словом, милый сюзерен, гоните от себя пятерых ваших советников и слушайте совета ваших пяти чувств.

Ответ и заключение принца на речи советников:

Милорды, мы благодарим вас за добрые и столь хорошо изложенные мнения. Нам думается, что мы не последовали бы добрым советам, если бы при столь большом разнообразии убедительных доводов сразу же приняли бы решение. Нельзя же сначала ошибиться и выбрать последний, а по зрелом размышлении выбирать из остальных. Мы проведем время в продолжительных консультациях, чтобы в конечном счете наверстать его за счет незамедлительного и быстрого исполнения.

**ЗАРОЖДЕНИЕ БУРЖУАЗНОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
В АНГЛИИ В НАЧАЛЕ XVII в.**

В средние века родилась поговорка о том, что Англия — это *tops, fons, pons, ecclesia, faemina, lana* (горы, источники, мосты, церкви, голод, шерсть). К концу XVI в. эту фразу следовало бы читать с конца. Страна переживала бурный экономический рост и сердцевиной его было развитие сукноделия.

Современники называли сукно «сливками земли» и «приданным королевства»¹. К концу XVI в. в Англии ежегодно производилось примерно 200 тысяч кусков ткани. Сукно было главным предметом английского вывоза. За ним следовала шерсть, но ее вывоз в денежном исчислении был в десять раз меньше. Вместе же сукно и шерсть составляли 9/10 экспорта. «Мы одеваем пол-Европы нашими английскими тканями.., что делает европейцев почти английскими слугами, носящими наши ливреи», — писал с гордостью Генри Билэйсис в памфлете «Первый предмет любопытства путешественника»².

В сукноделии наиболее интенсивно шло формирование и развитие капиталистического уклада. На первом месте стояла восточная Англия вследствие особенно массового огораживания и обезземеливания крестьян, а также близости к столице. Рост капиталистического уклада способствует и возникновению новых отраслей ткачества. В Норфолке, Хэмпшире, Девоншире, а затем и в других графствах появляется камвольная (гребенная) промышленность. Сырьем для нее служит более грубая шерсть, непригодная для традиционного сукноделия. Новые ткани поражают разнообразием расцветки и ассортимента: современники различали фланель, байку, бязь, фэй, саржу, которые, в свою очередь, имели множество местных вариантов³. Бурно развивается незначительное до сих пор шелковое производство. Совершенствование технологии, в частности изобретение вязальной рамы Уильямом Ли (1589), позволило начать массовое производство шелкового трикотажа. Число людей, занятых в шелковой промышленности, в одном только Лондоне достигло к 1600 г. 300 человек, а затем эта отрасль пускает корни и в Ноттингэме, Дер-

бишире⁴. К 1578 г. относятся первые известные нам сведения о производстве хлопчатобумажных тканей в Ланкашире. 1605 год видит первые попытки наладить выпуск «хлопчатого сатина или бумазеи» в Норидже, а вскоре хлопчатобумажное производство возникает в Йоркшире, Дорсетшире, Чешире, Дербишире, Девоншире, Ноттингемшире⁵.

Новые отрасли в силу самой технологии требовали большей концентрации производства, нежели традиционное сукноделие. Если для переработки 240 фунтов шерсти в сукно в рассматриваемый период требовалось 42—60 человек в неделю, то камвольная ткань требовала уже работы 158 человек, а для переработки такого же количества шелка в ткань требовалось 525 человек, в чулки — 424 человека⁶. К тому же как шелковое, так и хлопчатобумажное производство нуждалось в привозном сырье. Поэтому новые отрасли могли получить массовое развитие лишь преимущественно на капиталистической основе. Они не только являлись следствием развития капиталистического уклада, но и способствовали его дальнейшему утверждению.

От сукноделия старались не отставать другие отрасли. Горнодобывающая промышленность ежегодно давала до 1,5 млн. тонн угля, 600 тыс. тонн олова, 17 тыс. тонн свинца. Металлургическая промышленность насчитывала 800 железоделательных очагов. Значительного развития достигло оружейное производство, в котором большая роль принадлежала крупному капиталу. Достаточно сказать, что изготовление почти всех пушек было сконцентрировано в семи крупных мастерских⁷.

Вслед за промышленностью неслыханными темпами растет торговля и дает дальнейший толчок капиталистическому развитию.

Если внутренний рынок еще может обслуживать цеховое ремесло, то массовое мануфактурное производство нуждается во внешних рынках⁸. К началу XVII в. поиски этих рынков ведутся повсюду — прежде всего для тканей. «Сюда можно ввозить каразею для простого люда», — сообщали английские купцы из Персии. «Здесь особенно хорошо будут продаваться английские ткани ярких расцветок», — писали агенты из Индии. По рассказам других путешественников передавались слухи о далекой Японии: «Шерстяная ткань очень ценится в этой стране». С Молуккских островов приходили известия, что там выгодно продавать английские ткани. Анонимный автор трактата «Новая Британия» советовал отправляться к туземцам в Америку, чтобы

¹ Wheeler J. A Treatise of Commerce. Middleburg, 1601, p. 84; Misselden E. Free Trade or the Meanes to make Trade flourish. L., 1622, p. 40.

² Belasyse H. An Alighist Traveller First Curiosity. — Historical Manuscript Commission, Wombwell MSS. L., 1903, p. 194, 200.

³ Darby H. A New Historical Geography of England. Cambridge, 1973, p. 227; Lipson E. The Economic History of England. L., 1956, v. 2, p. 12—15; Heaton H. The Yorkshire Woolen and Worsted Industry. Oxford, 1920, p. 92—108.

⁴ Victoria History of the Counties, Kent. L., 1932, v. 3, p. 412; Nottingham, L., 1910, v. 2, p. 350; Nixon F. The Industrial Archaeology in Derbyshire. N. Y., 1961, p. 175.

⁵ Victoria History of the Counties, Lancashire. L., 1908, v. 2, p. 379; Lipson E. Op. cit., v. 2, p. 97.

⁶ The Golden Fleece. L., 1737, p. 16.

⁷ Cipolla C. Guns, Sails and Empires. L., 1965, p. 39; Lipson E. Op. cit., v. 2, p. 114—118; Darby H. Op. cit., p. 286.

⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 502—503.

«прикрыть их нагую нищету с помощью цивилизованной обуви и одежды»⁹. Заморские страны манили купцов, и даже названия кораблей говорили сами за себя: «Перечное зерно», «Гвоздика», «Рост торговли». Торговый флот, по сведениям различных источников, насчитывал в начале XVII в. от 1,5 до 6,5 тысяч судов. Современники называли его силой, равной силе любого государства¹⁰.

Все это служило усилению экономической мощи буржуазии и нового дворянства. По свидетельству современников, уже в 20-х годах XVII в. палата общин в парламенте была в три раза богаче палаты лордов¹¹. Как утверждает английский историк Г. Эйлмер, примерно так же обстояло дело и в целом по стране: к середине 30-х годов доходы класса феодалов составляли менее трети в национальном доходе¹².

Однако далеко не все в экономическом развитии страны радовало тех, кто был связан с остальным двумя третями национального дохода. В 1581—1603 гг. английское сукноделие переживает серьезную депрессию. В 1609 г. автор одного из политических памфлетов сокрушается о «древнем ремесле сукноделия, пришедшем в такой упадок в Англии»¹³. Другой памфлет, «Рост торговли», с тревогой упоминает уменьшение торговли и распродажу судов Франции и Испании¹⁴. А в 1621—1623 гг. суконная промышленность переживала настоящий кризис. Наиболее сильно кризис поразил Уилтшир, Глостершир, Сэссекс, Норфолк и Кент. Многие графства, особенно на востоке страны, до конца 40-х годов XVII в. так и не смогли выйти из состояния хронической депрессии.

Поэтому одновременно с поисками новых рынков английская буржуазия и новое дворянство выясняли важный для них вопрос: как увеличить прибыли, как добиться дальнейшего развития промышленности и торговли. Но для этого необходимо было понять, какие препятствия стоят на этом пути и как их устранить. Так сама жизнь заставляла теоретически осмысливать практический опыт, становиться экономистом и политиком. Свои взгляды представители английской буржуазии формулировали в многочисленных памфлетах и трактатах. Уникальная в нашей стране коллекция изданий того времени собрана в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в Москве. Исследование этих произведений и легло в основу анализа, который позволяет понять взгляды людей, живших почти 400 лет назад.

⁹ Purchas S. His Pilgrimes. Glasgow, 1908—1912, v. 3, p. 846; Letters written by the English Residents in Japan. Tokyo, 1900, p. 21; Nova Britannia. — Force's Tracts and Other Papers. N. Y., 1947, v. 1, p. 13.

¹⁰ Monson W. Naval Tracts. L., 1902—1914, v. 3, p. 192, 433; Linsday W. A History of Ancient Shipping. L., 1874, v. 2, p. 153.

¹¹ См.: Архангельский С. И. Указ. соч., ч. 1, с. 50.

¹² Aylmer G. The King's Servants 1625—1642. N. Y., 1961, p. 331.

¹³ Nova Britannia, p. 29.

¹⁴ Trades Increase. L., 1615, p. 11.

Основным экономическим течением того времени в среде английской буржуазии несомненно являлся меркантилизм. Подавляющее большинство рассматриваемых здесь памфлетов принадлежит к этому течению: трактаты Т. Мэна и Л. Робертса. «Свободная торговля» Э. Мисселдена, «О свободной торговле» Г. Паркера, «Обычай или законы торговли» Г. Мэлайнса, «Защита торговли» Д. Диггса, памфлеты анонимных авторов — «Обсуждение причин для увеличения и свободы торговли», «Упадок торговли», «Увеличение торговли», «Новая Британия», «Новая жизнь Виргинии» и другие¹⁵.

Меркантилизм являлся выражением интересов торговой буржуазии, идеологией купеческого капитала. Все процессы экономической жизни меркантилисты рассматривали через призму торговли, считая ее источником роста богатства и прибыли. «Мы не имеем никаких средств добыть богатства кроме внешней торговли, потому что у нас нет рудников», — утверждал Т. Мэн¹⁶. «Все наши богатства — только из торговли», — вторил ему автор «Упадка торговли»¹⁷.

Соответственно с этим главным богатством страны-меркантилисты провозглашали основной результат торговли — деньги. При этом сторонники денежного баланса выступали вообще против вывоза денег, советуя побольше накапливать и поменьше тратить. Г. Мэлайнс призывал запретить закупку табака, так как это требует каждый год до 40 тысяч ф. ст., а «не остается ничего, кроме дыма». Он сравнивал своих соотечественников с дикарями Вест-Индии, которые отдают золото за безделушки¹⁸. «Деньги, которые в ходе торговли вывозятся из христианского мира в другие страны, уходят и не возвращаются обратно», — убеждал Э. Мисселден¹⁹.

Высказывались и более передовые взгляды: главное не обилие денег в стране, а положительный торговый баланс; для увеличения богатства надо не накапливать деньги, а пускать их в оборот, развивать торговлю. Для этого необходим свободный ввоз и вывоз денег, убеждал Л. Робертс²⁰. А Т. Мэн риторически восклицал: «Кто может ставить под сомнение нашу нужду в серебре для торговли?» Он приводил примеры из ост-индской торговли, чтобы убедить, что вывезенные деньги возвращаются в страну в большом количестве²¹.

¹⁵ Mun T. A Discourse of Trade from England into the East India; England's Treasure by Foreign Trade; Roberts L. A Treasure of Traffike. — Early English Tracts of Commerce. Cambridge, 1954; Roberts L. The Merchant Mappe of Commerce. L., 1638; Parker H. Of a Free Trade. L., 1648; Malynes G. Consuetudo vel lex mercatoria. L., 1636; Digges D. The Defence of Trade. L., 1615; A Discourse consisting of Motives for the Enlargement of Trade. L., 1645; Decay of Trade. L., 1645; The New Life in Virginia. — Force's., v. 1.

¹⁶ Mun T. England's., p. 135.

¹⁷ Decay., p. 2.

¹⁸ Malynes G. Op. cit., p. 2.

¹⁹ Misselden E. Op. cit., p. 20.

²⁰ Roberts L. A Treasure., p. 70.

²¹ Mun T. England's., p. 127.

Меркантилизм в целом был, несомненно, прогрессивным для своего времени явлением. Меркантилисты стали первыми исследователями капиталистических отношений, создателями основных категорий политэкономии: товар, деньги, капитал, торговля, торговая прибыль. Не следует представлять себе меркантилистов глупцами, предостерегал К. Маркс²². В то же время меркантилизм не был научной теорией. Политэкономия как наука началась лишь с того времени, когда теоретические исследования от процесса обращения перешли к процессу производства. И тем более интересно наблюдать, как сама жизнь наталкивает некоторых меркантилистов на идеи, которые выходят за рамки меркантилизма, а порой и прямо противоречат ему. Интуитивно они начинают постигать законы капиталистического хозяйства, превосходя некоторые положения классической политэкономии. В частности, у Т. Мэна можно встретить утверждение, что торговля стимулирует производство²³. Действительно, английская внешняя торговля конца XVI — начала XVII в. являла тому наглядный пример. Т. Мэн сформулировал одну из основных закономерностей капиталистического производства в эпоху, когда торговая гегемония обеспечивала промышленное преобладание. Основоположники марксизма-ленинизма неоднократно подчеркивали огромную роль, которую играла внешняя торговля в процессе становления капиталистического хозяйства²⁴. Тот же Т. Мэн приблизился к пониманию труда как источника богатства. Он, правда, видел труд лишь в конкретном его проявлении — в торговле, мореплавании, мануфактуре — и решающую роль придавал труду по добыче золота и серебра²⁵. Но и это уже шло вразрез с меркантилизмом.

Купцы на собственном опыте убеждались в недостатках традиционной регламентированной торговли с фиксированными заранее ценами и количеством товаров. Уже в 1602 г. Левантийская компания заявляла государственному секретарю Роберту Сесию, что чем выше цена, тем меньше продается. Компания «купцов-авантюристов» была вынуждена понижать свои цены, а в 1622 г. в парламенте обсуждался вопрос: не являются ли причиной кризиса в сукноделии слишком высокие цены?²⁶ Практический опыт обобщается в памфлетах. «Не высокие цены, а обилие (товаров. — М. О.) двигает вперед торговлю», — утверждает автор «Обсуждения причин увеличения и свободы торговли». «Дешевые товары увеличивают торговлю», — писал автор памфлета «Упадок торговли». «Уменьшив цены на 25 процентов, можно увеличить сбыт на 50 процентов», — отмечал Т. Мэн²⁷.

В этом они также расходились с традиционными меркантилистами. Те высмеивали «нищенский образ ведения дел» и утверждали, что лучше ограниченное число товаров и высокие цены. Такой довод мы встречаем у Д. Уилера, Г. Паркера, Г. Мэлайнеса²⁸. Автор «Упадка торговли», осуждая низкие цены, советовал: «Купеческая прибыль теперь столь мала, что многие разочаровываются в своем прежнем ремесле»²⁹. Традиционных меркантилистов пугало и то, что при низких ценах в случае покупки иностранных товаров приходилось доплачивать звонкой монетой.

Пропагандируя новые принципы ведения торговли, купцы, конечно, имели в виду свои собственные интересы. Они на практике постигали еще одну закономерность капиталистического хозяйства: снижение цен способствует ускорению сбыта и оборота. В то же время эти идеи объективно соответствовали общему развитию капиталистического уклада не только в торговле, но и в промышленности. Именно благодаря удешевлению продуктов началось бурное развитие мануфактуры, отмечал Ф. Энгельс³⁰.

В ряде памфлетов встречается идея о вреде ростовщичества. Т. Мэн подчеркивает его отрицательную роль в обществе и доказывает, что снижение процента приносит больше выгоды, так как увеличивает оборот. Э. Мисселден указывает на ростовщичество как на одну из причин упадка торговли³¹. Действительно, ростовщичество играло революционную, прогрессивную роль лишь постольку, поскольку истощало и разрушало феодальные формы собственности. В рассматриваемый период оно становилось все большей помехой развитию нового, капиталистического способа производства, присасываясь к нему как паразит, если пользоваться выражением К. Маркса³². Тем временем традиционные меркантилисты утверждали обратное. В частности, автор «Упадка торговли» убеждал, что высокий процент способствует аккумуляции денежных средств³³.

В трактатах того времени можно встретить и многочисленные призывы к поискам колоний. «Разве не странно, что государства Европы так долго спали?» — риторически вопрошает аноним трактата «Новая Британия». Автор «Правдивого сообщения о состоянии колонии в Виргинии» восхваляет колонистов, которые покупают у туземцев жемчуга земные в обмен на жемчуга небесные, т. е. приобщают их к христианству³⁴. Колониальные идеи были вполне в духе традиционного меркантилизма — обладание колониями обещало доступ к желанному золоту и серебру, к товарам, за которые в Ост-Индии приходилось распла-

²⁸ Wheeler J. Op. cit., p. 75; Parker H. Op. cit., p. 20; Malynes G. Op. cit., p. 63.

²⁹ Decay., p. 8.

³⁰ См.: Энгельс Ф. О «Капитале» Маркса. М., 1940, с. 133.

³¹ Mun T. England's., p. 138; Misselden E. Op. cit., p. 29.

³² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 145.

³³ Decay., p. 3.

³⁴ Nova Britania, p. 27; A True Declaration of the Estate of the Colonie in Virginig. — Force's., v. 3, p. 6.

чиваться звонкой монетой. Колонии Америки могут давать шелк, индиго и перец — доказывалось в трактатах «Описание Бермудских островов» и «Сообщение о состоянии колонии»³⁵. Впрочем, другие представители традиционного меркантилизма продолжали считать, что можно обойтись и без колоний. Нужны не колонии, а торговля, писал Л. Робертс и добавлял: «Не наши завоевания, а наша торговля, не наши мечи, а наши паруса, — вот что сделало имя Англии сначала известным в Берберии, а затем в Турции, Армении, Московии, Аравии, Персии и Индии»³⁶.

В то же время в ряде памфлетов можно встретить идеи, которые противоречат не только этой мысли, но и идут дальше традиционных взглядов сторонников приобретения колоний. В этих памфлетах осмысливается роль колоний как рынков сбыта для английской промышленности. Английские ткани могут найти большой сбыт в Америке, убеждают авторы трактатов «Новая Британия» и «Правдивое сообщение о ... Виргинии»³⁷. Эти идеи объясняют привлекательность колоний уже не золотом, не экзотическими товарами, а дешевым сырьем и сельскохозяйственными продуктами. Дж. Смит в «Описании Новой Англии» сообщает, что эти места богаты рыбой и замечает: «Голландцы больше получают от рыбы, чем испанцы от своего золота»³⁸. Авторы «Сообщения о состоянии колонии» и «Плантации Новой Англии» соблазняют более дешевым молоком, зерном, кукурузой, хлопком. Причем в этом они видят возможность не только экономить деньги, но и создавать более дешевое производство. В частности, в «Сообщении о состоянии колонии» отмечается, что уже в 1617 г. в Виргинию отправились из Англии 150 человек, чтобы построить три железодельных предприятия³⁹.

Так на практике познавалась и осмысливалась еще одна закономерность капиталистического производства: удешевление средств существования рабочего снижает стоимость рабочей силы и, таким образом, уменьшает издержки производства. Причем в ряде памфлетов можно встретить и призывы к довольно непривычному для того времени новому отношению к туземцам. «Надо обращаться с местными жителями не жестоко, как испанцы, а справедливым дружелюбным образом, приличествующим нашей английской нации», — убеждал автор «Новой Британии»⁴⁰. А в трактате «Новая жизнь Виргинии» вообще утверждалось, что туземцам надо предоставить такие же права, как англичанам⁴¹. Такие призывы были вполне логичны: чтобы иметь рынок сбыта и рабочей силы, разумнее было не уничтожать, а сохранять коренное население.

³⁵ A Plain Description of the Bermudas Islands. — Force's., v. 3, p. 20; A Declaration of the State of the Colonia. — Force's., v. 3, p. 4.

³⁶ Roberts L. A Treasure., p. 108.

³⁷ Nova Britania, p. 22; A True Declaration., p. 25.

³⁸ Smith J. A Description of New England. — Force's., v. 2, p. 7.

³⁹ A Declaration., p. 4, 5, 10; New England's Plantation. Force's., v. 1, p. 6.

⁴⁰ Nova Britania, p. 14.

⁴¹ The New Life., p. 18.

Все эти идеи были несомненно новым явлением в традиционной системе взглядов меркантилистов на колонии. Они соответствовали объективным тенденциям капиталистического развития, которое нуждалось в дальнейшем расширении рынков сбыта, приобретении источников дешевого сырья и рабочей силы. К. Маркс отмечал, что создание колониальной системы способствовало форсированному росту торговли и судоходства, усилению накопления капитала⁴².

Таким образом, отдельные представители меркантилизма смогли в ряде положений преодолеть его ограниченность и сделали шаг к научному познанию социально-экономических процессов. При этом их наблюдения не оставались теоретическими рассуждениями. Они превращались в политические требования, предъявляемые абсолютизму. Ряд меркантилистов выступает против традиционной регламентации торговли. Автор «Обсуждения причин увеличения и свободы торговли» утверждал, например, что привилегированные торговые компании старшего поколения, в частности компания «купцов-авантюристов», торгующая с Голландией, выродились в олигархию. Он заявлял, что «сила королевства состоит в богатстве многих, а не немногих подданных». Право на существование он признавал лишь за новыми компаниями, основанными для торговли с отдаленными странами, поскольку единичного капитала в этом случае недостаточно⁴³. К такому же выводу приходил и Э. Мисселден, полагая, что компания «купцов-авантюристов» подрывает торговлю высокими пошлинами и пенями⁴⁴. Эти идеи дополнялись требованием снизить пошлины и налоги. Л. Робертс ставил в пример Англии Голландию и убеждал, что высокие пошлины ограничивают торговлю. Э. Мисселден называл налоги одной из причин кризиса, который переживало сукноделие⁴⁵.

Меркантилисты выдвигали свою модель внешней торговли. Они выступали против избыточного потребления. Воздержание от него может обеспечить уменьшение ввоза и экономию денег, указывал Т. Мэн⁴⁶. Э. Мисселден сокрушался, что хотя после географических открытий цены на иностранные товары стали меньше, их количество возросло⁴⁷. Но если эти требования вполне соответствовали традиционному меркантилизму, то несомненно новыми были выступления против вывоза шерсти. Ведь купцы отстаивали свое право вывозить все, что угодно, включая и шерсть. Но вот теперь Э. Мисселден уверял, что вывоз шерсти тоже сыграл свою роль в кризисе сукноделия. К нему присоединялись Т. Мэн и Л. Робертс, заявляя, что лучше вообще продавать готовую продукцию, чем сырье. Л. Робертс шел еще дальше,

⁴² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 763.

⁴³ A Discourse., p. 3, 5, 6, 22.

⁴⁴ Misselden E. Op. cit., p. 100.

⁴⁵ Ibid., p. 50.

⁴⁶ Mun T. England's., p. 127.

⁴⁷ Misselden E. Op. cit., p. 22.

доказывая, что ввозить, в свою очередь, лучше не готовые товары, а сырье⁴⁸. Можно предположить, что изменить позицию купцов побуждали чисто практические соображения: вывоз шерсти повышал цены на нее, а следовательно, и стоимость тканей, что было для них невыгодно. Однако сама постановка вопроса носила явно политический характер, поскольку вывоз продуктов сельского хозяйства был важным источником доходов феодальных слоев⁴⁹.

Меркантилисты требовали проведения активной колониальной политики. «Забота о создании плантаций — это удел государей», — заявлял Г. Мэлайнес⁵⁰. Причем важно отметить, что от феодального государства они требовали буржуазных колоний. Достоинство новых земель они видели не только в рынках сбыта, сырья и рабочей силы, но и в том, что там «нет безжалостных лендлордов, чтобы обременить нас высокими рентами... каждый человек может быть хозяином, иметь собственное дело и землю»⁵¹. Экспансию они требовали проводить энергичным и по возможности более дешевым мирным путем, осуждая войны, которые вела феодальная монархия. Неслучайно дипломат и купец Т. Роэ, который призывал к захвату земель в Северной Африке, в то же время убеждал искать прибыль в мирной торговле, а не в войне⁵². «Пиратское искусство войны не так почетно и не так способствует возвеличиванию государей... как искреннее, справедливое искусство торговли, которая может вестись без крайних мер или кровопролития», — вторил ему Г. Паркер⁵³.

Конечно, когда война была выгодна, купцы, как и буржуазия с новым дворянством в целом, требовали самых решительных действий. Именно поэтому они постоянно выступали за войну с Испанией, которая препятствовала английскому проникновению в Америку. Автор «Роста торговли» энергично доказывал, например, что война с Испанией в прошлом давала работу в два раза большему количеству моряков, чем теперь торговля с ней⁵⁴. Средства на войну против Испании были единственными суммами, которые парламент без колебаний предоставлял короне. В 1624 г. он даже обещал Якову I для этих целей «наибольшую помощь, когда-либо оказывавшуюся парламентом»⁵⁵. В то же время купцы отказывались давать деньги на экспедицию в Кадис, на французский остров Ре и подобные дорогостоящие авантюры. Одним словом, они выступали против непоследовательной и непредсказуемой феодальной политики, когда под давлением дворцовой камарильи мир молниеносно сменялся войной.

Так меркантилисты, члены привилегированных компаний, становились первыми проповедниками принципа свободы торговли, понимая его как свое право делать то, что они хотят. И весьма показательно, что даже памфлет одного из самых ортодоксальных среди них — Г. Паркера — носил название «О свободной торговле». Требования меркантилистов, направленные против феодальной регламентации торговли, в целом совпадали с потребностями развития капиталистического уклада. Время Елизаветы, когда регламентация торговли и пошлины играли положительную роль, создавая тепличные условия для развития слабой еще промышленности и торговли, — это время прошло. Мощь буржуазии и нового дворянства росла, и их интересы все более расходились с интересами абсолютизма. Их требования по сути сводились к требованию целенаправленной внутренней и внешней политики, которая была бы выгодна буржуазии. Поэтому, выражая свои купеческие интересы, меркантилисты объективно выражали взгляды всей английской буржуазии как класса. Но делалось это лишь в той мере, в какой соответствовало их собственным целям. Это становится очевидным при сравнении их взглядов с идеями, которые рождались в среде провинциального купечества и промышленной буржуазии. Представление о взглядах этих наиболее передовых слоев дают памфлет анонимного автора «Правдивое раскрытие причин упадка торговли и уменьшения количества денег в стране с указанием средств против этого», «Трактат против ростовщичества» Т. Кульпепера, памфлет П. Чемберлена «Защитник бедных людей»⁵⁶. Авторы этих памфлетов восприняли все то новое, что встречалось у меркантилистов. Но при этом в некоторых своих положениях они подходили к классической буржуазной политэкономии.

Главное, что отличает их от меркантилистов, — это стремление искать источник прибыли не в распределении, а в производстве. «В превращении сырья в промышленные изделия заключено такое выдающееся богатство и длительное сокровище, что это даже невыразимо. Ибо шерсть, стоящая не более двух шиллингов, превращенная в сукно, дает двадцать, тридцать, даже сорок шиллингов», — отмечает автор «Правдивого раскрытия»⁵⁷. Он добавляет: «Полученное таким образом богатство превосходит золото, добытое из рудников», — явный выпад против денежного фетишизма меркантилистов. Что же является источником прибыли? На этот вопрос отвечает П. Чемберлен: «Какие бы то ни было богатства имеют своим источником труд и прилежание бедняков»⁵⁸. Причем из памфлетов ясно, что речь

⁴⁸ Ibid., p. 50; Roberts L. A Treasure., p. 73; Mun T. England's., p. 134.

⁴⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 307; Меркантилизм, с. 13.

⁵⁰ Цит. по: Кпогг К. British Colonial Theories. Toronto, 1944, p. 29.

⁵¹ Smith J. Op. cit., p. 8.

⁵² Roe T. The Embassy to the Court of Great Mogul. L., 1899, v. 2, p. 344.

⁵³ Parker H. Op. cit., p. 35.

⁵⁴ Trades., p. 24.

⁵⁵ Select Statutes of the Reigns of Elisabeth and James I. Oxford, 1913, p. 312; Calendar of State Papers, Venetian ser. L., 1897, v. 17, N 225.

⁵⁶ Меркантилизм; Culpeper T. Tract against Usurie. L., 1621; Chamberlain P. The Poore Mans Advocate. L., 1669.

⁵⁷ Правдивое раскрытие причин упадка торговли и уменьшения количества денег в стране с указанием средств против этого. — Меркантилизм, с. 143—144 (Далее — Правдивое...).

⁵⁸ Chamberlain P. Op. cit., p. 1, 13.

вполне сознательно идет именно о наемном труде, создающем прибыль для предпринимателя.

В трактате другого автора (Т. Кульпепера) содержится не менее важная идея о решающей роли постоянного и переменного капитала в процессе образования стоимости: «В большинстве продуктов, что дает земля, капитал, вложенный в посадку и обработку их, составляет большую (во многих наибольшую) часть стоимости»⁵⁹. При этом Т. Кульпепер подчеркивал, что снижение затрат на капитал (т. е. фактически издержек производства) снижает и цену товара. С одной стороны, теоретическое осмысление механики образования стоимости имело большое практическое значение для предпринимателей. Особенно это относилось к рассматриваемому периоду, когда возможности увеличения относительной прибавочной стоимости и нормы прибыли крылись в преимущественном увеличении цен по сравнению с затратами переменного капитала⁶⁰. С другой стороны, здесь наносится удар и по теориям меркантилистов о регулировании цен, когда одни защищали высокие, а другие — низкие цены.

Из более передовых идей, которые выдвигали эти представители наиболее передовых слоев, английского общества, логически вытекали и более радикальные политические требования. Они доказывали необходимость отмены всех цеховых ограничений и системы искусственного регулирования цен, снижения налогов, пошлин, ссудного процента⁶¹. Они требовали отмены всех монополий, включая привилегированные, торговые компании, которые, по их мнению, сдерживали развитие промышленности, диктуя низкие закупочные цены. В частности, автор «Правдивого раскрытия» считал причиной всех экономических трудностей страны притеснение промышленников со стороны феодального государства и торговых компаний⁶².

Подобные требования звучали не только в трактатах, но и по всей Англии. Суконщики Глостера в петициях правительству заявляли, что причиной упадка производства является монополия компании «купцов-авантюристов», которая ограничивает экспорт. В 1604 г. палата общин вносит в палату лордов законопроект «о полной свободе торговли со всеми странами». В 1606 г. парламент принял закон «о том, чтобы дать возможность всем любящим Его Величество подданным Англии и Уэльса свободно торговать с владениями Испании, Португалии, Франции». А принятие этого закона, в свою очередь, стало поводом для требований распространить принцип свободы торговли на все остальные страны⁶³.

⁵⁹ Culpeper H. Op. cit., p. 7.

⁶⁰ Меркантилизм, с. 45.

⁶¹ Chamberlain P. Op. cit., p. 7; Culpeper T. Op. cit., p. 6.

⁶² Правдивое..., с. 150.

⁶³ Journal of the House of Lords. L., 1509—1923, v. 1, 6 June 1606 (p. 316); The Argument of a Learned Counsel upon the Case brought by the East India Company against Mr. Thomas Sandys. L., 1696, p. 12, 14; Victoria History of the Counties, Gloucestershire, v. 3. p. 159.

Одним словом, наиболее передовые слои английской буржуазии требовали свободного от всех феодальных ограничений развития капиталистического производства и наиболее адекватной формы реализации его продуктов — торговли в условиях свободной конкуренции. В то же время они требовали не только устранения всех преград свободному предпринимательству, но и активной помощи со стороны государства, подчинения всех его интересов интересам промышленности. «Если не ухаживать за суконщиком и не поддерживать его промышленности, дворянин не сможет продавать своей шерсти, фермер и земледелец не смогут процветать и оплачивать ренты, купцу нечем будет торговать за границей, не говоря уже о многих тысячах маленьких людей, как, например, ткачи, валяльщики, чесальщики шерсти», — заявлял автор «Правдивого раскрытия»⁶⁴. Они присоединялись к требованиям колониальной экспансии, значительно яснее меркантилистов понимая важность колоний для развития промышленности. В частности, П. Корнилиес в трактате «Способ сделать счастливым бедняков этой и других наций» прямо утверждал, что в колониях дешевле земля, сырье, строительные материалы⁶⁵. Об их отношении к внешней торговле можно судить по высказыванию автора все того же «Правдивого раскрытия»: «Только торговля выгодна, которая снабжает нас полезными и необходимыми вещами, как, например, деньгами и таким сырьем и материалами, которые содействовали бы росту нашей промышленности»⁶⁶.

Необходимость подчинения торговли интересам буржуазии доказывали и меркантилисты — можно вспомнить их призывы запретить вывоз шерсти. Но представители передовых слоев буржуазии и здесь шли дальше. В частности, П. Чемберлен утверждал, что в интересах национальной промышленности необходимо отменить пошлины на ввоз сырья и ввести на вывоз, а в отношении промышленной продукции сделать наоборот⁶⁷. Таким образом, наиболее передовая часть английской буржуазии — провинциальное купечество и промышленники — стремились по сути к утверждению буржуазных принципов протекционизма, который в их понимании не противоречил свободе торговли. Объективно он означал бы ускоренный переход к капитализму⁶⁸.

Английский абсолютизм не мог удовлетворить все эти требования; не поступаясь жизненными интересами дворянства, не подрывая основ своей власти. Король и значительная часть феодальной знати были заинтересованы в сохранении монополий и пошлин. Они были не только важным источником доходов, но и

⁶⁴ Правдивое..., с. 150.

⁶⁵ Cornelius P. A Way propounded to make the Poor of These and Other Nations happy. L., 1659, p. 14.

⁶⁶ Правдивое..., с. 145.

⁶⁷ Chamberlain P. Op. cit., p. 24.

⁶⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 767.

помогали осуществлять контроль над экономикой. Дворянство не желало отказываться от феодальных войн, от избыточного потребления, осуждаемого буржуазией. Характерно, что когда палата общин приняла законопроект против вывоза золота и серебра, он был провален в палате лордов⁶⁹.

Колонии дворянство тоже рассматривало как способ укрепления феодализма. Там восстанавливались порядки, забытые в Англии. В частности, хартия Александру на Новую Шотландию восстанавливала там феодальные отношения XII в., а Пладуден получил патент на создание пфальцграфства в районе реки Делавар.

Наконец, вывоз продуктов сельского хозяйства, прежде всего шерсти, также был важным источником доходов как правительства, так и лэндлордов. И даже когда король налагал ограничения на этот вывоз, он руководствовался лишь своими фискальными интересами. В бумагах государственных деятелей того времени можно встретить откровенное признание того, что причиной запрета вывоза необработанных продуктов являлась не забота о промышленности, а низкие пошлины⁷⁰. Как бы обобщая все свои действия, Яков I откровенно заявлял парламенту в 1607 г.: «Возможно, что один или два купца из Бристоля или Ярмута будут иметь в кармане на сто фунтов меньше, но если империя будет иметь прибыль и станет сильнее, — это не имеет значения»⁷¹.

Поэтому последовательное отстаивание своих требований толкало английских купцов, промышленников и новых дворян на все более решительную борьбу против абсолютизма. От частных требований они переходили ко все более общим, за которыми в конечном счете неизбежно вставал вопрос о власти. В этом находило свое выражение растущее противоречие между новым способом производства и старыми производственными отношениями: «... все буржуазное производство оставалось втиснутым в феодальные политические формы средневековья, которые это производство — не только мануфактура, но даже и ремесло — давно уже переросло», — отмечал Ф. Энгельс⁷².

Однако по мере развития этой борьбы росло противоречие и между наиболее радикальными требованиями передовых слоев буржуазии и идеями более консервативных слоев купечества. Их борьба против абсолютизма ограничивалась стремлением отстаивать собственные права. Поэтому в памфлетах меркантилистов можно найти не только призывы к борьбе против политики абсолютизма, но и доводы в оправдание своих традиционных привилегий.

Они, например, защищали торговлю привилегированными компаниями. Те, кто торговал с Индией, Америкой, прибегали к уже упоминавшемуся доводу: если для Европы компании не нужны, то в дальних странах без них не обойтись — индивидуальный капитал не сможет покрыть издержек торговли с ними. Члены же компаний, торгующих с Европой, пытались защитить ту же регламентированную торговлю с помощью совершенно противоположного довода. Г. Паркер писал: «Тот, кто достаточно хорошо управляет с индийцами, турками и берберами, не всегда достаточно подготовлен, чтобы иметь дело с евреями, ганзейцами и голландцами»⁷³. Меркантилисты находили достоинство компаний и в том, что они могут выполнять внешнеполитические задачи. Неорганизованная же торговля не поддается контролю и может служить как союзникам, так и врагам⁷⁴. Наконец, защитники привилегированных компаний всячески противились проникновению предпринимателей в торговлю. В частности, Г. Паркер оправдывал это тем, что они не умеют торговать⁷⁵.

Исходя из своих узкокупеческих интересов, меркантилисты выступали против естественных тенденций развития капитализма. Они, например, критиковали ухудшившееся качество товаров массового производства. «Наши ткани сейчас лучше, чем когда-то, хотя и не так хороши, как следовало бы», — сокрушался Г. Мэлайнес. «Новые ткани мало-помалу делались хуже и хуже, сейчас их совершенно нельзя использовать», — негодовал Э. Мисселден. Он видел в этом одну из причин кризиса в сукноделии⁷⁶. На самом деле этот процесс объективно сопутствовал дальнейшему развитию капиталистического уклада, хотя не был выгоден для потребителя, как отмечал К. Маркс; из-за ускорения износа покупаемых им товаров⁷⁷. Сами меркантилисты были вынуждены признавать, что этот процесс значительно увеличивал прибыли предпринимателей⁷⁸. Плохое качество товаров они объясняли низкой квалификацией производителей, поэтому и выступали против привлечения к труду необученных рабочих. По утверждению Л. Робертса, это наносило ущерб производству⁷⁹. Между тем это также отвечало потребностям капиталистического развития. «Там, где выдвигается капиталист и рабочий, гибнет цеховое устройство, мастер и подмастерье»⁸⁰. А меркан-

⁷³ Parker H. Op. cit., p. 15.

⁷⁴ Discourse..., p. 6; Digges D. Op. cit., p. 26—27; Misselden E. Op. cit., p. 30; Parker H. Op. cit., p. 153.

⁷⁵ Parker H. Op. cit., p. 30; Интересно, что и во второй половине XVII в. купцы еще использовали во взаимных обвинениях довод о «незаконности» торговой деятельности тех, кто не прошел положенного ученичества. (Child J. A Treatise wherein is demonstrated that the East India Company is the Most National of all foreign Trades. L., 1681, p. 15).

⁷⁶ Malynes G. Op. cit., p. 64; Misselden E. Op. cit., p. 42.

⁷⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, с. 114.

⁷⁸ Parker H. Op. cit., p. 16.

⁷⁹ Roberts L. A Treatise..., p. 63.

⁸⁰ Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940, с. 42.

⁶⁹ Journal of the House of Lords, v. 1, 1 June 1607 (p. 536).

⁷⁰ Calendar of the Carew MSS 1601—1624. L., 1870, v. 2, N 115.

⁷¹ Scott W. The Constitution and Finance of English, Scottish and Irish Joint-stock Companies. Cambridge, 1910—1912, v. 1, p. 132.

⁷² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 168.

тилисты продолжали защищать тех, кого они называли «добросовестными производителями», — регламентированное цеховое ремесло. Причину недвусмысленно раскрывал Э. Мисселден: «...торговля постоянно подрывается низкими ценами, по которым могут предлагаться плохие товары»⁸¹. В соответствии с этими взглядами торговые компании постоянно требовали от правительства добиться улучшения качества товаров⁸².

Мы видели, что в ряде памфлетов уже доказывались преимущества низких цен и быстрого оборота. В то же время на практике купцы стремились, когда могли, сохранить за собой право регулирования цен. Когда в 1615 г. в Стамбуле из-за конкуренции венецианцев осталось нераспроданным большое количество английских тканей, Левантйская компания запретила на два месяца экспорт туда тканей под угрозой 20% штрафа⁸³. В самой Англии купцы тоже пытались использовать свое привилегированное положение, чтобы нейтрализовать конкурентов, которые могли бы сбить цены. Когда в неорганизованном производстве родился новый, более продуктивный, процесс изготовления медных пряжек, компания торговцев поясами убедила короля запретить его. В Глостере и Ворчестере Виргинская компания пыталась добиться запрещения разведения табака, опасаясь за свою монополию. Городские книги Ливерпуля сохранили запись о наказании некоего Г. Хэмлина «за покупку нескольких мешков шерсти у иностранца». Наконец, компании пользовались своим монопольным положением для того, чтобы по дешевке скупать товары у непосредственных производителей⁸⁴.

Таким образом, защищая свои интересы, меркантилисты фактически защищали определенные феодальные ограничения — торговые привилегии, цеховую регламентацию, т. е. все то, что способствовало их процветанию еще в эпоху Тюдоров. Конечно, они защищали их лишь постольку, поскольку они им лично не мешали и даже приносили прибыль. То же, что их не устраивало, становилось предметом решительной борьбы с абсолютизмом. Однако нарастание этой борьбы неизбежно делало их противниками как абсолютизм и дворянство, так и наиболее передовые слои буржуазии, которые стремились к устранению всех ограничений собственности.

В этих условиях часть купечества начинала склоняться к тому, что абсолютизм — меньшее зло. Ведь защищая все феодальные привилегии, он защищал и те из них, которые стремились сохранить члены торговых компаний. Здесь интересы их, по крайней мере частично, совпадали. И мы встречаем вполне осознан-

ные призывы к абсолютизму с напоминанием об этом буквально в тех же самых трактатах, в которых доказывается необходимость борьбы против его политики.

Авторы памфлетов указывали, что торговля, которую ведут привилегированные компании, весьма выгодна для феодалов. «Когда купец имеет хорошие рынки сбыта в других странах для своих тканей и других товаров, он постоянно возвращается, чтобы закупить больше, — что увеличивает цены на нашу шерсть и другие товары, и, следовательно, увеличивает ренты лэндлордов», — писал Т. Мэн⁸⁵. Он даже заявляет, что, хотя торговля тканями и приносит огромные богатства, необходимо больше внимания уделять продуктам земледелия. К нему присоединился Э. Мисселден: «Когда процветает торговля, улучшается состояние земель и рент»⁸⁶. Неоднократные заявления о том, что торговля обогащает не только купцов, но и феодальную верхушку, можно встретить и у Л. Роберта. А автор «Роста торговли» призывал дворян участвовать в освоении Виргинии и Бермудских островов⁸⁷.

Меркантилисты подчеркивали важность торговых компаний для самого абсолютизма. Упорядоченная торговля увеличивает доходы короля, его славу и могущество — такие утверждения мы встречаем у Э. Мисселдена, Т. Мэна, П. Уилера, у автора памфлета «Новая Британия»⁸⁸. При этом Т. Мэн утверждал, что даже если купец будет торговать с убытком для себя, король всегда будет в выигрыше, получая пошлины. Что еще более важно — купцы сулили абсолютизму не только материальные выгоды, но и политические. Г. Паркер, например, писал, что компании могут сослужить хорошую службу королю в деле «предотвращения общественных недоразумений», — проще говоря, волнений⁸⁹.

Все эти уверения в общности интересов преследовали вполне определенную цель: во-первых, добиться новых уступок от абсолютизма, но не опасной борьбой, а обещая помощь в трудное для него время; во-вторых, заручиться помощью самого абсолютизма в борьбе против более радикальных слоев буржуазии. Г. Паркер взывал к монархии: «Сукноделы начали в последнее время рассуждать больше, чем когда-либо, и всех наших сил не хватит противостоять им, если только государство не протянет руку помощи»⁹⁰. Он же убеждал, что от промышленников господствующим слоям меньше пользы и поэтому следует опираться на купцов. «Цель сукноделов — уменьшить ту прибыль, на

⁸¹ Misselden E. Op. cit., p. 129.

⁸² Lipson E. Op. cit., v. 2, p. 235; Willcox B. Gloucestershire: a Study in local Government 1590—1640. New Heaven, 1940, p. 170.

⁸³ Epstein M. The English Levant Company. L., 1908, p. 130.

⁸⁴ Dietz F. An Economic History of England. N. Y., 1942, p. 180; Willcox B. Op. cit., p. 159; Chandler G. Liverpool under Charles I. Liverpool, 1965, p. 128; Меркантилизм, с. 12, 13.

⁸⁵ Mun T. England's..., p. 142.

⁸⁶ Misselden E. Op. cit., p. 4.

⁸⁷ Roberts L. A Treatise..., p. 85; 108; Mun T. England's..., p. 147.

⁸⁸ Misselden E. Op. cit., p. 89; Mun T. England's..., p. 147; Wheeler J. Op. cit., p. 153; Nova Britannia, p. 147.

⁸⁹ Parker H. Op. cit., p. 10.

⁹⁰ Ibidem.

получение которой направлены сейчас старания и предприимчивость купцов», — предостерегал он⁹¹. Отдельные выразители взглядов купечества, опасаясь потерять в ходе антифеодальной борьбы свои привилегии, призывали вообще отказаться от этой борьбы и во всем полагаться на милость абсолютизма. «Вся торговля купцов нашего королевства с другими странами основана на дружеских отношениях короля и мирных договорах... и на его собственной власти, без помощи парламента», — льстиво писал Э. Мисселден⁹².

В подобной двойственности взглядов меркантилистов, в их склонности к компромиссам находили свое отражение классовые позиции английской торговой буржуазии в целом. Она колебалась и проявляла непоследовательность в борьбе за свои права. Там, где преобладает купеческий капитал, господствуют устаревшие отношения, отмечал К. Маркс⁹³. В то же время, опираясь на свое экономическое и политическое влияние, верхушка купечества претендовала на роль лидера в общественной жизни, чтобы свести борьбу против абсолютизма к собственным целям и приспособить абсолютизм к своим интересам. «Что выгодно английскому купцу, то выгодно и английской нации..., процветание купца — это процветание общества», — утверждал Г. Паркер⁹⁴. «Тот, кто производит богатства, тот, следовательно, порождает также силу и порядок», — писал о купцах Л. Робертс⁹⁵.

Непоследовательность и пассивность купечества ясно видели те выразители интересов передовых слоев буржуазии, чьи взгляды уже анализировались. Они критиковали купцов за склонность к компромиссам. «Обычно все купцы, когда они приобретают большое богатство, оставляют торговлю и превращаются в ростовщиков», — констатировал Т. Кульпепер⁹⁶. «Богачи отнюдь не самые большие враги монархии. Титулы, угрозы, обещания быстро успокоят их», — отмечал П. Чемберлен⁹⁷. И справедливо указывая на недостатки купечества, слои промышленной буржуазии выдвигали себя на первое место во всей экономической и политической жизни Англии накануне революции. В частности, такую мысль мы уже встречали в памфлете «Истинное исследование...»⁹⁸ Эти идеи формировались и утверждались в борьбе не только против существующей феодальной системы ценностей, но и против купеческого меркантилизма. Эти идеи вполне соответствовали реальному положению вещей — ведь именно в возвышении промышленности заключалось превращение феодализма в капитализм.

⁹¹ Ibid., p. 3.

⁹² Misselden E. Op. cit., p. 68.

⁹³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, с. 360.

⁹⁴ Parker H. Op. cit., p. 1, 13.

⁹⁵ Roberts L. Merchants., p. 111.

⁹⁶ Culpeper T. Op. cit., p. 3.

⁹⁷ Chamberlain P. Op. cit., p. 21.

⁹⁸ Правдивое..., с. 150.

Таким образом, по мере приближения революции борьба шла не только по вопросу о власти между лагерем буржуазии и лагерем феодальной реакции. Борьба шла и внутри буржуазии — по вопросу о руководстве революцией, о способах и методах борьбы. По сути дела речь шла здесь о двух путях развития капитализма, как их определял К. Маркс: о революционном, — когда производитель становится купцом, и о застойном — когда купец подчиняет себе производство⁹⁹. Победа в этом вопросе передовых промышленных слоев способствовала бы наиболее успешной и последовательной борьбе против феодализма. Свой вклад в решение этого исторического спора предстояло сделать английской буржуазной революции XVII в.

Источники

Р. И. Новая Британия — получение исключительно прекрасных плодов путем освоения Виргинии¹

...А теперь посмотрим, какую пользу можно извлечь отсюда для общественного блага. Как совершенно очевидно, это можно сделать многими способами. Во-первых, если мы подсчитаем, то увидим, какой прогресс корабельного дела может быть получен там. Мы можем удовлетворить свои потребности в самых различных вещах, а также и потребности других наций в таких необходимых вещах, имеющих там, которые сейчас трудно получить из какой-либо другой части света, таких, как корабельный лес... Он хоть и не является изящным товаром, но зато пользуется исключительным спросом и обеспечит нам золото и серебро других стран. Только Англия и Голландия тратят на это ежегодно около 300 тыс. ф. ст. Мы можем отправлять корабельный лес в Гамбург, Голландию или в другие места на 50% дешевле, чем из Пруссии или Польши, откуда его сейчас только и можно получить...

Отсюда мы также можем получать в больших количествах железо и медь. Причем в этом случае вырубка леса, как и для строительства кораблей, принесет не вред, а большую пользу этим краям; огромный излишек лесов, даже если непрерывно их вырубать много столетий, сохранится. В то же время это будет благоприятно для нашей страны, так как позволит сохранить наши леса... Здесь есть шелковичные черви и много шелковиц. Благодаря этому женщины и дети, обученные ремеслу, могут заниматься с удовольствием изготовлением шелковых тканей, кото-

⁹⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, с. 367—368.

¹ Автор трактата, подписавшийся лишь инициалами «Р. И.», не скрывает, что видит свою цель в рекламировании достоинств и выгод английских колоний в Северной Америке. Анонимный автор в предисловии утверждает, что воспроизводит доводы одного из участников проекта освоения Виргинии на совещании в Лондоне в 1609 г.

рые можно сравнить с тканями Персии, Турции или любимыми дру- гими. Мы можем получать отсюда осетрину, икру и лучшую реч- ную рыбу. Здесь есть конопля для канатов, прекрасный товар, и лен для изготовления тканей. Если за ним хорошо ухаживать, то в такой плодородной почве, при таком климате он принесет большую выгоду и превзойдет то, что получают в других стра- нах...

В последнее время опыт научил нас, на примере некоторых наших соседей... отправлять корабли во все части света, чтобы удовлетворить собственные нужды, а также поставлять из одного королевства в другое необходимые товары, которые они иначе не могут получить. Это способствует накоплению опыта, появлению обученных людей, усилению мощи на море и на земле, в то вре- мя как честь и богатство посещают того, кто делал первоначаль- ный вклад.

Достаточно взглянуть немного назад, чтобы увидеть, какими новичками во внешней торговле мы были лет сто назад, не зная ни как везти, ни куда, торгуя лишь с некоторыми рынками на расстоянии двух дней плавания. И это считалось настолько боль- шим делом, что участников называли «купцами-авантюристами». И еще следует принять как правило, что внутренняя торговля приносит лишь незначительную выгоду сообществу, о чем доста- точно привести примеры из отечественной истории... Человек, который видит разницу и сравнит времена до и после правления королевы Елизаветы, подумает, что просто невозможно (и тем не менее факты его убеждают), что за время одной Елизаветы... увеличились ее доходы от пошлин, мощь ее флота, улучшились условия жизни ее народа, в каждом случае в семь раз, — и все это только благодаря королевской поддержке торговли...

Возвращаясь к нашим делам, хочу сказать, что те трудности, которые сейчас наблюдаются, не будут ни большими, ни продол- жительными, если правильно взяться. Здесь особенно необходи- мы две вещи: люди для создания плантаций и деньги, чтобы опла- тить производимые в настоящее время приготовления и корабли. Первую вещь мы имеем, вне всякого сомнения. Наша страна изобилует праздными людьми, которые, не имея возможности в труде преодолеть свою нищету, массами пускаются в порочные и греховные предприятия. Если мы не найдем способов трудо- устроить их за границей, нам вскоре понадобится больше тю- рем... Мы обнаружим, что так и было: готы, вандалы и другие варварские народы, замечая у себя перенаселение, отправляли в разные стороны армии, чтобы занять Испанию, Италию и дру- гие страны, а свои собственные избавить от тягот. Так что, как видите, это не новая, но крайне выгодная для нашего государ- ства вещь — избавиться от обилия таких людей, которые пора- жают страну эпидемией и бедностью, заражают друг друга гре- хом и преступлениями хуже, чем сама чума. Впрочем, я не имею в виду, что только такие нездоровые члены общества и такие бедняки, нуждающиеся в хлебе, являются наиболее пригодными

для использования здесь. Мы намереемся привлечь людей лю- бого занятия и ремесла, людей честных, мудрых и терпеливых, которые будут рады приехать и которыми страна и деловые круги² сочтут возможным пожертвовать...

Однако я заклинаю вас остерегаться и избегать трех видов людей. Наибольшее отвращение вызывают плохие представители деловых кругов, тем или иным образом сбитые с честного курса... Они всегда будут стараться строить козни, чтобы нанести вред колонии. Такие люди ежедневно напрягают мозги и стараются с помощью лживых заявлений под предлогом пользы для общест- венного блага покуситься на наши древние свободы. Если бы не противодействие властей, они бы захватили монополию — снача- ла на одно, потом на другое, принадлежащее свободно каждой человеческой профессии. Это означало бы настоящее разрушение торговли.

Второй вид людей — паписты. Из них я бы ни одного, хотя бы в самой незначительной степени отмеченного их заразой, не допустил бы селиться в нашей колонии или в другой части стра- ны. А если бы уже это случилось, то такого человека следова- ло бы выставить прочь и отправить на корабле обратно в Англию, потому что он всегда будет замышлять заговоры...

Третий вид людей, которых необходимо избегать — это зара- женные злом чиновники³, чума, о которой сам бог жаловался пророку Исае: «О мой народ! Те, которые ведут тебя, застав- ляют тебя заблуждаться».

Что же касается основной массы людей, которые могут по- ехать на плантации, то здесь их ждет богатство. Из представи- телей всех видов ремесел мы прежде всего готовы принять плот- ников, корабельщиков, каменщиков, лесорубов, сеятелей, паха- рей, рыбаков, бондарей, кузнецов, портных, гончаров и тому по- добных, чтобы покрыть все нужды колонии... Здесь есть возмож- ности посадить за работу много тысяч людей, частично в тех отраслях, которые я упоминал, и во многих других выгодных отраслях... Здесь ни один человек не останется без дела. Таким образом, наши моряки не будут бездельничать, а нашим судовла- дельцам не придется продавать свои корабли ради выгод фрахта. А вы ведь знаете, как много хороших кораблей продается еже- дневно в другие страны, как много людей в поисках занятия от- правляются в Тунис, Испанию и Флоренцию...

Мы намереемся получать здесь, бог даст, огромное количе- ство сахарного тростника, для которого почва и климат чрезвы- чайно подходящи, лен, рапсовое семя, чтобы делать масло. Мы также должны посадить апельсины, лимоны, миндаль, рис, хло- пок, имбирь, марену, оливы, сумах и многое другое, что я даже затрудняюсь сейчас назвать. Все они очень хорошие предметы торговли и будут расти как в Италии или в любой другой стра-

² В оригинале: city.

³ В оригинале: magistrates.

не, откуда мы их сейчас получаем. И в дальнейшем исследовании этой земли нам сопутствует несомненная надежда найти кошинеель, индиго, жемчуг, а также южное море, ведущее в Китай, и многие другие блага, которые мы еще обнаружим.

Но из всех тех вещей, которыми бог обделил эту землю, следует особо отметить овец, которые необходимы для изготовления шерстяных тканей. Эти ткани, в которых мы нуждаемся, всегда могут быть поставлены из Англии. По мере того, как колония будет увеличиваться, а индейцы будут приобщены к цивилизации (что произойдет в ближайшее время), все это обусловит широкий сбыт английских тканей к огромной выгоде для нашей нации, возрождение древнего ремесла сукноделия, пришедшего в такой упадок в Англии...

...Эти проекты заслуживают самой энергичной поддержки. Благодаря им мы не будем предпочитать маленькие суда, как мы сейчас начинаем делать, а снова станем отправлять такие купеческие корабли, высокие и прочные, что ни один иностранный корабль не сможет заставить их поклониться. Благодаря им мы сделаем этот маленький северный уголок мира в короткое время богатейшим складом и рынком для торговли со всей Европой.

Вторая вещь, необходимая для плантаций, — это деньги. Их следует собрать среди купцов, причем чем более активно они будут участвовать, тем меньше будут их расходы, тем больше прибыль...

Прежде всего надо понять, что его величество даровал нам расширение нашей хартии, со многими широкими привилегиями. В ней есть рыцари и высокопоставленные джентльмены, введенные в королевский совет по делам Виргинии, чтобы управлять нами. Точно так же каждый колонист или купец будет включен в патент поименно. Заложив эту основу, мы планируем теперь обеспечить приток мужчин, женщин и детей (как можно больше), чтобы создать колонию. Одни, колонисты, едут непосредственно, чтобы поселиться там. Другие вкладывают деньги, сами не едут. Но и те и другие считаются членами одной колонии. Каждому обычному участнику, включая десятилетнего ребенка, который будет привезен и останется в колонии, будет обеспечен пай, как если бы они внесли 12 фунтов 10 шиллингов деньгами. Все участники — священнослужители, управители, государственные и судебные чиновники, рыцари, джентльмены, врачи и люди, которые могут сослужить особую службу, — едут как колонисты и выполняют свои функции в колонии. Они содержатся за счет общих взносов и будут получать свои дивиденды (подобно другим) в конце семилетнего срока. Дивиденды будут согласованы со всеми перед отъездом, определены советом в соответствии со значимостью участников и зафиксированы в книге. Так что всегда будет видно, какие люди приехали в колонию, когда и как их оценили...

Что касается раздела земель в конце семилетнего срока, то

многие возражают, что они будут иметь небольшую ценность, и распределение будет неравным. Но им следует понять, что ни один человек не будет иметь участок в одном месте, не будет лучше или хуже всех остальных. Каждый будет иметь участок пропорционально своему вкладу, причем в трех-четырех различных местах. Они будут выделены на плохих и хороших землях комиссионерами, равно избранными вкладчиками в Англии и колонистами в колонии. Что же касается небольшой ценности этих земель сейчас в Виргинии, то мы знаем, что в Англии 30—40 лет назад ежегодная земельная рента во многих местах не стоила 5 шиллингов, а теперь стоит сорок и больше...

Наши предки, которые не действовали вовремя, упускали лучшую часть, предлагаемые величайшие богатства мира. Мы упрекаем их за это. Однако сейчас получается так, что перед нами, их детьми, стоит такое же испытание. Еще осталась внушительная доля, божественным провидением предлагаемая на наш выбор... И подумайте также о великой задаче освобождения бедных индейцев от мучений, о сострадании, которое каждый добрый человек, проходящий мимо, должен оказывать зверю. Их дети, когда будут спасены, благославят день, в который их отцы впервые увидели ваши лица.

Если бы те бесстрашные английские и шотландские воины, которые часто рисковали своей жизнью и проливали свою кровь, чтобы отвоевать Палестину у турок и сарацин, увидели бы в свои дни эту широко открытую дверь и путь, ведущий к стольким добрым приобретениям, несомненно, на нашу долю этого бы уже не досталось. Как странно, что все государства Европы так долго спали?...

Nova Britannia: offering most excellent fruites by planting in Virginia. Printed for Samuel Macham in London, AD 1609.

Смит Джон. Описание Новой Англии или наблюдения и открытия капитана Джона Смита (адмирала в той стране) в Северной Америке в год 1614⁴.

...Главный продукт, который сейчас можно получать здесь, — это рыба. Она может показаться низменным и грубым товаром,

⁴ Автор трактата Джон Смит (1580—1631) — фигура весьма колоритная и показательная для той эпохи, периода первоначального накопления капитала, путешествий, ломки устоявшихся традиций. Джон Смит воевал против Испании сначала с французами, потом в Нидерландах. Затем, по его рассказам, он путешествовал по Италии, жил среди пиратов, служил у герцога Австрии, в Трансильвании, попал в плен к туркам, был продан в рабство в Варну, откуда бежал, убив хозяина, и через Марокко вернулся в Англию. В 1606 г. он отправился на освоение Виргинии в составе первой группы колонистов, побывал в плену у индейцев, сыграл руководящую роль в смещении первого президента колонии Эдуарда Уингфила и в 1609 г. на некоторое время сам занимал этот пост. Затем он возвращается в Англию, но лишь для того, чтобы снова отправиться в Северную Америку, на этот раз в Новую Англию. Впечатления, вынесенные оттуда, и легли в основу приводимого здесь трактата, одного из примерно десятка сочинений, написанных Джоном Смитом.

однако тот, кто возьмет на себя труд подсчитать результаты, увидит, я думаю, что это дело стоящее... Кто не знает, что бедные голландцы в основном благодаря именно рыболовству, в напряженном труде, в любую погоду в открытом море, стали такой важной и преуспевающей нацией! И продавая этот несчастный товар ганзейским купцам в обмен на столь же низменные вещи — такие как дерево, лен, смола, деготь, канифоль, пенька (что опять сбывается французам, испанцам, португальцам, англичанам в обмен на необходимые товары), Голландия стала столь могущественна, сильна и богата, как никто кроме Венеции, которая вдвое ее больше. Ее украшает так много хороших городов, сильных крепостей, такое изобилие кораблей и разнообразных товаров. Здесь и золото, и серебро, жемчуга, алмазы, шелка, бархат, а также рыба, смола, дерево и другие грубые товары. А какие открытия и путешествия на Восток и на Запад, на Север и на Юг, да что там, — по всему миру совершают они? А какую армию на море и на суше они создали, несмотря на противодействие одного из величайших государей мира? И никогда не могли испанцы, при всех своих золотых и серебряных копиях, оплатить свои долги, своих союзников и армию хотя бы наполовину так же честно, как это делают голландцы с помощью презренной торговли рыбой... Это их копи, и море — источник серебряных потоков, которые питают все их могущество. Это сделало их теперь чудом предприимчивости, образцом для подражания в делах. И выгоды от торговли рыбой — это та первопричина, которая поднимает все их слои к вершинам изобилия, силы, славы и обожания...

И если это может давать прибыль даже там, где моряки соглашаются на долю, не составляющую и трети от их труда, где они тратят столько же времени на путь туда и обратно, сколько на ловлю — так короток рыболовный сезон, то почему же мы должны больше сомневаться, чем голландцы, португальцы, испанцы, французы или другие? Почему бы нам не делать лучше, чем они? Ведь здесь в колонии достаточно пищи, чтобы прокормить нас, лес всех сортов, чтобы строить лодки, корабли, барки. Здесь рыба плещется прямо у порога, здесь смола, деготь, мачты, пиломатериал и многие другие предметы, из которых только делать и делать! И здесь нет безжалостных лэндлордов, чтобы обременять нас высокими рентами и терзать поборами. Здесь нет утомительных судебных тяжб, которые в течение многих лет терзали бы нас юридическими рассуждениями. Здесь нет той многолюдности, создающей помехи добрым порядкам, как в заселенных государствах. Так свободно бог и его величество даровали эти благословения всем желающим их получить, что здесь каждый человек может быть хозяином, иметь собственное дело и землю... Кто не имеет ничего, кроме своих рук, может заняться этим ремеслом, рыболовством, и предприимчивость обеспечит быстрое богатство за половину того времени, что мы проводим в Англии в безделии, хуже, чем болезнь.

...Почва столь плодородна, что, несомненно, здесь можно выращивать любые злаки и фрукты, которые растут в других местах. Правда, возможно, что не всегда это будут самые лучшие сорта или некоторые нежные растения могут не дать плодов, потому что лето не такое жаркое, а зима холоднее, по крайней мере там, где мы уже обосновались на побережье, чем в соответствующих регионах Европы и Азии.. На островах и полуостровах можно выращивать все виды сельскохозяйственных животных, практически ничего не тратя на прокорм. А пока они не подрастут, я ручаюсь в случае необходимости, в зависимости от времени года, добыть у дикарей пропитание, которого хватит на 300 человек, за несколько безделушек. Если же они не пойдут навстречу (что скорее всего и будет), то тридцати или сорока крепких мужчин хватит, чтобы привести их к повинению и добыть эту провизию... 200 человек можно ежегодно в течение девяти месяцев использовать в рыболовстве, рассчитанном на торговлю, в то время как остальные займутся прочими необходимыми вещами, способными обеспечить нас другими товарами... Занятие для бедняков и детей, оставшихся без отца: дети обоего пола из числа дикарей, а также и любые другие могли бы, не будь они такими бездельниками, обрабатывать и таскать рыбу без большого стыда или усилий. Только отъявленные лентяи в 12 лет не могут этого делать, и только глубокие старухи не могут скручивать нить, чтобы делать сети...

...2 тыс. ф. ст. будет достаточно для оснащения двух кораблей водоизмещением в 200 и 100 т. Рыбой, которую они оба доймают, можно заполнить тот, у которого 200 т, и в Испании ее продать по 10 шиллингов за кинтал⁵. Обычно цена 15 или 20, особенно в начале сезона, и все вместе, следовательно, будет стоить 3—4 тыс. ф. ст. Но пусть будет самая низкая плата, 10 шиллингов, — тогда это принесет 2 тыс. ф. ст. Таким образом, покрываются все издержки по оснащению ваших судов. Затем последующая выручка — от перевозки вина, винограда или других поездок — это уже чистая прибыль... И все это вы можете иметь по истечении шести месяцев. К тому же можно вдвое уменьшить эти издержки, расходы на пропитание, на содержание команды и плату им, если не допускать простоя судов, везти обратно грузы, необходимые для колонистов... По истечении определенного времени так можно получить прибыли, равные голландским, если не больше...

Как это укрепит наше кораблестроение! Как это увеличит количество моряков, даст занятие большей части тех, кто не может на родине найти себе работу по способностям и стыдится там делать то, что он стал бы делать в других странах. Достаточно один раз вкусить сладкие плоды собственного труда, и, несомненно, многие тысячи будут убеждены хорошим примером, найдут больше удовольствия в честной деятельности, нежели в безделии...

⁵ Кинтал — 122 фунта (50,8 кг).

Из людей, которые имеют мало средств или вообще только собственные способности для обогащения, кто может получить больше удовлетворения, нежели те, которые обрабатывают эту землю, приобретенную с риском для жизни? И для тех, кто ощутил хотя бы вкус добродетели и благородства, что может быть приятнее создания основ своего будущего на девственной почве, божьим благословением и собственной предприимчивостью, без предубеждения по отношению к кому бы то ни было? И тот, кто имеет хоть крупицу веры или религиозного рвения, — может ли он сделать что-либо более безвредное для всех и более угодное богу, нежели стремиться обратить несчастных дикарей в христианство, привести к цивилизации? Что лучше согласовывается с честью и честностью, нежели изучение неизвестных вещей, создание городов, заселение стран, просвещение невежественных, исправление несправедливостей, обучение добродетели, приобретение для нашей родной страны королевства, которое обслуживало бы ее, привлечение к труду тех, кто бездействует, потому что не знает, что делать?..

Я не такой простака, чтобы считать, что какой-либо иной мотив кроме богатства сможет когда-либо создать здесь сообщество, или побудить людей оторваться от легкой и веселой жизни дома и поселиться в Новой Англии, чтобы осуществлять цели, о которых я говорил. И чтобы кто-нибудь не подумал, что почва здесь непригодна, хотя и такое можно преодолеть трудом и прилежанием, я скажу: я убедился, что люди, которые предаются бесцельным удовольствиям, прилагают в Англии значительно больше усилий для достижения желаемого, нежели мне стоит здесь приобрести достаточное богатство. И при этом, я полагаю, они не ощущают даже половины того удовлетворения, потому что наши удовольствия связаны здесь с приобретением, а в Англии — с потерей и издержками. Здесь природа и свобода сами предлагают нам то, что мы хотим в Англии и что стоит нам дорого. Что может быть более приятно, чем выращивать вина, фрукты или злаки, хозяйствовать на собственных землях, полях, садах, виноградниках, в зданиях, на кораблях, заниматься другими делами к собственному удовольствию? Что может быть лучше отдыха за собственной дверью, в собственных судах на море, где мужчины, женщины и дети могут запросто ловить прекрасную рыбу самых разнообразных видов? И это не просто развлечение, это принесет два, шесть, двенадцать пенсов — все зависит от того, как быстро вы можете управляться с удочкой... Если работать лишь три дня в неделю, можешь приобрести больше, чем в состоянии потратить, если только не злоупотреблять.

Для джентльменов какое занятие может быть восхитительнее путешествий по этим неизведанным местам, поисков дичи, рыбы, соколиной охоты?.. Леса, озера и реки предлагают дичь, которой достаточно для удовлетворения любого любителя охоты, изобилуют такими видами зверей, которые удивляют не только вкусом мяса, но и ценой шкуры...

Я не преследую цель убедить детей покинуть родителей, мужей — жен, а слуг — хозяев. Я говорю лишь о людях, без которых при добровольном согласии можно обойтись. Пусть каждый приход, деревня, город или графство обратит взор на детей 13—14 лет, оставшихся без отца, на молодые супружеские пары, имеющие мало средств для существования. Здесь своим трудом они могут жить исключительно хорошо. Естественно, все это при условии, что сначала надо создать органы власти для управления ими, дома и средства защиты для них... И прежде всего необходима крепость, а также достаточное количество мастеров, таких, как плотники, каменщики, рыбаки, охотники, садовники, управители, лесорубы, кузнецы, прядильщики, портные, ткачи и тому подобное, которые бы взяли 10, 12, 20 учеников, в зависимости от обстоятельств. Благодаря этому мастера могли бы быстро разбогатеть, а подмастерья изучили бы свое ремесло, чтобы последовать их примеру — и все это к всеобщей и превосходящей любую фантазию выгоде для короля, страны, для хозяина и слуги...
Smith John. A Description of New England or the observation and Discoveries by Capitain John Smith (Admiral in that Country) in the North of America, in the year of our Lord 1614. Printed in London by Humfrey Lownes for Robert clerke AD 1616.

Робертс Льюис. Сокровище торговли или рассуждения о внешней торговле, в которых показаны выгоды и удобства для общественного блага или королевства, приносимые умелым купцом, а также хорошо упорядоченной и регулируемой торговлей⁶

Политические деятели, которые писали о государственном устройстве, отметили три основных способа, с помощью которых королевство может обогатиться. Первый — это завоевания, но такой путь следует признать как накладным и кровопролитным, так и рискованным. Второй способ — создание колоний, строительство хорошо расположенных поселений, однако и этот путь следует считать неопределенным, требующим больших расходов, и утомительным. Наконец, третий и последний способ — это торговля, торговля внешняя, которая сулит наиболее надежный, легкий и быстрый путь к обогащению. Для осуществления первых двух способов требуется тратить деньги и время, в то время как

⁶ Автор трактата — лондонский купец Льюис Робертс (1596—1640), неоднократно упоминавшийся в статье. Одно время он был директором Ост-Индской компании, а также участвовал и в англо-левантийской торговле (с Восточным Средиземноморьем). Льюис Робертс состоял на службе компании в Стамбуле и после возвращения в Англию в 1638 г. опубликовал книгу «Купеческая карта торговли» — детальное руководство для начинающих купцов, содержащее не только массу практических советов по ведению дел в Леванте и других регионах, но и соотношение курсов валют. Трактат, который приводится здесь, вышел уже после его смерти и может считаться своего рода манифестом английской купеческой верхушки. Он содержит требования, предъявляемые купцами к государству, и не случайно адресован автором парламенту.

для третьего нужны лишь льготы, привилегии и свободы для купца...

Можно сказать, что изобилие и богатство государства или нации покоятся на трех вещах:

1. Естественные продукты и товары.

2. Искусственные продукты и товары.

3. Выгодное использование, распределение тех и других с помощью торговли.

Под естественными продуктами следует понимать такие товары, которые сама по себе дает природа или труд на земле. Все это я отношу к естественным богатствам, которые обеспечивают изобилие королевству или графству. Однако земля сама по себе производит два различных вида естественных продуктов. Один вид — продукты, добытые из-под земли, такие, как золото, серебро, медь, свинец и прочее. Второй вид — продукты, которые растут в земле — такие, как фрукты, и тому подобное... Люди могут сказать, что эти продукты приносят богатство стране сами по себе, но на самом деле это делается с помощью торговли, способствуя благополучию жителей и успехам всеобщей торговли... Дары, которые природа предлагает людям, будут ущербны для них, их земли будут переполнены прекрасными деревьями и редкими минералами, фрукты и достоинства которых не будут пользоваться спросом ни у соседей, ни в других странах... и, следовательно, никаким способом не принесет выгоды стране, если торговля не обменяет эти вещи на те, в которых имеется нужда...

Вторая вещь, которая, как я отмечал, обогащает королевство — это искусственные товары... Здесь два основных момента имеют значение для успехов в торговле и для выгоды королевству. Во-первых, это число работающих людей, и оно в первую очередь обеспечивает изобилие товаров. Во-вторых, важно их умение, способности, т. е. все то, что делает хорошую репутацию производимым товарам... И так же, как в случае с естественными продуктами, искусственные продукты королевства, как бы ни были они хороши сами по себе, без содействия торговли не могут принести пользу общественному благу, не могут обеспечить изобилие и обогатить. Перейдем теперь к третьему пункту, т. е. к самой торговле... Чтобы понять, как надо вести, сохранять и увеличивать торговлю, следует остановиться на нескольких основных пунктах.

Первое соображение касается того, какие товары следует вывозить в другие страны... Вывозить надо лишь те товары, которыми изобилует страна, вывоз которых может быть разрешен. И наоборот — товары, в которых ощущается нужда, ни под каким видом нельзя допускать к вывозу. Нельзя разрешать и вывоз того, что в других странах может быть использовано против нас — таких товаров, как оружие, лошади, амуниция, предметы для морского и военного дела и тому подобное...

Что же касается золота и серебра, то во многих странах его вывоз тоже запрещен, хотя и часто плохо соблюдается, в других

же наоборот разрешен... Хочу привести в пример Тоскану. Ее богатство и изобилие следует приписывать скорее ее торговле и исключительному государственному управлению в вопросах торговли, нежели ее климату или предприимчивости жителей. Отмечено, что три хороших принципа привели эту торговлю к тем высотам, которых она сейчас достигла. Во-первых, это разрешение свободного и открытого вывоза денег. Во-вторых, это необременительные пошлины, уплачиваемые государю за все товары. В-третьих, это хорошее качество и реальная ценность монеты, которая имеет хождение во владениях герцога Тосканского... Надеюсь, что одного этого примера достаточно, чтобы доказать, что терпимость в вопросах вывоза денег еще не создает сама по себе нехватки золота и серебра, так же как запрещение вывоза еще не создает изобилия. Но я не буду дальше распространяться на эту тему, а лишь посоветую всем купцам придерживаться законов и установлений государей, вести дела в соответствии с обычаями тех стран и мест, где они торгуют...

Практикуется еще запрещение вывоза таких искусственных продуктов, которые еще не до конца изготовлены. Так, например, обстоит дело в Англии с шерстью: ее нельзя вывозить, пока она не переработана в ткань. Однако и ткань, отделанную не до конца, вывозить запрещено, потому что в противном случае уменьшаются возможности работы для ремесленника и рабочего...

Этот принцип так неукоснительно и ревностно соблюдается некоторыми государями, что они не удовлетворяются материалами, которые имеются в их странах, но прилагают всю изобретательность, чтобы получить другие из-за границы, дать занятие и работу своим подданным. Так они значительно обогащаются сами, приносят славу своей родине, оказывая великую помощь ее торговле, продавая изготовленные товары даже тем странам, которые когда-то первыми поставляли их и обеспечивали материалы для их производства. Примеров тому мы найдем множество, в самых различных странах... Здесь следует вспомнить — и заслуженно — город Манчестер в Ланкастере. Он закупает в огромных количествах пряжу в Ирландии и сотканное полотно отправляет обратно в Ирландию... Они покупают в Лондоне хлопок, который приходит из Смирны и Кипра, обрабатывают его и превращают в бумазею, вермильон. Затем ткани возвращаются в Лондон, где они продаются — и нередко за границу, в те страны, где условия значительно более благоприятны для производства этих тканей...

Можно обнаружить, что где вывоз товаров, производимых в стране, преобладает над ввозом, торговля процветает, и лучше предпочитать отечественное, пренебрегая иностранным, чем предпочитать иностранное в ущерб отечественному... Отечественное производство, как наиболее полезное, следует поощрять в первую очередь... Так, чтобы как можно больше товаров изготовлялось в стране, отчасти, чтобы обеспечить потребление ввозимого сырья, отчасти, чтобы дать работу бедным ремесленникам, но прежде

всего, чтобы продвинуть вперед торговлю королевства и обеспечить хороший оборот для английских тканей. Некоторые государства серьезно занялись этим вопросом и добиваются со всей возможной заботой прогресса там, где имелись недостатки, как это делал король Яков I, оставивший знаменитую память...

Некоторые, чтобы добиться прогресса, освободили отечественное производство от налогов, от всех пошлин и прочих поборов, связанных с продажей и вывозом товаров. Так они поощряют своих подданных производить их, а купцов — вывозить их в другие страны. Некоторые обложили иностранные товары, в которых сейчас нет особой нужды, большими налогами, сдерживая таким образом ввоз, побуждая местных рабочих заняться их производством, добиваясь окончательной отделки товаров дома. Некоторые также освободили от пошлины все виды привозного сырья, стараясь дать работу беднякам в хлопчатобумажной отрасли, в производстве, которое имеет дело с пенькой, хлопком, пряжей, шерстью...

Перейдем теперь ко второму моменту: какие иностранные товары следует принимать и какие — ограничивать с помощью хорошо упорядоченной торговли. Некоторые наблюдательные государственные деятели отметили, что государь должен ограничить ввоз всех товаров, которые ведут к необузданности и излишеству, к основным причинам обеднения королевства, хотя часто это обогащает торговца. К таким товарам относятся драгоценные камни, изысканные парфюмерные изделия, дорогие специи, без которых можно обойтись, дорогие ткани, которые предназначены больше для показухи, нежели для пользы.

Что же касается товаров, которые следует ввозить, то из них наиболее желанны те, которые являются самыми необходимыми, в которых нуждается страна и ее жители. Зерно, масло, сыр и все другие продукты питания должны всегда ввозиться свободно, без налогов и пошлин, как это делается в Ливорно, в Тоскании, в Испании, во многих других местах. Там купцам, которые привозят такие товары, полагается даже награда, чтобы поощрять их готовность делать это в любое время, привозить те же самые товары снова в следующий сезон. Также всегда следует принимать амуницию для защиты страны, для нападения на врагов, — лошадей, оружие, порох, орудия, мушкеты, пули, запальные фитили, а также все для кораблестроения: корабельный лес, мачты, смолу, канаты, железо, ткань для парусов и тому подобное. Третий вид товаров — это те, которые могут обеспечить работой как бедняков, так и более зажиточных. Это сырье для производства различных сортов ткани — из льна и хлопка, шерсти и так далее. Однако многие из этих товаров следует принимать с определенными ограничениями, в соответствии с волей государя, потому что если, например, купец ввозит сначала хлопок-сырец, то последующий ввоз хлопковой пряжи должен быть запрещен, потому что в противном случае часть работы бедняков будет у них отнята. То же относится к пеньке, льну и подобному сырью...

Способы увеличения торговли — это следующий момент, который мы собирались обсудить. Венеция, герцог Тосканы, хитрые голландцы, предприимчивые ганзейские города и другие, которые изучали этот вопрос, нашли и использовали на практике много приемов, наиболее эффективных и действенных для облегчения и увеличения торговли. Анализируя их практику, мы можем использовать и приложить ее к самим себе, для увеличения внешней торговли страны. Эти принципы сводятся к следующему.

Первое. Необходимо всеми способами развивать перевозку товаров как по суше, так и водным путем, как в лодках, так и в повозках, на лошадях. Причем считается необходимым, чтобы реки были судоходны или, если необходимо, сделались такими благодаря труду, искусству и предприимчивости. Необходимо устроить все мешающие водяные мельницы, мосты, рыболовные банки.

Второе. Необходимо, чтобы лорды не облагали никакими пошлинами товары, которые перевозятся в лодках или на баржах. Необходимо, чтобы они не совершали никаких действий, могущих нарушить торговлю.

Третье. Надо сохранять море и реки свободными и безопасными от пиратов, воров и грабителей. Именно они главные нарушители всеобщей торговли между странами, главные враги мореплавания.

Четвертое. Необходимо охранять от них порты, гавани, дороги, строить, где необходимо, укрепления... Надо поддерживать в хорошем состоянии пирсы и другие якорные стоянки, устанавливать маяки, наблюдательные башни, буи.

Пятое. Необходимо ремонтировать дороги, мосты, строить таверны, гостиницы, безопасные места для отдыха людей и гужевого транспорта. Все это должно предлагаться за разумную цену.

Шестое. Надо сооружать посты и станции для смены лошадей, организовывать почтовую службу.

Седьмое. Нельзя практиковать монополии, патенты отдельным лицам — это может повредить свободе торговли. Если таковые обнаружатся, то необходимо наказывать их ревностно и строго.

Восьмое. Надо поощрять привилегиями предприимчивых иностранцев, торговцев ввозить в нашу страну те товары, в которых мы нуждаемся, которые могут способствовать общему делу или обороне страны.

Девятое. Надо освободить от всех тяжелых пошлин и налогов все товары или по крайней мере товары подданных, или по крайней мере так ограничить поборы, как позволяют потребности государства...

Десятое. Надо установить такие законы и ордонансы для купцов и всех торгующих, для разбирательства конфликтов на море, чтобы дело не ограничивалось гарантиями и доверием между договаривающимися сторонами, но относилось ко всем видам торговых сделок. Должны быть узаконены суровые наказания тем,

кто мошенничает и обманывает общество, банкротам, нарушителям всеобщей торговли.

Одиннадцатое. В случае возникновения споров между купцами необходимо быстрое юридическое вмешательство — либо скорейшим осуществлением закона, либо судом купцов. Такой суд практикуется во многих странах, особенно в случаях, когда речь идет об иностранцах...

Двенадцатое. Вес, ценность и достоинство монеты должны быть определенными, постоянными и твердыми. В противном случае следствием будет смущение всеобщей торговли королевства...

Тринадцатое. Само собой разумеется, что есть занятия, которые следует оставить для бедняков и простого народа — пусть они обогащаются. Но есть занятия другие, более благородные, в которых могут хорошо преуспеть лишь люди, разговаривающие на иностранных языках. Это относится ко внешней торговле, для которой требуются люди образованные, сведущие в иностранных делах... Им следует уделять больше чести и уважения, чем делается сейчас, как во Франции, так и в некоторых других странах. И если истинная знатность имеет своим основанием храбрость человека и его мужество, то трудно найти другое ремесло, где бы так требовались именно эти два качества. Купцы путешествуют, не только рискуя своими собственными жизнями, но и своим имуществом, товарами, всем, что имеют, среди всех наций, обычаев, законов и религий. Именно это обстоятельство побудило некоторые государства прийти к выводу, что дверь, ведущая к знатности, должна быть открыта для путешествующих купцов...

Четырнадцатое. Необходимо создать ведомство по страхованию с подходящими и умелыми судьями, которые бы осуществляли быстрое выполнение своих постановлений в отношении конфликтов между купцами...

Пятнадцатое. Единственный способ установить торговлю страны с другими странами по морю так, чтобы кошельки лучших людей не были подвержены риску, — это заставить всех купцов, ведущих морскую торговлю с определенным местом, объединиться в корпорацию и компанию, а не вести дела в одиночку. Конечно, в индивидуальной торговле прибыль будет больше, пока дела идут успешно. Но следует учесть, что возможные убытки полностью сокрушат решившегося рисковать в одиночку. А в паевой компании прибыль меньше — однако она более обеспечена, и убытки, которые несут много людей, соответственно меньше для каждого из них.

Шестнадцатое. Было отмечено, что в некоторых странах развитие торговли поощрялось таким образом: большие суммы денег давались взаймы без процентов или на необременительных условиях умелым купцам из королевской или государственной казны...

Семнадцатое. Было отмечено, что развитию торговли королевства способствует перевод долговых расписок от одного человека к другому вместо перевода денег. Таким образом можно избе-

жать многих исков между торговцами, ошибок в купеческих счетах, добиться увеличения королевских пошлин.

Восемнадцатое. Как отмечалось в некоторых странах, где бедняки не имели способностей к торговле с другими странами, а богатые не хотели или не осмеливались рисковать своим имуществом, только пример государя подействовал на них, оказался главным толчком к развитию торговли в его стране.

Девятнадцатое. Увеличения торговли можно добиться созданием торгового рынка... Такой рынок — это место, где большие иммунитеты и привилегии дарованы всем купцам, иногда в отношении только отечественных товаров, иногда в отношении иностранных, иногда и тех и других, с полной свободой ввозить и вывозить все виды товаров беспошлинно когда и куда угодно с уплатой лишь небольшого уведомления государю... Некоторые государи могут предположить, что это слишком уменьшит их доходы от пошлины, но я скорее поручусь, что это будет средством их увеличить. Хотя государь ради облегчения своего народа и увеличения торговли установит лишь небольшие пошлины на все ввозимые и вывозимые товары, он, однако, может получать различные пошлины со всех товаров, продаваемых внутри королевства, как это сейчас делается в Англии. А расцвет этой торговли, который будет обеспечен с появлением торгового рынка, ... принесет значительное увеличение пошлин в целом...

Roberts Lewes. The Treasure of Traffike or a Discourse of foraigne Trade wherein is shewed the Benefit and Commoditie arising to a Commonwealth or kingdome, by the skillful merchant and by a well ordered Commerce and regular Traffike Printed in London by E. P. for Nichōlas Bourne AD 1641.

БОРЬБА ТЮДОРОВ
С АНАБАПТИЗМОМ [XVI в.]

Реформация, как одно из центральных событий в общественной жизни Англии XVI в., давно привлекает внимание исследователей, однако роль различных радикальных сект в этом процессе представляется еще недостаточно выясненной. В советской историографии английская народная реформация специально не изучалась; не можем мы согласиться в то же время со многими выводами, сделанными в данной области современными западными историками. Прежде всего это касается анабаптизма — самой широко распространенной крестьянско-плебейской ереси в Европе XVI в.

Долгое время историей анабаптизма в Англии занимались почти исключительно историки-баптисты. Основной смысл их штудий, как справедливо заметил полвека назад английский исследователь Д. Б. Хериот, сводится к тому, чтобы «показать различие между ними (самими) и анабаптистами Мюнстера»¹. Мюнстерскую коммуна — крупнейшее антифеодальное городское восстание XVI в. — они пытались представить только как «следствие страшных преследований», не имеющее ничего общего с «истинной целью анабаптистов»². Жестокие преследования, которые обрушились на сектантов в Англии и других странах, были, по их мнению, ценой, которую «вынуждено было заплатить движение за мюнстерскую трагедию»³. Никаких других оснований для борьбы с анабаптизмом они не видели. Более того, историк конфессионального направления Р. Смитсон утверждает, что «анабаптисты появились за века до своего времени и сейчас еще далеки от того, чтобы их по достоинству оценили». Главный их «вклад» в мировую историю — это принципы отделения церкви от государства (конгрегационализма), веротерпимости и пацифизма⁴. Почему действительность в XVI в. не посчиталась с указанными принципами. Смитсона не интересует.

Борьба с анабаптизмом в Англии получила отражение и в исследованиях позитивистов. Одним из первых на это направление в английской публицистике XVI в. обратил внимание в начале нашего столетия Ч. Баррэддж. Однако, не увидев реального противника официальных полемистов, он поспешил сделать вывод, что

война велась по сути дела с «ветряными мельницами»⁵. Его точку зрения несколько поколебал в 30-е годы Д. Б. Хериот, который на основании опубликованного к тому времени свода государственных документов Генриха VIII и ряда других источников заключил, что анабаптистские доктрины получили весьма заметное распространение в Англии XVI в.⁶ Тюдоровский абсолютизм, по его мнению, даже несколько «принизал» значение ереси, связывая ее распространение с «низшими классами»⁷. Понятно, что такая оценка вытекает из непризнания классовой основы проводившейся борьбы.

С аналогичных позиций рассматривает политику королевской власти по отношению к анабаптистам современный историк И. Б. Хорст, посвятивший свою работу распространению ереси в 30—50-е годы XVI в. По его утверждению, «с точки зрения властей, анабаптизм в Англии был вопросом ереси, а не мятежа», а соответственно и «очищение Англии от ереси на самом деле было мягким и милосердным, если вспомнить о десятках и сотнях жертв... в Нидерландах»⁸. Данное сравнение было бы убедительным, если бы масштабы еретического движения в двух странах совпадали. Однако мы не нашли подтверждений заключению Хорста о значительном распространении анабаптистских сект в Англии в 30-е годы. Большинство современных специалистов также не разделяет его мнения на этот счет⁹. Что же касается мотивации преследований, то тезис об их чисто религиозном основании нельзя объяснить ничем, кроме субъективизма автора.

К сожалению, даже наиболее серьезные западные исследователи уходят от анализа действительных общественных противоречий, подменяя его идеалистической схемой развития отдельных «принципов». Крупный английский специалист по эпохе реформации А. Дж. Диккенс, рассуждая в традициях конфессиональной историографии, выделяет анабаптистов среди «пионеров процесса либерализации в западной истории». Вместе с тем, продолжает он, «ранние выступления анабаптистов затормозили процесс развития религиозной свободы»¹⁰. Таким образом, антифеодальная борьба, объективно направленная к победе капитализма, получает негативную оценку потому, что препятствует установлению принципа буржуазной веротерпимости. Понять реальную роль анабаптизма в социальном развитии этот подход не позволяет.

В целом борьба с анабаптизмом в Англии XVI в. не является достаточно исследованной с точки зрения ее причин, классового

¹ Heriot D. B. Anabaptism in England during the 16th and the 17th centuries. — In: Transactions of the Congregational Historical Society, v. XII. (Далее — TCHS).

² Underwood A. C. A History of the English Baptists. L., 1947, p. 25.

³ Smithson R. J. The Anabaptists. Their Contribution to our Protestant Heritage. L., (1935), p. 112.

⁴ Smithson R. J. Op. cit., p. 216.

⁵ Burrage Ch. The Early English, Dissenters, v. 1. Cambridge, 1912, p. 41.

⁶ Heriot D. B. Op. cit., passim.

⁷ TCHS, XII, p. 268.

⁸ Horst I. B. Anabaptism and the English Reformation to 1558. Nieukoop, 1966, p. 100.

⁹ Collinson P. Towards the Broader Understanding of the Early Dissenting Tradition. — In: The Dissenting Tradition. Ed. by Coll C. R., Moody M. E. Athens (Ohio), 1975, p. 27.

¹⁰ Dickens A. G. The English Reformation. S/l., 1967, p. 325.

содержания и значения в ходе реформации. Эти вопросы мы и постараемся осветить в настоящей статье прежде всего.

Первые сведения об анабаптизме достигли правящих кругов Англии в сочинениях враждебных ему реформаторов. Однако в пестрой массе всколыхнувших Европу ересей он не сразу обрел для них свойства «красной тряпки». Еще в 1526 г. в список запрещенных лондонским епископом Тансталлом книг попало сочинение Ульриха Цвингли против анабаптистов — «Zwinglius in Catabaptistas»¹¹. Непосредственно ознакомиться со взглядами сектантов власти смогли в начале 30-х годов, когда в Лондоне была задержана община из восьми человек (четверым, правда, удалось ускользнуть)¹².

Несмотря на немногочисленность конгрегации, ее члены развили бурную деятельность по распространению анабаптистской литературы. Только трое арестованных имели дело не менее чем с сотней (а по подозрениям — с несколькими сотнями) книг, содержащих один из еретических символов веры. Предположение И. Б. Хорста, что это было самое умеренное — Шляйтхаймское — вероисповедание 1527 г., неубедительно. Против него говорит упоминание о «странных» и «проклятых» «мнениях о человеческом происхождении Христа». Скорее всего, группа принадлежала к последователям Мельхиора Гофмана, по-своему толковавшего этот вопрос. Именно среди мельхиоритов вращался впоследствии и «епископ» общины фламандец Бастиан, который сумел скрыться¹³. Нежелание Хорста связывать английских сектантов с этим течением в ранний период его развития объясняется стремлением изолировать их от Мюнстерской коммуны, идейным знаменем которой было мельхиоритство.

Между тем мюнстерские анабаптисты имели контакты с Англией: свидетельство тому тот факт, что Лондон считался одним из «избранных» городов, в котором «правоверные» должны установить свое «царство»¹⁴. Мы не знаем, было ли известно английскому правительству о подобных замыслах, но его классовое чутье безошибочно подсказывало опасность именно отсюда. Несколько агентов доносят лорду-канцлеру Томасу Кромвелю о событиях в Мюнстере. После разгрома коммуны один из них докладывает, что «анабаптисты бегут из страны, и многие из них — в Англию»¹⁵.

Иммиграция столь нежелательных элементов заставила Генриха VIII принять срочные меры. Уже в марте 1535 г. издается ко-

¹¹ Strype J. Ecclesiastical Memorials, v. I, part 1. Oxford, 1822, p. 254 (Далее — ЕМ).

¹² Соответствующий документ в «Письмах и бумагах... правления Генриха VIII» датируется 1532 г., однако ряд исследователей полагает, что его правильнее отнести к 1534 г. — См.: Letters and papers of the Reign of Henry VIII., Addenda, v. I, part 1, p. 281—282 (Далее — LP).

¹³ Williams G. H. The Radical Reformation. Philadelphia, 1962, p. 449.

¹⁴ См.: Чистозвонов А. Н. Реформационное движение и классовая борьба в Нидерландах в первой половине XVI в. М., 1963, с. 321.

¹⁵ TCHS, v. XII, p. 261.

ролевская прокламация, требующая, чтобы «все анабаптисты, в том числе и отрекшиеся от своих ересей, в течение двадцати дней под страхом смерти покинули королевство». Смертная казнь ждала и тех королевских подданных, которые в будущем «осмелятся принять или проповедовать подобные ереси»¹⁶.

Исполнение угрозы не заставило себя ждать. 25 мая в лондонском соборе св. Павла состоялся допрос задержанных голландских сектантов. Их точное число определяется в источниках по-разному. Хроника Чарльза Райотесли называет цифру 22, более поздние хроники Стау и Холиншеда — соответственно 24 и 25 человек. Все три источника единодушно свидетельствуют, что 14 еретиков, отказавшихся отречься, были осуждены на сожжение и по двое разосланы в разные города для осуществления приговора. Двоих казнили 4 июня на Смитфилде в Лондоне¹⁷.

Даже если Генрих VIII и проявил «милосердие», простив (как пишет Джон Фокс) «вопреки папским законам» двух еретиков¹⁸, пропагандистское значение этой расправы ничуть не уменьшилось. Известие о ней с неизбежными преувеличениями разнеслось по стране. В хронике монастыря Батли (графство Саффолк) появилась запись: «30 человек, которые бежали из Голландии в нашу страну..., все были сожжены в больших городах Англии»¹⁹.

Что же вменялось в вину анабаптистам? Наиболее подробно их взгляды передает Джон Стау, однако он концентрирует внимание на чисто теологических вопросах: «во-первых, что у Христа не две природы, во-вторых, что Христос не получил ни плоти, ни крови от Девы Марии, в-третьих, что дети, рожденные от неверных, будут спасены, в-четвертых, что крещение младенцев ни к чему, в-пятых, что таинство тела Христова (причастие.— В. И.) не более чем хлеб, в-шестых, что тот, кто сознательно грешит после крещения, совершает смертный грех и не может быть спасен»²⁰. Сами по себе эти воззрения (за исключением, может быть, последнего) не представляли социальной опасности, однако именно они проповедовались восставшими Мюнстера. А страх перед «мюнстерским мятежом» был достаточно велик.

Этим не преминул воспользоваться крупный немецкий реформатор, сторонник Лютера Филипп Меланхтон, добивавшийся присоединения Англии к Шмалькальденской протестантской лиге. Пытаясь «выправить» религиозную политику Генриха, поочередно казнившего монахов, лютеран и анабаптистов, в августовском письме 1535 г. он доказывал королю, что «раздоры и мятежи»

¹⁶ Tudor Royal Proclamations, v. 1. New Haven — L., 1964, N 155 (Далее — TRP).

¹⁷ A Chronicle of England from 1485 to 1559 by Charles Wriothesley. Camden Soc., New ser., v. 11. L., 1875, p. 28; Stow J. Annales or a General Chronicle of England. L., 1631, p. 511; Holinshed R., Harrison W. and others. Chronicles of England, Scotland and Ireland, v. III, p. 793.

¹⁸ The Acts and Monuments of John Foxe, v. V. L., 1877, p. 44, 44 n.

¹⁹ Stow J. Op. cit., p. 571.

²⁰ The Register of Chronicle of Butley Priory, Suffolk, 1510—1535. Winchester, 1951, p. 68.

проистекают от запрещения «трудов ученых мужей» и преследования их. «Нет более страшного преступления, — утверждал он, — чем заодно (с «фанатиками и нечестивцами». — В. И.) убивать благочестивых членов христовой церкви»²¹. В другом письме, отправленном от имени курфюрста Саксонского английским послом, Меланхтон не упустил случая повторить, что анабаптизм «возвысился прежде всего в тех местах, где запретили чистую евангельскую доктрину, и распространился главным образом в тех областях Германии, где нет места здоровому учению»²². В своей речи 24 декабря 1535 г. послы дипломатично обошли этот острый вопрос, ответив, что «королю неизвестно, сколько вреда, мятежей и раздоров рождается из несогласия в религии, а потому он подверг гонениям... анабаптистов, основавших в церкви собственную секту»²³.

Борьба с последней не сводилась, конечно, к одним только насильственным мерам. Первый же символ веры, принятый в 1536 г. подчинившейся королю английской церковью («10 статей»), предавал проклятию «анабаптистские и пелагианские взгляды на крещение»²⁴; год спустя в «Установлениях христианина», содержащих обстоятельное толкование нового вероучения, появилось еще несколько антианабаптистских положений. Наиболее важным из них стало опровержение анабаптистского тезиса о «незаконности» применения оружия²⁵. Наряду с некоторыми другими социальными требованиями сектантов эта идея оказалась в центре внимания Меланхтона, который расценивал ее как искусное прикрытие действительных устремлений к мятежу. В письме 1538 г. он указывал: «Так как для того, чтобы обеспечить падение людских душ нет ничего лучшего, нежели показное смирение и терпение, они учат, что вещи должны быть в общей собственности, отвергают всякое мщение, отрицают, что христианин может находиться на магистратской службе, отправлять правосудие, приносить присягу»²⁶.

Это послание было направлено Генриху VIII Иоанном Фридрихом Саксонским с характерной припиской: «у тех, кто управляет государствами, нет более высокого долга, чем взаимное оповещение об опасностях для государства, особенно в делах религии»²⁷. В качестве документального свидетельства существующей угрозы прилагалось письмо гессенского анабаптиста Питера Таша, утверждавшего, что в «Англии истина распространяется тайно, но разрастается широко и сильно»²⁸.

Правительство Генриха VIII очень быстро отреагировало на предупреждение. О глубине его опасений красноречиво свидетельствует состав комиссии, созданной в октябре 1538 г. для борьбы с анабаптизмом. В нее вошли архиепископ Кранмер, Стоксли, Сэмпсон, Барнз и другие ведущие деятели англиканской церкви²⁹. Проведенное комиссией расследование подтвердило полученную с континента информацию. Вестминстерская прокламация от 16 ноября 1538 г. вновь запретила имевшую хождение литературу с «аннотациями и прибавлениями на полях, прологами и календарями», которые делались «иностранными—анабаптистами и сакраментариями»³⁰, появившимися недавно в королевстве³¹. Все еретики должны были в десятидневный срок покинуть страну под страхом смерти.

Угрозы в их адрес и на этот раз не остались на бумаге. 24 ноября 1538 г. трое мужчин и одна женщина, «анабаптисты, родом из Голландии, несли вязанки хвороста»³² у собора св. Павла в Лондоне³³. 29 ноября Ян Матайс (в прошлом — один из руководителей Мюнстерской коммуны) и женщина-анабаптистка были сожжены на Смитфилде. В тот же день в Колчестере сожгли мужа этой женщины Питера Франка, «красивого двадцатидвухлетнего молодого человека, за такие же взгляды»³⁴. В конце 1538 г., опасаясь подобной участи, из Англии бежали более 30 голландских анабаптистов³⁵.

Однако и на этот раз властям не удалось обнаружить сектантов-англичан. Предполагая, что таковые все же имеются, правительство сделало несколько необычный шаг. В прокламации от 26 февраля 1539 г. было объявлено: «Анабаптисты и сакраментарии... совратили многих простых людей из королевских подданных, которые, как уверено его королевское величество, теперь сожалеют о своих преступлениях». В связи с этим английским подданным, еще не осужденным за «подобные проступки», совершенные до 23 февраля этого года, даровалась амнистия³⁶.

По мнению И. Б. Хорста, этот шаг даровал «примирительное прощение», направленное на то, чтобы приглушить широко разросшееся движение. Однако подобное объяснение слишком явно противоречит общему курсу Генриха VIII на искоренение ереси и, кроме того, не подтверждается имеющимися сведениями о степени ее распространения. Гораздо более вероятно, на наш взгляд, что в феврале 1539 г. все задержанные сектанты были уже осуж-

²¹ Corpus Reformatorum, v. 2. Halis Saxonum, 1835, f. 928.

²² Ibid., f. 970.

²³ Ibid., f. 1030.

²⁴ Burnet G. The History of the Reformation of the Church of England, v. II. L., 1850, Addenda, N 1, p. CXXX.

²⁵ The Institution of a Christen man. L., 1537, in aed. Bertheleti, p. 69.

²⁶ Corpus Reformatorum, v. 3, 1836, f. 578—579.

²⁷ Ibid., f. 578.

²⁸ Ibid., f. 583.

²⁹ Burnet G. Op. cit., v. II, p. 731.

³⁰ При Генрихе VIII и Марии Тюдор так именовались все, кто не признавал «пресуществления».

³¹ TRP, v. 1, N 186.

³² Обряд отречения, символизирующий, что еретик заслуживал сожжения, если бы не отрекся.

³³ Wriothesley Ch. Op. cit., v. 1, p. 89.

³⁴ Ibid., p. 90; Chronicle of Grey Friars of London. Camden soc., 1 ser., v. XLIII, 1852, p. 42.

³⁵ См.: Чистозвонов А. Н. Указ. соч., с. 322.

³⁶ TRP, v. 1, N 188.

дены, так что амнистировать было просто некого. Зато сменив весьма осязаемый гнев на эфемерную милость, правительство рас считывало отколоть от движения колеблющихся.

В пользу нашего предположения о чисто декларативном характере указа говорит тот факт, что среди еретиков, казненных по «Акту 6 статей» (1539 г.), лишь один — Коллинз — несомненно был анабаптистом. Его схватили за оскорбление, нанесенное изображению Христа, однако многие видели причину его ареста скорее в том, что «он выступал против знати и могущественных людей в королевстве и смело приводил против них отрывки из Священного писания»³⁷. 3 мая 1540 г. он был сожжен на дороге между Саутворком и Ньюингтоном вместе со слугой королевы, французом Мондевелем, и итальянским художником, также обвиненными в анабаптизме³⁸.

Впрочем, к подобным обвинениям следует подходить очень осторожно, ибо при Генрихе VIII их зачастую выдвигали против тех, кто заведомо не имел с анабаптизмом ничего общего. Как сообщает Райотесли, статьи «анабаптистского» содержания были зачитаны против Никольсона (или Ламберта), казненного 22 ноября 1538 г.³⁹ хотя на состоявшемся до того «диспуте» с личным участием Генриха VIII он обвинялся только в непризнании пресуществления⁴⁰. В 1540 г. анабаптистские взгляды инкриминировали видному стороннику лютеранской реформации доктору Роберту Барнзу, который сам за два года до этого входил в комиссию по борьбе с сектой. Его противники явно тенденциозно истолковали высказывание о предопределении, приписав ему непризнание крещения, а епископ Винчестерский Стефен Гардинер обвинил Барнза в том, что он якобы подобно анабаптистам отрицал законность гражданских исков⁴¹. В речи перед сожжением Барнз отверг все «анабаптистские» статьи как клеветнические, постаравшись особо подчеркнуть свое полное повиновение законам и монаршей воле⁴².

Можно предполагать, что правительство Генриха VIII достаточно хорошо знало, кто есть кто. Но, сознательно искажая взгляды обвиняемых, оно старалось как-то оправдать непрерывные колебания своей религиозной политики. Вторая, не менее важная задача, состояла в том, чтобы устрашением «предостеречь» подданных от опасной ереси, которая, по некоторым данным, заметно активизировалась в 1540 г. Французский посол в Лондоне Марийяк сообщал, что 12 марта 1540 г. специальная комиссия направилась в Кале, чтобы «провести судебное расследование с неко-

торыми анабаптистами, устроившими там волнения»⁴³. По его же сведениям, весной в Тауэр были заключены «10 или 12 (лондонских. — В. И.) горожан и 15 или 20 иностранцев, в основном из Фландрии, и все они — анабаптисты; скоро состоится процесс»⁴⁴.

Дальнейшая судьба арестованных, к сожалению, неизвестна, но беспокойство правящих кругов по поводу «анабаптистской угрозы», несомненно, возросло. В июне 1540 г., издавая статут об амнистии, парламент исключил из нее анабаптистов, социально-политические взгляды которых формулировались следующим образом: «Христианину незаконно занимать какой-либо пост в государстве;.. никаким человеческим законам не следует повиноваться;.. христианин не может принимать присягу перед каким бы то ни было судьей;.. все вещи должны быть общими и ничто — частным»⁴⁵. Хотя в этом документе не отражена «мюнстерская» идея насильственного ниспровержения существующего строя, заключенный в перечисленных взглядах заряд социального неконформизма достаточно силен. В отличие от меннонитов, откровенно призывавших к непротивлению и повиновению властям⁴⁶, английские сектанты оставались в прямом антагонизме с феодальным государством. Данное обстоятельство заставляло правительство Генриха VIII регулярно вспоминать об опасной ереси. Парламентский статут 1543 г. «О преуспейнии истинной религии и уничтожении противной» назначил штрафы за хранение еретических английских книг, в том числе «содержащих проклятые взгляды секты анабаптистов»⁴⁷. Тогда же вышла «Королевская книга» — дальнейшее развитие англиканского вероучения, где к старым аргументам против анабаптистских взглядов был добавлен ряд новых⁴⁸.

Вместе с тем дальнейшие попытки выявить противника успеха не принесли. В 1543 г. комиссии по борьбе с ересями в Кенте так и не удалось обнаружить ни одного анабаптиста в этом графстве, традиционно слывшем «рассадником» разнообразных сект. Мы не можем согласиться с утвердившимся среди историков мнением, будто сожженная 7 лет спустя Джоан Бочер, которую на сей раз Томас Кранмер «лично» помиловал на основании амнистии 1539 г., уже была анабаптисткой. Из этого делается вывод о широком распространении анабаптизма. Аргументом для того служит письмо члена комиссии Джона Миллза: «Большинство простого народа считает, что в основе всех заблуждений.. лежит то, что ереси, которые пропагандирует Джоан Бочер, не

⁴³ LP, v. XV. L., 1896, p. 145.

⁴⁴ Ibid., p. 206.

⁴⁵ Statutes of the Realm., v. III. L., 1817, p. 812.

⁴⁶ Сам Менно Симонс, обобщая десятилетием позже принципы своего учения, призывал «молиться за королевские величества, королей, господ, принцев и всех, кто у власти». (Christianity and Revolution. Ed. by Zuch L. H. Philadelphia, 1975, p. 124).

⁴⁷ Statutes of the Realm, v. III, p. 895.

⁴⁸ A necessary Doctrine and Erudition for any Christen man. L., MDXLIII (Publ. by Barthelet), p. XXI verso.

³⁷ Zurich Letters, v. 3, Parker soc. Cambridge, 1847, p. 201—202.

³⁸ Stow J. Annales, p. 579. Райотесли относит казнь Коллинза на 7 мая, но имени англичанина, сожженного 3 мая, не называет (Wriothesley Ch. Op. cit., v. 1, p. 118—119.).

³⁹ Ibid., p. 89.

⁴⁰ Holinshed R. Op. cit., v. 3, p. 507.

⁴¹ The Letters of Stephen Gardiner. Cambridge, 1933, p. 166.

⁴² Foxe J. Op. cit., v. V, p. 429.

наказываются»⁴⁹. Однако и в процитированном документе, и в прочих материалах комиссии Бочер обвинялась лишь в непризнании Таинства алтаря, или в сакраментизме, за что ее также могли помиловать по прокламации 1539 г. Следовательно, у нас нет оснований переоценивать развитие анабаптизма и «терпимость» властей.

Напротив, когда аналогичной комиссии удалось в 1547 г. задержать двух анабаптистов, их дело рассматривалось Ст. Гардинером и Н. Ридли, епископами Винчестера и Лондона — наиболее значительных диоцезов Англии. В курсе дел был и главный иерарх англиканского духовенства Кранмер. В эти дни Гардинер специально напоминал ему о предостережениях, которые в свое время делали Иоанн Фридрих Саксонский и гамбургский реформатор Иоанн Эпинус, посетивший Англию в 1536 г. с дипломатической миссией. Сведения о намерении анабаптистов «уничтожить это королевство, свергнув королей», он считал «отнюдь не пустыми»⁵⁰.

Заметное оживление анабаптизма в правление Эдуарда VI (1547—1553) стало возможным в результате взятого протектором Сомерсетом курса на углубление реформации. Значительно усилившаяся иммиграция с континента принесла с собой немало анабаптистов, деятельность которых вызвала серьезную озабоченность. Известный реформатор Мартин Микроний, прибывший из Германии, писал 20 мая 1550 г. преемнику Цвингли Г. Буллингеру: «13 мая в Англию прибыл мастер Иоанн Ласки⁵¹... Его склоняют остаться в Лондоне и основать германскую церковь, где он будет суперинтендантом. Ведь действительно, делом первой необходимости является то, чтобы слово божье проповедовалось здесь на немецком языке, что защитит (Англию. — В. И.) от ересей, которые заносят наши соотечественники. Тут и ариане, маркиониты, либертины⁵²... и прочие изверги в больших количествах»⁵³. Судя по записи от 29 июня 1550 г. из «хроники» Эдуарда VI, королю также была внушена мысль о необходимости борьбы с ересью: помещение августинского монастыря в Лондоне, отметил он, было выделено германской общине, чтобы «уничтожить все секты анабаптистов и им подобные»⁵⁴.

Впрочем, эти меры напоминали скорее попытки чайной ложкой снять пену из котла кипящей воды. В 1549 г. в стране разразились крупнейшие в ее истории крестьянские восстания, одно из которых произошло в Девоншире и Корнуолле, другое под руко-

водством Роберта Кета — в Норфолке. Усилилось и брожение в городах. В Лондоне неоднократно появлялись «пророки», выступавшие с «оскорбительными и мятежными речами»⁵⁵. Рост массового недовольства сопровождался активизацией различных ересей, которые, по словам Микрония и будущего епископа Глостера и Уорсестера Джона Хупера, возникали чуть ли не «каждый день». По сведениям, полученным королевским капелланом Гуго Латимером от «человека, заслуживающего доверия и уважения», только в одном из городов проживало «более пятисот» анабаптистов⁵⁶. Находившийся летом 1549 г. в Лондоне испанец-реформатор Ф. Драйандер сообщал, что «появившиеся ныне анабаптисты и другие фанатики стараются по всякому поводу учинять в церкви беспорядки». «Я, — вторил ему Хупер, — очень опасаюсь мятежа и гражданского раздора»⁵⁷.

Известный английский реформатор и публицист Джон Хэйлз прямо высказывал подозрение в причастности анабаптистов к восстанию в Норфолке. Среди его зачинщиков Хэйлз называл «анабаптистов и либертинов, которые хотели бы владеть всем сообще»⁵⁸. Трудно судить, имел ли он для этих обвинений какие-либо основания кроме того, что требование обобществления имущества, выдвигавшееся беднейшей частью восставших, совпадало с анабаптистским. Правительственные документы, насколько нам известно, не содержат подтверждений участия анабаптистов в выступлении Кета⁵⁹. Но тем большим, следовательно, был страх правительства перед анабаптистскими идеями общности имущества, отрицания гражданских властей и законов, если эти взгляды были в полном составе перечислены февральским парламентским статутом 1550 г., вновь исключившим еретиков из амнистии⁶⁰. Как показывают материалы лондонской визитации того же года, данные взгляды расценивались как прямое подстрекательство к мятежу. Среди вопросов, подлежавших выяснению в ходе инспектирования диоцеза, значились следующие: «Не проповедовал и не утверждал ли кто-либо, что отдельные лица могут устраивать мятежи, подстрекать к бунтам или заставлять людей отдавать им свое добро... Не устраивает ли кто-нибудь из анабаптистов или (членов. — В. И.) других сект незаконных сходок»⁶¹.

Борясь с анабаптизмом, английские власти совершенно однозначно определяли его социальную базу. Созданная 12 апреля 1549 г. комиссия, в которую вошли Сомерсет, Кранмер, Латимер,

⁴⁹ LP, v. XVIII, part 1, N 546.

⁵⁰ The Letters of Stephen Gardiner, p. 317 n — 319 n.

⁵¹ Ян Ласки — известный польский реформатор.

⁵² «Арианами» и «маркионитами» именовались, по аналогии с древнехристианскими ересями, различные ответвления анабаптизма; либертины проповедовали безусловную «безгрешность» членов своих сект.

⁵³ Original Letters relative to the English Reformation. II portion. Parker soc. Cambridge, 1847, p. 574.

⁵⁴ The Chronicle and Political Papers of King Edward VI. Ithaca, 1966, p. 37.

⁵⁵ EM, v. II, p. 1, p. 177, 371; The Diary of Henry Machyn. Camden soc. L., 1848, p. 22, 34.

⁵⁶ Latimer H. Seven Sermons before Edward VI. Birmingham, 1869, p. 101.

⁵⁷ Original Letters, I portion. Cambridge, 1846, p. 351, 66.

⁵⁸ A Discourse of the Common Weal of this Realm of England. Cambridge, 1929, p. LVII.

⁵⁹ См.: Сапрыкин Ю. М. Социально-политические взгляды английского крестьянства в XIV—XVII вв. М., 1972, с. 212.

⁶⁰ EM, v. II, p. 1, p. 291.

⁶¹ Articles to be inquired of in the visitation of the diocese of London. L., MDL, p. A II verso — A V recto.

другие государственные и церковные деятели, должна была «повсюду в королевстве выявлять тех, кто возрождает преступные заблуждения анабаптистов и нашептывает в уши **грубого простонародья** (*rudis vulgi*, подчеркнуто мной. — В. И.) нечестивые и нечистые догматы других ересей, а также заражает умы нашего простого народа своими негодными взглядами»⁶².

Источники позволяют восстановить работу комиссии, заседавшей в соборе св. Павла в Лондоне⁶³. На первом заседании 27 апреля 1549 г. рассматривались дела нескольких анабаптистов и либертина Джона Чэмпниса, который отрекся и на следующий день нес в знак покаяния вязанки хвороста у этого же собора. В субботу 4 мая комиссия осудила Джоан Бочер; тогда же отрекся кожевник из Колчестера Патто. 5 мая он совершил публичное покаяние в Лондоне, а через неделю повторил его в Колчестере. 11 мая свои прежние взгляды осудил перед комиссией лондонский мясник⁶⁴ Михаил Томб, которого затем дважды, 12 и 19 мая, заставили простоять с вязанками хвороста, так как в первый раз он то ли усмехнулся, то ли снял шапку.

Куда более жестокая расправа ждала «не пожелавшую вернуться к единству с церковью» Джоан Бочер. По приговору, зачитанному самим Томасом Кранмером, ее сожгли 2 мая 1550 г. на Смитфилде. В 1551 г. ее судьбу разделил голландский врач Георг ван Парис, казненный как «арианин»⁶⁵. Его делом занималась новая комиссия во главе с Т. Кранмером, созданная 18 января 1551 г. для борьбы с «заблуждениями анабаптистов и либертинов»⁶⁶.

Для более тщательного розыска анабаптистов в 1552 г. соответствующие вопросы были включены в список «статей» к повторной визитации Глостершира⁶⁷. 27 сентября специальную комиссию направили в Кент, где незадолго до того появилась новая секта анабаптистского, как предполагали, происхождения⁶⁸. Утвердившись, видимо, в своих подозрениях, протектор Нортумберленд месяц спустя рекомендовал королю «назначить Джона Нокса епископом Рочестера, [где] он будет опорой архиепископу Кранмеру и гонителем анабаптистов, недавно появившихся в Кенте»⁶⁹.

Конечно же, и в эти годы одними репрессиями борьба с ересью не ограничивалась. Неоднократно переиздававшийся первый

⁶² Foedera, Conventiones, Litterae et cujuscumque Generis Acta Publice... accu-
rante Thoma Rymer. Th. XV. L., MDCCXLIII, f. 181—182.

⁶³ Деятельность комиссии описана по следующим источникам: Wriothest-
ley Ch. Op. cit., v. II. L., 1877, p. 12—13; Grey Friar's Chronicle, p. 58—59;
Stow J. Annales, p. 596; EM, v. II, p. 1, p. 200.

⁶⁴ Этимология не ясна. Возможно также: немец (*bocher*), ремесленник, чи-
нящий старую одежду (*botcher*), пивовар (*boccher*).

⁶⁵ Strype J. Memorials of Archbishop Cranmer, v. II. Oxford, 1848, p. 410.
(Далее — Strype J. Cranmer).

⁶⁶ Foedera, v. XV, f. 251.

⁶⁷ Gairdner J. Lollardy and the Reformation in England, v. 3. L., 1911,
p. 327.

⁶⁸ Strype J. Cranmer, v. II, p. 410.

⁶⁹ Calendar of State Papers. D. S., 1547—1580. L., 1856, p. 46.

«сборник гомилий (готовых проповедей для приходских священни-
ков) содержал ряд важных положений о прерогативах магистратов и необходимости повиновения им. Эти положения выглядели как прямые опровержения анабаптистских идей о незаконности принесения присяг, участия в войнах и т. д., хотя «по имени» ере-
тики там не назывались⁷⁰. По такому же принципу были построены по крайней мере 15 глав нового англиканского символа веры («42 статьи», 1553 г.), которые звучали для современников как непосредственная критика анабаптизма. Кроме того, сектанты упоминались в 8-й и 37-й главах, где говорилось о первородном грехе и об общности имущества⁷¹.

Символ подвел своеобразный итог мощной публицистической кампании, которая проводилась в Англии при Эдуарде VI. Вряд ли возможно даже перечислить все трактаты, памфлеты, публичные проповеди, в которых содержались скрытые или явные нападки на анабаптистские воззрения. Среди трудов, специально посвященных критике последних, характерен трактат Буллингера «Необходимейший и полезнейший диалог между мятежным либертином, или бунтовщиком-анабаптистом, и истинным послушным христианином, где как в зеркале или в стекле вы увидите совершенно и достоинство христианского магистрата», переведенный осевшим в Англии французским богословом Жаном Верном в 1551 г.⁷²

Мы не можем согласиться с буржуазными исследователями, которые считают социально-политические вопросы в полемике с анабаптизмом второстепенными и главное внимание уделяют теологическим сюжетам. При этом они часто ссылаются на трактат естествоиспытателя и богослова Уильяма Тернера «Предостережение от яда Пелагия, недавно возрожденного и пробужденного, бешеной сектой анабаптистов» (1551 г.), где, по словам автора, опровергались «два мнения Пелагия, а именно, что дети не имеют первородного греха и что их не следует крестить»⁷³. Работа была направлена против Роберта Кука (или Куча), служившего в винном погребе при Дворе и нимало не скрывавшего своих взглядов. Даже после того, как ему удалось издать свой труд по указанной теме, никаким репрессиям его не подвергли.

Причина столь необычной терпимости крылась, на наш взгляд, в том, что Кук принадлежал не к анабаптистам, а к фри-уиллерам (от *free will* — свобода воли), секте, которая идейно и организационно оформилась в Англии в начале 50-х годов XVI в. Некоторая близость этой ереси к анабаптизму в теологических вопросах при умеренности (если не консервативности) социально-политических установок не давала властям повода для излишнего беспокойства. Поэтому, в частности, никто из арестованных в

⁷⁰ Certain Cermons, or Homilies, appoynted by the Kynges Majestie... Anno 1547, p. I V recto, M I verso, R II verso.

⁷¹ Burnet G. Op. cit., v. II, p. CCXLII—CCXLVI.

⁷² Buggage Ch. Op. cit., v. I, p. 56.

⁷³ Ibid., v. II. Cambridge, 1912, p. 8.

1551 г. в Феверсэме (Кент) и Бокинге (Эссекс) фри-уиллеров не пострадал⁷⁴.

Нам могут возразить, что ни в одном из обвинений, выдвигавшихся против сожженных в Англии анабаптистов, также не содержится упоминаний об их политических взглядах, а следовательно, борьба с ересью вовсе не имела социальной подоплеки. Подобные рассуждения, типичные, например, для И. Б. Хорста, необедительны вот по какой причине: еретика можно было сжечь за «преступления против Бога-Отца, Сына и Святого Духа», но не за провинности перед светскими властями, а потому если они и имелись, то не включались в обвинительные акты. На примере же фри-уиллеров лучше всего видно, что ересь, не угрожавшая господствующим классам, не испытывала и десятой доли тех гонений, которые выпадали на долю радикальных крестьянско-плебейских сект. Веротерпимость, эта восхваляемая на все лады буржуазными историками «свобода», покупалась ценой отказа от классовой борьбы: само собой разумеется, что она предполагала сосуществование с установленной социальной системой. Появившийся в печати за пределами Англии фри-уиллерский трактат «Опровержение заблуждений беспечных необходимостью»⁷⁵, автором которого считают Р. Кука, находившегося при Марии Тюдор в эмиграции, иллюстрирует полный отказ сектантов от каких бы то ни было социальных преобразований.

Аналогичные сдвиги намечаются между тем и в самом анабаптизме. Проводя в 1554 г. визитацию Лондонского диоцеза, епископ Боннер выяснял, «нет ли каких-нибудь сакраментариев, анабаптистов или либертинов, которые повторяют крещение либо считают, что христианин или христианка не должны принимать присягу перед судом, что никто не должен отстаивать свои права в суде, и что все вещи должны быть общими»⁷⁶. Данные меннонитские требования отражают следующий шаг в интеграции ереси в политическую систему феодального общества. Хотя сектанты по-прежнему отказывались обращаться к светской власти, они уже не призывали к неповиновению ей. Именно поэтому преследование анабаптистов не занимает особого места в ходе контрреформации. За исключением названной визитации, нам не известны какие-либо мероприятия, в которых специально ставилась бы эта задача.

Джон Фокс, наш основной источник по гонениям в годы католической реакции, называет лишь нескольких человек, которых можно было бы заподозрить в принадлежности к анабаптизму⁷⁷.

⁷⁴ Acts of the Privy Council of England, New ser., v. III, A. D. 1550—1552. L., 1891, p. 207.

⁷⁵ Анонимный «Confutation of the Errors of the Careless by Necessitie» сохранился в цитатах, которые приводил Джон Нокс в своем полемическом трактате «An Answer to a great Number of blasphemous Cavillations written by an Anabaptist...» (The Works of John Knox, v. V. Ed., 1856).

⁷⁶ Documentary Annales of the Reformed Church of England, v. 1. Oxford, 1844, p. 170.

⁷⁷ Foxe J. Op. cit., v. VII, p. 327; v. VIII, p. 311—313.

Известна, однако, тенденциозность этого историка, который стремился сохранить ореол мученичества над приверженцами англиканства, подробно описывая их убеждения, но сознательно избегал упоминаний о взглядах тех, кто стоял левее официального вероучения⁷⁸. В то же время, по сведениям эмигрировавшего Джона Нокса, анабаптисты составляли солидную, если не основную, часть жертв Марии Кровавой. «Ты, — заявлял он своему оппоненту—фри-уиллеру, — не осмелишься утверждать, что все они («мученики»; подчеркнуто мной. — В. И.) были анабаптистами»⁷⁹.

Несколько свидетельств о задержанных анабаптистах принадлежат самим преследователям—католикам. В 1556 г. при визитации Ипсвича (Саффолк) канцлер комиссии Даннинг сообщал, что «приведено множество еретиков. Некоторые из них — из Боксфорда, некоторые — из Лавенэма и близлежащих ткацких районов (cloth country)... Среди них есть и еретики, и анабаптисты»⁸⁰. В майской проповеди 1557 г. винчестерский епископ доктор Уайт обвинял заключенных еретиков в принадлежности «к сектам ариан, продиан, анабаптистов, сакраментариев и пелагиан»⁸¹. Еще через год назначенная епископом Боннером комиссия обнаружила в Эссексе «так много упрямых еретиков, анабаптистов и других неверных, что никто никогда и не слыхал о подобном»⁸².

Приведенное утверждение перекликается с жалобами англиканских епископов, назначенных Елизаветой, на «огромные количества ариан, анабаптистов и прочих» еретиков, обнаруженных в начале ее правления⁸³. Причем к анабаптистам-англиканам прибавилось немало иммигрантов. 22 сентября 1560 г. королевская прокламация констатировала, что сектанты прибыли «в Лондон и другие приморские города под видом и под предлогом бегства от преследований». Тех из них, кто не отречется или не покинет в течение 20 дней королевство, ждали конфискация имущества, тюремное заключение и, наконец, наказание, которое «предусмотрено в таком случае либо церковными, либо светскими законами»⁸⁴.

По сравнению с генриховским законодательством против анабаптизма в данном указе «меры пресечения» несколько смягчены. Во всяком случае, они не сводятся, как прежде, исключительно к сожжению. Объяснить такую «либерализацию» может, на наш взгляд, не только и не столько ослабление секты, сколько переход ее к установкам умеренной бюргерской оппозиции. Они, в частности, отражены в «статьях» 1567 г. для визитации Норвича и

⁷⁸ Примером тому может служить умолчание о взглядах лоллардов, большая группа которых была допрошена лондонским епископом в январе 1528 г. Имея в руках подлинник, Фокс, вопреки обыкновению, выписал из него лишь имена арестованных (Ibid., v. V, p. 41—42).

⁷⁹ Knox J. Op. cit., v. V, p. 211.

⁸⁰ Foxe J. Op. cit., v. VII, p. 224.

⁸¹ Ibid., v. VIII, p. 319.

⁸² EM, v. III, p. 2, p. 126.

⁸³ TCHS, v. XII, 1936, p. 313.

⁸⁴ Tudor Royal Proclamations, v. II. New Haven — L., 1969, N 469.

Кентербери: «Не говорят и не учат ли, что в некоторых вопросах незаконно принимать присягу, что за **некоторые преступления** гражданские магистраты не могут наказать человека смертью и что любому дозволено без назначения магистратом принимать службу в церкви»⁸⁵. Не вызывает сомнений, что под «некоторыми» вопросами и преступлениями подразумевались те, что относились к делам веры. Иными словами, перед нами — четко выраженные требования веротерпимости и конгрегационализма, о социальном смысле которых мы говорили выше. Они же фигурируют в списке статей 1575 г., которые должны были подписать все иммигранты из Нидерландов: «Христианскому магистрату законно казнить упрямых еретиков»⁸⁶.

Трезво оценивая сущность этих воззрений, английский абсолютизм с 60-х годов XVI в. уже не видит в анабаптизме существенной угрозы для себя. Один из проектов англиканских епископов всерьез предлагал «сослать всех неисправимых ариан, пелагиан или фри-уиллеров в какой-нибудь замок на севере Уэльса или Уоллингфорда» и изолировать их там, пока «все до одного не раскаются»⁸⁷. Ни о каком «мятеже» собранных в одном месте еретиков автор и не помышлял, даже не вспоминая о предостережениях курфюрста Саксонского, утверждавшего, что мятежи возникали там, где «скапливались много (анабаптистов. — В. И.), как это случилось во Фризии и в городе Мюнстере»⁸⁸.

Гораздо более мягкую, чем прежде, политику английские власти проводили и по отношению к анабаптистам-иммигрантам. Пастор голландской общины в Лондоне, сочувствовавший ереси, был изгнан из страны только после вторичного отлучения от церкви⁸⁹. В 1564 и 1570 годах до руководителей англиканской церкви доходили сведения о присутствии в столице сектантов, однако преследованиям ни один из них так и не был подвергнут⁹⁰. Довольно спокойная реакция английского правительства на подобного рода известия объясняется еще и тем, что в среде городского населения складывается крайне враждебное отношение к иммигрантам. В конце 50-х годов дело доходило до стычек с иностранцами, о чем была издана специальная прокламация; в 60-х и 90-х годах в Лондоне появлялись листовки с угрозами в их адрес. В 1570 г. «зачинщики» готовившихся в Саффолке и Норфолке восстаний собирались «напасть на бедных иностранных протестантов и изгнать их из страны»⁹¹. Возможность распространения континентальной ереси в этих условиях была, конечно, очень ограничена.

⁸⁵ Documentary Annales, v. I, p. 341.

⁸⁶ TCHS, v. XII, 1936, p. 320.

⁸⁷ Documentary Annales, v. 1, p. 237.

⁸⁸ Corpus Reformatorum, v. 3, p. 579.

⁸⁹ Williams G. H. Op. cit., p. 382—383.

⁹⁰ Strype J. Annales of the Reformation, v. 1, part 1. Oxford, 1822, p. 176 (Далее — Strype J. Annales).

⁹¹ TRP, II, N 462; Stow J. Three fifteen — century Chronicles. L., 1880, p. 142; Strype J. Annales, v. IV. Oxford, 1824, p. 234, 346.

Вместе с тем официальный курс абсолютизма оставался невыбылем. Отказавшись в 1562 г. выдать голландским меннонитам разрешение на основание собственной общины, государство совершенно однозначно продемонстрировало нежелание предоставлять сектантству какую-либо легальную почву. Поощряя протестантскую иммиграцию, оно в то же время стремилось не допускать в страну анабаптистов. Об этом говорят проверки иммигрантов, предпринимавшиеся в 1568 и 1575 годах⁹². Стремление к религиозному единообразию и безоговорочное отрицание конгрегационализма объясняется самой сутью англиканской церкви. Анализируя положение в Англии почти три века спустя, Ф. Энгельс отмечал, что «в стране, где христианство является существенной частью законов страны.., единство государства и церкви может существовать только в одном из христианских вероучений с исключением всех остальных.., (которые. — В. И.) подвергаются религиозному и политическому преследованию»⁹³.

В 1574 г. в Лондоне обнаружили и выслали из страны общину анабаптистов-англичан⁹⁴. В апреле следующего года также в Лондоне была захвачена крупная анабаптистская община, в которую входили 27 голландцев. 15 мая четверо из них «с вязанками хвороста отреклись у собора святого Павла»⁹⁵, а 22 июля двое других, по свидетельству Стау, «погибли на Смитфилде в великом ужасе, с воем и плачем»⁹⁶. Очевидно, возвращение властей к испытанным средствам было связано с тем, что арестованные принадлежали к меннонитству левого толка. Один из них с вызовом вопрошал членов комиссии, «могут ли они назвать хотя бы одного христианского принца в мире»⁹⁷.

Мы не исключаем, что именно радикальность социальных взглядов предопределила такую же участь для Мэтью Хаменты (Хамонда) — плужного мастера из городка Гетарсет, Джона Льюиса (род занятий не известен) и «магистра изящных искусств» Френсиса Кета, казненных в окрестностях Норвича в 1579—1588 годах⁹⁸. В теологии их воззрения сформировались под явным влиянием анабаптистских догматов, которые, как уже говорилось, сами по себе не слишком пугали имущие классы. Казни, к примеру, избежал вторично (!) «впавший в ересь явный арианин» W. Н. из В(alsham?), чьи убеждения описываются как анабаптистские, возможно, с примесью либертинства⁹⁹. В длительном тюремном заключении находился плотник S. В., исповедовавший более пра-

⁹² Strype J. Annales, v. IV, Suppl. N 1; TCHS, v. XII, 1936, p. 319.

⁹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 631.

⁹⁴ Williams G. H. Op. cit., p. 784.

⁹⁵ Stow J. Annales, p. 679.

⁹⁶ Ibid., p. 680.

⁹⁷ Dr. Williams' Library. The Second Part of a Register, v. 1. Cambridge, 1915, p. 87.

⁹⁸ Holinshed R. Op. cit., v. IV, p. 406; Stow J. Annales, p. 697; Strype J. Annales, v. III, p. 1, p. 73.

⁹⁹ Strype J. Annales, v. III, p. 1, p. 487.

вые взгляды, нежели сожженные в 1575 меннониты-голландцы¹⁰⁰.

Все эти факты говорят о том, что начиная с 60-х годов XVI в. борьба с анабаптизмом теряет остроту, хотя и не затухает. Соответствующие изменения происходят и в содержании англиканской пропаганды. Утвержденные духовенством в 1559 г. «Статьи о религии», повторяя в целом прежний символ веры Эдуарда VI, исключили из него несколько положений, направленных против анабаптизма¹⁰¹. Окончательная редакция «39 статей» 1563 г. (утверждены Елизаветой в 1571 г.) убрала еще одно упоминание об анабаптистах из IX, бывшей VIII, статьи. Впрочем, от этого символ не потерял антианабаптистской направленности. А в сборнике гомилий 1562 г. она проступила, пожалуй, даже более ясно¹⁰².

Не прекращается и «памфлетная война» с ересью. После смерти Марии Тюдор англиканские реформаторы вернулись с континента, имея в своем багаже несколько переведенных трактатов, которые были изданы специально против анабаптизма¹⁰³. Среди них выделяются «Комментарии» Слейдана, с крайне враждебных позиций освещавшие крупнейшие народные движения на континенте и, в частности, Мюнстерскую коммуну¹⁰⁴. Вскоре после первого издания в Англии появилось второе¹⁰⁵. Тогда же Жан Верон опубликовал еще два памфлета против анабаптистов¹⁰⁶. После полутора лет сравнительного (подчеркнем: **сравнительного**, ибо отдельные выпады против ереси не прекращались) затишья вышли трактаты К. Б. Маттона и Э. Бикнолла с критикой сектантских идей¹⁰⁷. Вместе с тем, начиная с 70-х годов, постоянные демарши в адрес анабаптизма во многом подчинены целям антипуританской борьбы. Игнорирование этого обстоятельства иногда вводило в заблуждение позднейших исследователей. Так, Р. Смитсон безо всяких комментариев приводил слова доктора Р. Соума об «анабаптистских» общинах, существовавших в Лондоне в конце 80-х годов¹⁰⁸. На поверку, однако, они оказываются индипентскими. Аналогичные обвинения выдвигались и против пресвитериан. В «Защите ответа на предостережение к парламенту против возражений Т[омаса] и К[артрайта]» (1574) будущий примас Англии Джон Уитгифт посвятил довольно крупный раздел высказываниям У. Цвингли и других реформаторов об анабаптизме¹⁰⁹. О том, насколько малое в целом значение имела борьба собственно с этой ересью, свидетельствует сам лидер умеренного

пуританства. Отвечая на обвинение авторов «Предостережения к Парламенту» в анабаптизме, Картрайт саркастически замечает: «Вам не стоит бояться объявить им (анабаптистам. — *В. И.*) войну. Вы на славном пути и одержите безусловную победу. Я не осмелюсь обещать Вам, что все сословия и классы королевства будут аплодировать Вам и петь... гимны». Уитгифт, стараясь не замечать колкостей, покорно соглашался: «Я знаю, что все сословия и классы королевства ненавидят анабаптизм»¹¹⁰.

У нас нет оснований не доверять двум достаточно авторитетным современникам, принадлежащим к различным лагерям. В подтверждение их высказываний можно было бы привести немало свидетельств, однако в этом вряд ли есть необходимость. В целом, борьба с анабаптизмом в последней четверти XVI в. уже не может рассматриваться как особое направление государственной политики. Мы не встречаем каких бы то ни было актов или постановлений против ереси; англиканская публицистика целиком занята полемикой с пуританами и использует критику анабаптистских взглядов главным образом как средство борьбы с ними.

Таким образом, отношение Тюдоров к анабаптизму претерпевает на протяжении XVI в. существенные изменения. Если до Мюнстерской коммуны на эту ересь практически не обращают внимания, то с середины 30-х годов ее искоренение становится одной из важнейших задач английского правительства. Первая волна гонений продолжается с 1535 по 1540 год, и жертвами ее становятся примерно два десятка сектантов, главным образом голландских иммигрантов. Несомненно, все эти суровые меры, остановившие иммиграцию еретиков, были главным образом рассчитаны на то, чтобы не допустить в Англии повторения «Мюнстера».

Новый период активизации различных сект, в том числе анабаптистских, совпал с резким обострением социальных противоречий в середине столетия, в правление малолетнего Эдуарда VI. Идеи общности имущества и отрицания гражданской власти представляли в этих условиях огромную опасность, тем более что требование общей собственности выдвигала беднейшая часть составших в Норфолке (1549). Правительство не получило сведений об участии анабаптистов в восстании, однако все дальнейшие шаги против ереси говорят о том, что подозрение в «мятеже» по-прежнему было в силе. В эти годы начинается война с анабаптистскими идеями в англиканской пропаганде. Наиболее выразителен в этом отношении состав англиканского символа веры, в котором более трети глав звучали как опровержение анабаптизма.

В последующие годы борьбе с анабаптизмом уже не уделяется столь пристального внимания. В царствование Марии Тюдор ана-

¹⁰⁰ Dr. William's Library, v. 1, p. 105 et seq.

¹⁰¹ Burnet G. Op. cit., v. II, p. CCXLVI.

¹⁰² Certain Sermons or Homilies. L., 1864 (1st publ. 1562).

¹⁰³ Burrage Ch. Op. cit., v. I, p. 61; Knox J. Op. cit., v. V, p. 423 n.

¹⁰⁴ Knox J. Op. cit., v. V, p. 423 n.

¹⁰⁵ Ibidem.

¹⁰⁶ Burrage Ch. Op. cit., v. I, p. 64—65.

¹⁰⁷ Ibidem.

¹⁰⁸ Smithson R. J. Op. cit., p. 208.

¹⁰⁹ The Works of John Whitgift. Parker soc., I portion. Cambridge, 1851, p. 110—111.

¹¹⁰ Ibid., p. 111.

Баптисты преследуются наравне с приверженцами англиканства и, возможно, страдают даже меньше них вследствие давней приспособленности к подпольным условиям. Особых усилий для розыска сектантов правительство не предпринимает, не видя в их взглядах опасности для государства. Действительно, идеи **неповиновения** государству и законам уступили у меннонитов место отказу **обращаться** к властям. В дальнейшем сфера гражданских отношений почти исчезает из меннонитских требований. Они ограничиваются призывами к установлению принципов конгрегационализма и веротерпимости. Первоначальное обобществление имущества превращается в «примитивную организацию благотворительности»¹¹¹. Все это означало изоляцию секты от антифеодальной борьбы народных масс.

Переход анабаптистов-меннонитов на позиции умеренной бюргерской ереси не привел, однако, к «автоматическому» прекращению преследований. Всякие компромиссы с ними на легальной почве были исключены, ибо анабаптистская проповедь пацифизма, конгрегационализма и веротерпимости была совершенно неприемлема для абсолютистского государства. Кроме того, теологические воззрения еретиков находились в резком противоречии с англиканскими и, следовательно, подрывали пропагандируемую церковью теорию «божественности» королевской власти и установленного порядка. Изданный в 1562 г. сборник гомилий был призван «увекочить» анафему анабаптистским взглядам. Публичные проповеди и трактаты против них продолжали появляться и впоследствии, однако с 70-х годов они служат прежде всего дискредитации ширящегося пуританского движения через параллели с анабаптизмом. Борьба непосредственно с этой ересью, игравшая еще известную роль в 60—70-х годах, в последней четверти столетия теряет для английских властей свое значение и смысл.

Источники

Королевская прокламация, приказывающая анабаптистам покинуть королевство (Лондон, март 1535 г.)

...Недавно в королевство прибыли многие иностранцы, рожденные вне королевского подданства, которые, несмотря на то, что их крестили во младенчестве..., по своему собственному усмотрению крестились вторично; и кроме того, они отрицают, что в самом благословенном и святом таинстве алтаря является настоящее тело нашего господина Иисуса Христа; и вдобавок они имеют и проповедуют различные другие пагубные ереси против бога и его Священных писаний к великому беспокойству христианского мира и гибели бесчисленных христианских душ; за это большое коли-

¹¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 364.

чество их осуждено судом и законом за свои отвратительные ереси и было, либо будет, предано смерти, как требует разум и правосудие.

Его королевское величество, являющийся верховным на Земле главой английской церкви после бога, постоянно стремящийся защитить христову веру и таинства святой церкви, а также каждодневно превыше всего заботящийся о спасении своих любящих подданных (членов этой церкви), дабы они не впали в какие-либо заблуждения и проклятые ереси, в какие они могут впасть, и не были заражены общением с такими порочными, мятежными и заблуждающимися лицами и их речами, указывает и прямо распоряжается, чтобы все до одного иностранцы, находящиеся сейчас в его королевстве, как те, что отреклись от своих указанных ересей, так и все прочие, кто придерживается или проповедует эти или любые другие заблуждения против бога и его Священных писаний, в течение двенадцати дней после (обнародования) настоящей прокламации покинули это его королевство и все прочие его владения под страхом смертной казни, в случае, если они, вопреки этой прокламации, останутся и будут задержаны или схвачены. Также и впредь никто из этой секты, придерживающийся таких заблуждений и ересей, не должны под страхом того же наказания направляться в это его королевство или любую другую часть или место его владений.

...И сим его величество прямо предупреждает и указывает, чтобы никто из его собственных подданных не осмеливался придерживаться (подобных. — В. И.) ересей или проповедовать их под страхом названных наказаний.

Tudor Royal Proclamations, vol. I. New Haven — L., 1963, N 155.

Письмо Иоанна Фридриха, Курфюрста Саксонского, Генриху VIII (1 сентября 1538 г.)

...Мы считаем, что у тех, кто управляет государствами, нет более важного долга, чем взаимные оповещения об опасностях для государства, особенно в делах религии. Поэтому, когда недавно мы захватили у некоего пойманного анабаптиста письма, где упоминается Англия и говорится, что там втайне распространяются обманы анабаптистов, мы тотчас же сочли необходимым известить ваше королевское величество об этой опасности, посылая ему пример этих писаний.

В Германии и тех местах, где не проповедуется чистое евангельское учение, и прежде всего в Бельгии, разрослись многие заблуждения, так как народ увидел, что старые заблуждения осуждены, но не услышал о характере нового учения. И действительно, там, где нет добрых проповедников, другие сами измышляют взгляды для себя. Обман же, если можно так выразиться, плодovit. Из этих источников развилось безумие анабаптистов.

...По всей Германии тайно бродили всякие странники, обманщики и фанатики, которые главным образом проповедовали анабаптизм и признаком их секты было то, что, проклиная крещение младенцев, они крестились заново. Это символ этой секты. Но к этому греху они прибавили многие другие безумства. И так как для того, чтобы обеспечить падение людских душ, нет ничего лучшего, нежели показное великое смирение и терпение, они учат, что вещи должны быть в общей собственности, отвергают всякое мщение, отрицают, что христианин может находиться на магистратской службе, отправлять правосудие, приносить присягу; и тем самым, наконец, уничтожают политическое устройство, которое установил и одобрил бог. Потом они измыслили (другие) бесконечно запутанные взгляды. Кто-то изобрел нечто о божественности, о природе Христа; прямо как манихеи они источают озарения; отбрасывая слово божье, отвергают они греховность происхождения и учат, будто бы грехи происходят не от него; также они позволяют открытые преступления своим приверженцам. Безобразнейшим образом они оскверняют святость брака, позволяя в народе полигамию и многоженство безо всякого закона. Эта варварская смесь предрассудков и мнений вылилась в мятежи там, где их (анабаптистов. — *В. И.*) скапливалось много, что случилось во Фризии и в городе Мюнстере. Но теперь они не держат в руках какого-либо государства или города. Только повсюду бродят разные фанатики, которые в разных местах насаждают эту заразу. Задерживая их, мы сначала пытаемся переубедить их словами, но если они ... упорно защищают (свои догматы. — *В. И.*), то их подвергают наказаниям...

Corpus Reformatorum, v. 3. Halis Saxonium, 1836, f. 577—579.

**Королевская прокламация,
запрещающая без специальной привилегии печатать писание
и изгоняющая анабаптистов
(Вестминстер, 16 ноября 1538 г.)**

... [В королевстве и за его пределами печатаются различные книги], содержащие аннотации и прибавления на полях, прологи и календари, которые выдуманы как создателями, изобретателями и печатниками этих книг, так и разными иностранцами, анабаптистами и сакраментариями, которые прибыли недавно в королевство и тайно находятся в нем, а также некоторыми подданными его высочества, произносящими разные суеверные речи и дерзкие слова на вредные темы и фанатические суждения как в проповедях, так и в частных беседах. Многие из его любящих простых подданных были таким образом побуждены к самонадеянным и суеверным спорам и диспутам в открытых местах, тавернах и пивных не только о святом таинстве крещения, но также и наиболее благословенном таинстве алтаря...

...Его королевское величество объявляет всем своим любящим подданным, что его величество, как Благочестивый и Католиче-

ский принц, ненавидит и презирает эти секты и их порочные и проклятые заблуждения и намеревается преследовать в судебном порядке тех, кто уже задержан, по их заслугам и в соответствии с законом этого королевства с тем, чтобы его подданные восприняли их наказание как пример и не примыкали к их лживым и отвратительным мнениям, но полностью отказались от них, что его высочество прямо приказывает им сделать под страхом того же наказания. Если же где-либо кого-нибудь из них знают, их необходимо выявлять и с усердием, какое только возможно, доносить о них королю или кому-либо из его совета...

И помимо того, его величество прямо распоряжается, и приказывает всем другим иностранцам из тех же заблудших сект анабаптистов и сакраментариев, которые еще не задержаны или неизвестны, чтобы в течение восьми или десяти дней после [публикации] настоящей прокламации они со всевозможной быстротой покинули это королевство и все другие его владения под страхом лишения жизни и конфискации всех их имуществ, безо всякого снисхождения, милости или прощения для тех, кто совершит преступление против содержания настоящей статьи...

Tudor Royal Proclamations, v. I, N° 186.

**Подготовительные статьи к символу веры,
согласованные английскими и германскими богословами
(Лондон, 1538 г.)**

Всем христианам несомненно разрешается получать прибыль от законных профессий, торговать, заключать контракты, обладать имуществом, решать свои дела в суде, сочетаться законным браком, приносить присяги и тому подобное. Прокляты анабаптисты, которые воспевают [исполнять] эти гражданские обязанности христианам. Прокляты и те, кто постигает евангельское совершенство не в страхе перед богом и в вере, а покидая гражданские обязанности... Итак, христиане обязательно должны повиноваться своим магистратам и законам.

The Remains of Thomas Cranmer, D. D., v. IV. Oxford, 1833, Appendix, p. 289—291 n.

**Статут о всеобщем прощении
(1540 г.¹¹²)**

И также из указанной амнистии исключаются следующие ереси и заблуждения: что детей не следует крестить, а если они крещены, то при достижении дееспособного возраста¹¹³ их следует крестить вторично; что христианин не имеет права занимать какой-либо пост в государстве; что никаким человеческим законам не

¹¹² Данное исключение из амнистии было полностью, кроме предпоследнего пункта, повторено в статуте 1 февраля 1550 г., изданном после восстания Роберта Кета (Strype J. EM, v. II, p. 1, p. 291).

¹¹³ Обычно 14 лет.

следует повиноваться; что христианин не может принимать присягу ни перед каким судьей, что Христос не получил телесной сущности от святой девы; что после крещения грешники не могут быть спасены покаянием; что любой вид смерти, ее время и час настолько точно предначертаны, предназначены и определены богом для каждого человека, что ни принц своим мечом, ни какой другой человек не могут предотвратить или изменить этого по собственному желанию; что все вещи должны быть общими, и ничто частным.

Statutes of the Realm, v. III. L., 1817, p. 812.

**Письмо епископа Винчестерского Стефена Гардинера
архиепископу Кентерберийскому Томасу Кранмеру
(1 июля (?) 1547 г.)**

Анабаптисты, как предупреждали нас Эпинус и Иоанн Фридрих Саксонский, пытались опрокинуть королевскую власть в Англии; необходима бдительность, особенно в том, что может привести к свержению установленной религии или повредить королевскому имени...

Мы должны быть настороже и проявлять прозорливость. Об этом нам серьезно, и в присутствии многих, говорил Гиппиус¹¹⁴, когда он утверждал, что не предполагает, но [достоверно] знает о замыслах анабаптистов уничтожить это королевство, свергнуть королей, да не случится этого. А также впоследствии сам герцог Саксонский Иоанн Фридрих по несомненному дружескому расположению указывал королевскому величеству, чтобы он опасался этой чумы, прислав перехваченные или найденные письма негодяев. Это могло бы показаться вымышленным ими для того, чтобы привлечь нас на свою сторону, что они и замыслили, если бы обнаруженный и выявленный у нас среди некоторых наших [подданных] подобный замысел не доказал, что это отнюдь не пустое.

The Letters of Stephen Gardiner. Cambridge, 1933, p. 317—319.

**Статьи для инспектирования лондонского диоцеза
епископом Николасом Ридли
(Лондон, 1550 г.)**

12. Не проповедует и не утверждает ли кто-нибудь, что отдельные лица могут устраивать мятежи, поднимать восстания или заставлять людей отдавать им свое добро.

13. Не проповедует и не утверждает ли кто-нибудь, что все вещи должны быть общими, или что у нас не должно быть магистратов.

14. Не проповедует и не утверждает ли кто-нибудь, что христианину незаконно приносить присягу перед судьей, когда потре-

¹¹⁴ Иоанн Эпинус.

буют, или, будучи несправедливо обиженным, искать удовлетворения в законном порядке.

15. Не учит, не говорит и не верит ли кто-нибудь, что Христос не принял ни плоти, ни крови от святой девы Марии.

44. Не собирается ли кто-нибудь из секты анабаптистов или иных (еретиков) злонамеренно на какие-либо незаконные или тайные сходки, где они исповедуют учения и совершают таинства, отделяясь от остального прихода.

48. Не говорит ли кто-нибудь против крещения младенцев.

52. Не говорит ли кто-нибудь, что христиан нельзя допускать к покаянию, если они сознательно грешат после крещения. Articles to be inquired of in the visitation of the diocese of London. Impr. in London by Reynolde Wolfe, MDL.

**Англиканские символы веры, «42 статьи»
(приняты духовенством в 1552 г.
и утверждены Эдуардом VI в 1553 г.),
«39 статей»
(приняты духовенством в 1563 г.
и утверждены Елизаветой в 1571 г.)¹¹⁵**

24(23). Никакой человек не может принимать на себя должность публичного проповедника или исполнять таинства в конгрегации, пока его не назначат и не поставят их исполнять в законном порядке...

36(37). Король Англии является верховным, после Христа, главой английской и ирландской церкви¹¹⁶... Для христианина законно, по приказу магистрата, носить оружие и участвовать в войнах.

37(38). Богатства и имущества христиан не являются общими в праве, титуле и обладании ими, как лживо и с бахвальством говорят некие анабаптисты...

38(39). Не дозволено клясться попусту и сгоряча..., но человек может приносить присягу по требованию магистрата...

41(—). Те, кто пытаются возродить небылицы милленариев¹¹⁷, совершенно противоречат в этом Священному писанию... Burnet G. The History of the Reformation of the Church of England, v. II. L., 1850, p. CCXLIV—CCXLVI; Book of Common Prayer.

**Королевская прокламация об изгнании анабаптистов
(Виндзор, 22 сентября 1560 г.)**

Ее королевское величество узнала, что недавно различные лица, зараженные некоторыми опасными и вредными взглядами, в делах религии, противными вере христовой церкви, такие как ана-

¹¹⁵ Мы приводим лишь некоторые, наиболее существенные статьи, содержащие критику анабаптических взглядов. Сначала дается номер соответствующей главы в «42-х», в скобках — в «39-ти статьях».

¹¹⁶ В «39 статьях» формулировка несколько изменена.

¹¹⁷ Милленаризм, или хилиазм, учение о близящемся Тысячелетнем царстве, было характерно для воззрений «мюнстерцев».

Произведения основоположников марксизма-ленинизма

баптисты и им подобные, прибыли из различных заморских стран в это ее королевство, и особенно в город Лондон и другие приморские города, под видом и под предлогом бегства от преследований, [направленных] против проповедников христово Евангелия. Вследствие этого, если срочно не будут приняты меры, божья церковь в этом королевстве испытает великую опасность разложения, и разрастутся секты, противные единству христовой церкви, здесь установленной.

Для исправления этого Ее Величество, по предложению ее совета, уже приказала архиепископу Кентерберийскому, епископу Лондона и другим епископам проследить, чтобы приходы Лондона и других мест, заподозренные в этом, были строго проинспектированы, и все подозреваемые лица открыто проверены и допрошены относительно таких фанатических и еретических взглядов; она желает и распоряжается, чтобы всякого рода лица, рожденные или в иностранных государствах, или во владениях Ее Величества, воспринявшие какие-либо из таких еретических мнений, например анабаптисты, не намеревающиеся примириться милосердным учением, отбыли из королевства в течение 20 дней после [обнародования] этой прокламации под страхом конфискации всего движимого и недвижимого имущества и заключения, а в дальнейшем наказания, каковое предусмотрено в таких случаях или церковными или светскими законами; и Ее Величество также предписывает и приказывает, под страхом заключения, чтобы никакой служитель церкви или другое лицо не устраивали каких-либо сходок или тайных конгрегаций...

Tudor Royal Proclamations, v. II, 1969, N° 469.

**Статьи, разосланные в 1575 г.
для подтверждения голландскими иммигрантами**

1. Что Христос взял плоть от сущности девы.
2. Что детей правоверных следует крестить.
3. Что христианину законно принимать присягу.
4. Что христианин может быть магистратом и занимать пост в государстве.
5. Что христианину законно казнить упрямых еретиков.
6. Что христианину законно воевать.
7. Что христианину законно обращаться к власти магистрата, и что он может быть избавлен от несправедливости, а справедливость восстановлена.
8. Что христианин может законно обладать собственностью и не обращать свое имущество в общее; но, в соответствии с порядком благотворительности, он должен по возможности помогать нуждающимся.

Heriot D. B. Anabaptism in England during the 16th and the 17th Centuries. — In: Transactions of the Congregational Historical Society, v. XII, 1936, p. 319—320.

- Маркс К. Капитал. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 24.
- Маркс К. Ост-Индская компания, ее история и результаты ее деятельности. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 9.
- Маркс К. Хронологические выписки. — Архив Маркса и Энгельса. М.—Л., 1940, т. 7, 8.
- Маркс К., Энгельс Ф. Рецензия из «Neue Rheinische Zeitung. Politischökonomische Revue» № 2. Гизо. «Почему удалась английская революция? Рассуждение об истории английской революции». Париж, 1850. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 7.
- Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство, или критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 2.
- Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 22.
- Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 7.
- Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 21.
- Энгельс Ф. Положение Англии. Восемнадцатый век. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 1.
- Энгельс Ф. Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке». — К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 22.
- Энгельс Ф. Протекционизм или система свободы торговли. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 4.
- Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 19.
- Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов. — Полн. собр. соч., т. 16.
- Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. — Полн. собр. соч., т. 18.
- Ленин В. И. По поводу так называемого вопроса о рынках. — Полн. собр. соч., т. 1.
- Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3.
- Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. 1.

Источники

Бэкон Ф. Сочинения в 2-х томах. М., 1977—1978.
 Меркантилизм. Под ред. Плотникова И. С. — Л., 1935.
 Acts of Privy Council of England. — L., 1892—1893, t. 4—6.
 Васон F. The works. — N. Y., 1968, t. 1—14.
 Весон Th. Early Works. — Cambridge, 1843; The Catechism, with other pieces. — Cambridge, 1844.
 La Brosse J. Two missions of Jacques de la Brosse. — Edinburg, 1942.
 Burnet G. History of the Reformation of the Church of England. — Oxford, 1765, t. 5—6; History of the Reformation of England. — L., 1850, t. 1—2.
 Burrage Ch. The early English Dissenters. — Cambridge, 1912, t. 1—2.
 Calendar of State Papers. Domestic. 1547—1580. — L., 1856.
 Calendar of State Papers, Foreign. — L., 1903—1927, t. 13, 14, 17, 21.
 Calendar of State Papers. Scottish. — L., 1898, t. 1.
 Calendar of State Papers. Spanish. — L., 1916—1954, t. 11—13.
 Calendar of State Papers. Venetian. — L., 1873—1897, t. 5—7, 9.
 Calendar of patent rolls. — L., 1936—1939, t. 1—4.
 Certain Sermons, or Homilies, appointed by the Kynges Majestie. — L., 1547.
 Certain Sermons, or Homilies... — L., 1864.
 Chamberlain P. The poore mans advocate. — L., 1649.
 Chronicle of the Grey Friars of London. — L., 1852.
 Colección de documentos inéditos para la historia de España. — M., 1842—1843, t. 1, 3.
 Collection of State Papers left by W. Cecil. — L., 1740, t. 1.
 Cornelius P. A Way propounded to make the Poore of these and other Nations Happy. — L., 1659.
 Corpus Reformatorum. — Halis Saxonum, 1835—1836, t. 3—4.
 Cranmer Th. The remains of Thomas Cranmer, D. D. — Oxford, 1833, t. 4.
 Culpeper T. Tract against Usurie. — L., 1621.
 Decay of Trade. — L., 1641.
 Devon monastic lands: Calendar of particulars for grants. 1536—1558. — Torquay, 1955.
 The diary of Henry Machyn. — L., 1848.
 Digges D. The Defence of Trade. — L., 1645.
 A Discourse consisting of Motives for the Enlargement and Freedom of Trade. — L., 1645.
 Documentary Annals of the Reformed Church of England. — Oxford, 1844, t. 1—2.
 Early English Tracts of Commerce. — Cambridge, 1954.
 East India Company Letter Book. — L., 1965.
 The Egerton Papers. — L., 1840.

Finetti Philoxenis. — L., 1656.
 Force's Tracts and Other Papers. — N. Y., 1947.
 Forbes P. A full view of the public transactions of the reign of Queen Elizabeth. — L., 1740, t. 1.
 Foreign Correspondence with Mary de Lorraine, Queen of Scotland. — Edinburg, 1925.
 Foxe J. The Acts and Monuments. — L., 1877, t. 1—8.
 Godwin F. Annals of England. — L., 1675.
 Goodman Chr. How superior powers ought to be obeyed. — N. Y., 1972.
 Guaras A. Accession of Queen Mary. — L., 1892.
 Hakluyt R. The principal navigations, voyages and traffiques of English nation. — L., 1907, t. 3.
 The Harleian miscellany. — L., 1746, t. 8.
 Holinshed R. Chronicles of England, Scotland and Ireland newly augmented and continued to the year of 1586. — L., 1808, t. 3—4.
 Hooper J. A Lesson of the Incarnation of Christe that he toke his humanitie in and of the Blessed Virgine... by John Hoper. — (E. Whitechurch), 1549.
 The Institution of a Christen man... — (Barthelet), 1537.
 Journals of the House of Commons. — L., 1852, t. 1.
 Journals of the House of Lords. — L., 1846, t. 1.
 Knox J. History of Reformation in Scotland. — L., 1949, t. 1—2.
 Latimer H. Sermons and Remains. — Cambridge, 1845; Seven Sermons before Edward VI, 1549. — Birminham, 1869.
 Letters and papers of the reign of King Henry VIII. Addenda. — L., 1932, t. 1, part 1.
 List and analysis of State Papers. Foreign series. 1589—1590. L., 1964, t. 1.
 Malynes G. Consuetudo lex mercatoria. — L., 1936.
 Mary Stuart and Elizabeth. The Beginning of the Feud. History in contemporary letters. — L., 1914.
 Misselden E. Free Trade or the Means to make Trade flourish. — L., 1622.
 Narratives of the days of Reformation. — L., 1859.
 Original letters relative to the English Reformation. — Cambridge, 1846—1847, t. 1—2.
 Papier d'Etat du Cardinal de Granvelle. — P., 1844, t. 4.
 Papiers d'Etat, pieces et documents inedits ou peu connus relatifs d'histoire de l'Ecosse au XVI siècle. — P., 1856, t. 1.
 Parker H. Of a Free Trade. — L., 1648.
 Polus Reginaldi. Epistolarum Reginaldi Poli cardinalis. — Brixia, 1757, t. 5.
 Ponet J. A shorte Treatise of politik Power. — In: Hudson W. John Ponet, advocate of limited Monarchy. Chicago, 1942.
 Queen Elizabeth and Her Times. A series of original Letters, selected from the private correspondence. — L., 1838, t. 1.
 Roberts L. The Merchant Mappe of Commerce. — L., 1638.

Rymer Th. Foedera, Conventiones, Litterae etc... accurante Thoma Rymer. — L., 1713, t. 15.
 The Scottish Correspondence of Mary de Lorrain. — Edinburg, 1927.
 The State Papers and Letters of Sir Ralph Sadler. — Edinburg, 1808, t. 1.
 Statutes of the Realm. — L., 1817—1819, t. 3—4.
 Steele R. Tudor and Stuart proclamations. — Oxford, 1910, t. 1—2.
 Stow J. Annales, or a General Chronicle of England. — L., 1631.
 Strype J. Annals of the Reformation. — Oxford, 1824, t. 1—4; Ecclesiastical Memorials. — Oxford, 1822, t. 1—3; Memorials of Archbishop Cranmer. — Oxford, 1848, t. 1—2.
 Stuart Tracts. — Westminster, 1903.
 The Trades Increase. — L., 1615.
 The travels of John Sanderson in the Levant. (1584—1602). — L., 1930.
 Tudor Economic documents. — L., 1937.
 Tudor Royal Proclamations. — New-Haven — London, 1964, t. 1—2.
 Wheeler S. A Treatise of Commerce. — Middelburg, 1601.
 Whitelock B. Memorials of the English Affairs. — Oxford, 1853.
 Whitgift J. Works. — Cambridge, 1851—1853, t. 1—3.
 Dr. William's Library. The Second Part of a Register. — Cambridge, 1915, t. 1—2.
 Wriothesley Ch. A Chronicle of England from 1485 to 1559 by Charles Wriothesley. — L., 1875, 1877, t. 1—2.
 Zurich Letters. — Cambridge, 1842, 1845, t. 1—2.

СОДЕРЖАНИЕ

Г. И. Цыпурина		
Английская дипломатия в Османской империи во второй половине XVI в.		3
Источники		19
А. А. Петросьян		
Эдинбургский договор 1560 г.		31
Источники		55
О. А. Руденко		
Контрреформация в Англии при Марии Тюдор		69
Источники		89
В. М. Карев		
Этические воззрения Френсиса Бэкона		104
Источники		128
М. Г. Осокин		
Зарождение буржуазной экономической мысли в Англии в начале XVII в.		138
Источники		155
В. Н. Ильин		
Борьба Тюдоров с анабаптизмом (XVI в.)		170
Источники		188
Приложение		195

ИБ ПНУС

480077

АНГЛИЯ В ЭПОХУ АБСОЛЮТИЗМА

Зав. редакцией Н. М. Сидорова
Редактор Т. Н. Мацонашвили
Художник В. Б. Гордон
Художественный редактор Б. С. Вехтер
Технический редактор М. Завражнова
Корректоры Н. В. Каргышева, Н. И. Коновалова

Тематический план 1984 г. № 48
ИБ № 1740

Сдано в набор 19.08.83. Подписано к печати 29.02.84. Л-78776
Формат 60×90/16. Бумага тип. № 3. Гарнитура литературная. Вы-
сокая печать. Усл. печ. л. 12,50 Уч.-изд. л. 14,85 Тираж 2000 экз.
Заказ 194. Цена 1 р. 80 к. Изд. № 3062.

Ордена «Знак Почета» издательство Московского университета.
103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.
Типография ордена «Знак Почета» изд-ва МГУ
Москва, Ленинские горы